

Александр Козин

Найденные во времени

Роман

За други своя

Книга шестая

Том второй

Через несколько дней разведчики привели нойду. Тот, гордо подняв подбородок, вышагивал по нашему лагерю. Но... с кляпом во рту. А Юрок, остановившись у костра, вокруг которого сидели партизаны, рассказал: «Идет по нашей дороге, как у себя дома! Холуй гитлеровский! Мы его берем, так он еще и попытал в свой бубен ударить, гаркнуть что-то. Бубен и колотушку Кирюха у него из рук выбил. А я за кадык схватил, да по другому «бубну» врезал. Потом вонючую пасть его старой, ношенной портянкой заткнул. По дороге, поначалу он, конечно, брыкался! Но я ему ствол автомата под ребра сунул. Посмирнее стал. У-у-у, вражина! – замахнулся на нойду Юрок. Оглядывая партизан опять, но уже даже весело продолжил: «Вот, связали. Привели. А вы, братие, помолитесь, пока мы его допрашивать будем. Эти горлопаны силу свою теряют напрочь, когда мы молимся. А почему я Оську не вижу?»

- Он в ближнем «секрете», - ответил кто-то.

- Нам ведь переводчик может понадобится. Срочно! Пока этого колдуна не повесили. Ну-ка, кто-нибудь пчелкой – на пост. Подмените нашего лопаря на часок-другой, и сюда, прямо в штабную землянку, посылайте, - определил Юрок и ткнул нойду стволом автомата в бок. Тот пошатнулся и, чуть было, не упал. Ненавидящим взглядом посмотрел на разведчика, на что тот ответил: «Зыркай не зыркай, а коли молчать будешь, повесим. Как предателя! Ты же – гражданин «эсэсерии». Стало быть, предатель, перебежавший на службу гитлеровцам! Ко вра-а-агу! Вот заранее и думай, как искупить свою иудину вину? Кровью, петлей на шее или еще как. Если выложишь всё, как духу, может быть, и покоптишь небо еще своими поганками в трубке.»

Все проводили взглядами нойду и Юрка. А через минуту ко мне подбежал дежурный по штабу передал просьбу батюшки тоже присутствовать на допросе. В

землянке отец Валерий пояснил: «Может быть, мы все-таки пойдем, как эти «тарелки» заводятся и поднимаются в воздух.»

Нойда сидел на чурбаке, низко опустив голову. Связанный, но уже без кляпа во рту, из которого воняло гнилыми зубами. Наконец, когда в штабную землянку вбежал запыхавшийся Иосиф, нойда, увидев его, быстро что-то заговорил. И набрал в рот воздух. Наш Оська весь сжался, сник, зажал уши ладонями. Прошептал: «Он сейчас крикнет!»

Но Юрок мгновенно подскочил к колдуну и так ударил его в ухо, что оно опухло и посинело. А нойда повалился на пол землянки, отлетев от чурбака метра на два. Мы с дежурным подняли и посадили колдуна на его место. Юрок, поднеся к лицу его свой увесистый кулак, процедил: «Еще попробуешь нам показать свои фокусы, получишь по полной!»

Тут сник нойда... Но когда мы все встали на молитву перед святым образом в углу землянки, он опять вскочил, сделал пару шагов и явно... попытался плюнуть в икону. Тут уж мы не могли стерпеть. Я подставил нойде подножку, а Юрок пнул со всей силы его в пах. Колдун заверещал, словно поросенок. При этом выплевывал какие-то ругательства.

Юрок же прерывисто сказал: «Ну, ладно, на меня ты зыркаешь! Но ты ведь хотел плюнуть в нашего Бога! А этого я тебе простить не могу! И никто здесь простить не может. Мы ведь не оскорбляем ваших идолов. Не плюем в них. А что ж ты, мразь языческая?!»

И, снова пнув нойду, обвел нас взглядом: «Может быть, все-таки сразу повесим его, как предателя? За сотрудничество с гитлеровцами?»

- Нойды не умирают! – несмело подал голос Иосиф.

- А вот мы и проверим, когда он в петле дергаться начнет, - и еще раз пнул нойду. Но послабее.

- Георгий! – даже повысил голос батюшка. Но на это Юрок оправдывался: «А что? Был у нас один надсмотрщик. Тоже саами! Из семьи революционеров. Ух! Как он гордился этим! А бил меня точно так же, как я эту гниду. Но намного больнее и чаще! Только за то, что я – сын невинно убиенного православного священника. Все они – одна «футбольная команда»! Тьфу! Только не мячики эта гниль пинает, а нас с вами!»

- Так что ж? Палачам уподобляться будем? Наш Иосиф – тоже саами! - укоризненно покачал головой отец Валерий. И попросил нас с дежурным: «Поднимите и усадите его.»

Но разговора никак не получалось. Нойда скрежетал своими гнилыми зубами и призывал на нас духов воды, земли, огня, моря, гор и подземных жителей. Так, во всяком случае, переводил Иосиф. Он мелко и часто крестился. Испуганно слушал нойду.

А мне почему-то представилась картина, на которой виделись солдаты и офицеры в какой-то чудной форме. Подобную я видел на обложке книжки из училищной библиотеки. И называлась она, кажется, «Поручик Киж». Точно так! Поначалу я подумал даже, что в книге идет речь о дореволюционной русской армии. Однако, полистав, вдруг выронил ее. Даже не выронил! Словно кто-то незримый выбил книжку из рук, так что она отлетела аж под неблизкий стеллаж. Ох, и выговорила же мне тогда немолодая, толстая, некрасивая, с подбритой и подпудренной верхней губой, чернявая библиотекарша. Велела доложить курсовому офицеру, что я «разбрасываюсь советскими писателями». Оказалось, она сама не знала русского языка! Ведь у меня выпали из рук не «советские писатели», а книжка одного из них! Я тогда так ей и сказал. От этих слов она просто взбесилась. Кричала, брызгала

слиюной прямо мне в лицо. Я, конечно, доложил по команде. Но курсовой офицер, старший лейтенант Черкашин вдруг рассмеялся на это. Похлопал меня по плечу. Успокоил: «Не обращай внимания на Розу Яковлевну. Они все - такие злые на нас...»

«Кто злой? На кого «на нас»? Не значит ли это, что на моего «курсового старлея» кто-то зло тоже держит?» - недоумевал я тогда. Но Черкашин вдруг строго погрозил мне пальцем: «Однако, постарайся не попадаться этой библиотечной крысе на глаза! А то наябедничает муженьку. А он скоро будет преподавать тебе «историю КПСС». Майор Яacobсон. Слышал про такого? А братец его родной в «главном управлении лагерей» служит. В «особый отдел» майор, конечно, не побежит. Но по учебе напакостить может. А Розе Яковлевне я скажу, что примерно тебя наказал. Иди, служи! Готовься к первому полету.»

Но зло все-таки «сработало»! Сработало не на мне! Старшего лейтенанта Черкашина арестовали прямо на наших занятиях, где он, по долгу службы, должен был присутствовать. Арестовали на глазах у курсантов нескольких эскадрилий. А так называемым «понятым» был майор Яacobсон. Нам же в курсовые офицеры назначили капитана Зольдберга, вредного, плешивого, обсыпанного перхотью, коротконогого, похожего на какой-то несъедобный, даже ядовитый гриб с маленькой шляпкой и толстой, расширяющейся к низу ножкой. Мы потом, курсанты-выпускники, так между собой и шутили: «Грибы бывают разные: строчки, сморчки, мухоморы, бледные поганки и зольдберги...»

Старшего же лейтенанта Черкашина больше никто, никогда, нигде не видел. Что с ним случилось?

...И тут я снова как бы увидел карикатурно изображенных русских офицеров и солдат на обложке злополучной книжки. Но в этих, которые привиделись мне,

не было ничего карикатурного! Суровые, уставшие, иззябшиеся, полуголодные, потемневшие ликами от пороха в недавнем бою и дыма костров на лесных ночевках, они недобро смотрели на нойду. Офицер, почему-то очень похожий на меня, как в немом кино, прочитал что-то, написанное на клочке бумаги. Перекрестился. Потом солдаты поставили нойду, - связанного и с петлей на шее, - на седло и... вывели коня из-под его ног. Глаза у нойды вылезли из орбит. Он подергался всем телом и вывалил наружу посиневший язык. А я вдруг увидел, что перед нашими служивыми, с пятаками на веках и свечами в скрещенных руках, лежали такие же русские солдаты и два-три офицера. Как я понял, убиенные по наущению нойды! Мне как будто кто-то подсказал, что, судя по мундирам, они должны были служить в эпоху Императора Павла Первого Петровича. Но причем здесь нойда? И как это соотносится с нами, сегодняшними?

«Надо бы спросить у Агнюши об этом «поручике Кижее», и об авторе книжки,» - мелькнуло у меня в голове. Оглядевшись, я понял, что и видение, и воспоминания почему-то длились не более секунды, потому что и наши, и нойда оставались, как говорится, в исходном положении.

Я взглянул на нойду и от брезгливости, омерзения, охвативших меня, даже передернул плечами. Словно от озноба. Затем вдруг подумал, что кто-то извне подсказывает, как надо поступить с таким Бого- и русоненавстником. А отец Валерий начал допрос. Но ни слова не добился. Нойда только к нашему удивлению сказал по-русски: «Сейчас духи и подземные жители превратят меня в птичку. И я, нагадив на всех вас и вашего Бога, улечу к «царю», господину Гитлеру. И научу его запускать машины, которые наконец-то уничтожат всех вас. И вашу проклятую Россию!»

Отец Валерий обвел всех нас взглядом. Спросил: «Может быть, дадим ему подумать?»

- Ой, не надо! – умоляюще переплел пальцы Иосиф. С опаской взглянул на нойду: «Даже если отвести его в сарай, под замок, он все равно сумеет превратиться в хоряка или ворону! В любую щель пролезет! Улетит, однако! А часовых поставишь, бацка, так замерячит!»

Я отозвал отца Валерия в угол штабной землянки и полусшепотом рассказал о видении. Он покачал головой. Ответил тоже полусшепотом: «Неужели же еще одного вешать? Восемнадцатый век, говоришь? А спроси-ка Агнию Александровну, что она слышала про этого твоего предка, путешествовавшего на Кольский полуостров? Признаюсь, мне тоже интересно. Когда вернется на Русь Удерживающий, - разумею Государя Императора, - ему тоже не безынтересно будет узнать подробности о служении верных. Не только в настоящем, но и в прошлом. Эх! Одним бы только глазком взглянуть на возрожденное Царство Русское! На сокровенную Святую Русь! Тогда и умереть не страшно будет! А в возвращении Помазанника Божия на Русь я не сомневаюсь! Однако, ведь может статься, что лукавый внушил тебе это твое видение. Нойда, может быть, рассказать что-то и намерен даже, а враг, по наущению пришлого колдуна, хочет нашими руками избавиться от местного чародея. Поразмысли, кому выгодно его молчание? Молчание навсегда. Тем паче, что нойда всего лишь «винтик», - заметь, внешний винтик, - в этой бесовской машине, у которой мно-о-ого «внутреннего». Но к этому «внутреннему» его не допускают. «Сыграем» на честолюбии. А повесить несчастного мы всегда успеем. Как предателя многонационального Отечества. А пока я велю связать его по рукам и ногам. А чтобы он не кричал свои заклинания, Юрок ему пасть заткнет кляпом. А ты пока найди Агнию Александровну. Расспроси про Кольскую экспедицию восемнадцатого века.»

Сестрицу я нашел в санитарной землянке. Она заканчивала перевязывать руку Никиты, напоровшегося по дороге в «секрет» на какую-то колючку, после чего царапина начала нарывать. А когда Агнуша завершила перевязку, я рассказал ей о своем видении. Сестра на минуту задумалась. Даже закурила. Потом сказала: «Припоминаю. У папеньки хранились записки того предка. Пра-прадеда, по-моему. Или еще одно «пра»? Маменька о записках рассказывала, потому что не раз перечитывала оные. Точно! Вместе с каким-то ученым из Московского университета экспедиция ходила на Кольский полуостров. Правда тот, как выяснилось, оказался масоном. Но на подъезде к Москве покаялся и, умирившись, отошел ко Господу. Наш предок об этом тоже написал. А на полуосрове точно, было нападение местных жителей-саами. Причем, аборигены, вооруженные пиками, луками, шли в атаку с пустыми, как будто невидящими глазами. Не ведая, что творят, они шли на смерть. Ну-у-у, точно так же, как ты видел сам на болоте. Тогда, говорила маменька, погибли некоторые наши солдаты и офицеры. За сие злодеяние и повесили нойду, замерячевшего нападавших. Наши-то были все с нательными крестами и с настоящей верой в сердцах. Порусски! Поэтому колдовство нойды не действовало. Но все сие, - разумею казнь нойды, - было по Законам Российской Империи. А происходила эта экспедиция в годы правления Царя-великомученика Павла Первого Петровича. Точно! Я хорошо запомнила рассказ маменьки. Да и предок наш в своих записках не мог лгать. Писал-то он для себя. Как православный христианин. В лагере такие рассказы, ой, как, запоминаются! А почему ты спрашиваешь?»

- Потом скажу. Теперь поведай мне еще о книжке под названием «Поручик Кижэ». И кто ее написал? Когда? - собравшись уходить, все-таки поторопился спросить я.

- Но это уж на самом деле - потом! Тема серьёзная. Но я так чувствую, что твое появление связано как-то с пленным нойдой. Так что, ступай-ка, разбирайся с ним. А вечером поговорим о грязном еврейском пасквиле на одного из благочестивейших Российских Императоров.

- Так я и думал. Поэтому кто-то незримый и выбил из рук эту книжонку. Может быть, Ангел-Хранитель?

- Может быть... А может и статья, что этот наш предок из восемнадцатого века оградил тебя от чтения хулы на одного из самых благочестивейших Российских Императоров. Маменька рассказывала, что, судя по запискам, он очень почитал Его Величество Павла Первого Петровича. Даже боготворил! И плакал от того, что не смог спасти Государя, который послал его за Аракчеевым в какое-то Тверское имение. Но масоны-заговорщики и цареубийцы все предусмотрели. И на заставах Санкт-Петербурга даже выставили караулы, коим было приказано не пускать именно Алексея Андреевича Аракчеева в город. А приказ тот отдал ни кто иной, как воспитатель и наставник Цесаревича Александра. Не помню точно фамилии поддонка. Либо Панин, либо Репнин... Не пускать! А стало быть, и тех, кто сопровождал генерала. В данном случае – и нашего предка.

- Аракчеева, говоришь? Этого карьериста, солдафона, деспота, самодура? – хмыкнул я.

- Эх! Не тому тебя учили и не так! Об Аракчееве ты лучше полюбопытствуй у нашего историка Игоря или у батюшки. С Аракчеева каждый Русский офицер должен пример брать. По жизни и по службе. Но я завершу свою мысль. Маменька сказала «плакал», потому что на последних страницах записок нашего предка явно заметны следы от капель слез. А теперь ступай! Тебя заждались в штабной землянке. Занимайся своим нойдой. Я бы не верила ему. Он враг! Генетически! - поцеловала меня в щеку сестра.

Перекрестила. Развернула. И легонько подтолкнула в спину к входной двери.

Когда я вошел в штабную землянку, отец Валерий пытался увещевать нойду. Что называется, «играл» на его честолюбии. Но тот сидел, низко опустив голову и бормоча что-то себе под нос. Юрок же, явно в нетерпении, ходил взад и вперед у колдуна за спиной. Пояснил мне: «Камлает! Только, он, пес, не лаает! Ко-а-алдует! Прости меня, Господи! Но он ведь - враг Твой! А ты через святителя Филарета Московского призывал нас гнушаться Твоих врагов и бить врагов Отечества! Но в нашем случае мы имеем «два по сто в одном флаконе». Так что, прости уж меня, Всемилосердный Господи!»

Я поневоле улыбнулся, глядя на Юрка. Он разговаривал с образом на иконе, как с живым собеседником.

Я отозвал отца Валерия. Мы вдвоем вышли из землянки. И теперь в полный голос я поведал священнику все, что слышал от сестры. Он покачал головой: «Ну и кого вы с Георгием прикажете сейчас захватывать следующим, чтобы хоть что-то узнать о сатанинской горе?»

Я в ответ пожал плечами. А батюшка махнул рукой: «Тебе завтра наблюдать за горой. Это - двое почти бессонных суток. К тому же – верхом на ветке. Иди, отдыхай.»

- А нойда? – вскинул я брови.

- Он все равно ничего не скажет. Бесноватый! В миру бы его фанатиком назвали. А ты иди, иди с Богом.

...Когда мы с Агнюшей после вечернего молитвенного Правила, как всегда, присели возле костра около ее землянки, она вдруг спросила: «А ты разве в училище не смотрел фильм «Поручик Киже»? Его же сняли еще в середине тридцатых годов. И нам в лагере по субботам

«крутили» через раз, нарочно, чтобы Самодержавие похулить.»

Я пожал плечами и помотал головой: «Может быть, в наряде был. Так что не припомню.»

- Бог тебя миловал от просмотра этой гадости. Автор ее – некто Юрий Тынянов. Но никакой он не Юрий! И уж тем паче – с нерусской фамилией. Родился сей персонаж в Витебской губернии. В семье еврея-врача Нансона Ароновича, по-моему, Насоновича и такой же матери Сары-Хаси Беровны Эпштейн. И отчество-то у так называемого советского писателя, как ты понимаешь, - отнюдь не Николаевич. Они любят, когда надо, скрываться под русскими фамилиями и отчествами. Троцкий, к примеру, на самом деле оказывается Бернштейном, Дзержинский – Руфиным.

- Откуда ты знаешь? Про этого, про Тынянова?

- С нами в лагере сидел один известный православный писатель, литературный критик и литературовед. Его расстреляли за антисемитизм. Царствие ему Небевное! Отец Валерий до его мученической кончины очень сдружился с ним. А я, глупенькая, так и не спросила его фамилию. Всё – «дядя Костя, да и дядя Костя». Но батюшка помнит! И при необходимости назовет.... Вот этот дядя Костя и рассказал про русофобские, с позволения сказать, «произведения» Тынянова. Женат «гузский» писатель был на сестре своего приятеля Льва Зильберга, к слову, родного брата Вениамина Каверина. Этот тоже писал, конечно, под русским псевдонимом. Да и вся дальнейшая жизнь этого.., была определена соответствующим кругом. Противно даже поминать имена и фамилии, которые брезгливо называл дядя Костя. В друзьях у Тынянова ходили Виктор Шкловский и Борис Эйхенбаум. Тоже «гузские»... А темами «исследований» Тынянова было творчество Достоевского, Пушкина и других наших великих соотечественников.

Страшно представить даже, что он там наисследовал! Диву даешься, как мог жид вообще рассуждать о русской словесности?! Об образности, рифме, размере стихов или о прозе?! Как смел посягнуть на нашего пророка, предупреждавшего русских, что жида погубят Россию? Семя сатанинское!

- А книжка? А фильм? – с перехватившим дыханием спросил я.

- Чего же ждать от этих русофобов? Ну, посуди сам! Сценарий писал сам Тынянов-Нансон. Или как там его еще?! Режиссер – Файнмицер. Оператор – Кольцатый. Среди актеров - Кмит, Магарилл, Гибшман. Их фамилии вдальбливали нам, заключенным, в память. И этим хотели унижить, оскорбить. Разве ж могли «тыняновы...-гибшманы» таким кагалом слово доброе сказать о православном Императоре-великомученике? О Пушкине и Достоевском? Обо всем Русском народе? Они же и своих пророков, предсказывавших Пришествие Господа нашего Иисуса Христа, деревянными пилами распиливали. Да и сам сюжет и книги, и фильма был преподнесен честному люду, как анекдот о нашей тупости. Я забыла сказать о том, что этот Тынянов официально еще «служил» в «коминтерне». А это ведь - международная организация. Синедрион. Нетрудно предположить «дружбу» и связи «писателя» с инородцами и иноверцами.

Мы с сестрой помолчали. Я закурил, пытаюсь в своем мозгу «переварить» услышанное. Но вдруг вспомнил, вскинулся и попросил: «Расскажи об Аракчеве! Ты упоминала его в рассказе о дневнике нашего пра-пра-дедушки, который ходил на Кольский полуостров.»

Агнюша засмеялась: «Помилосердствуй! Я сегодня так устала! С ног валюсь! Да и тебе завтра в «секрет» к горе уходить. А это, считай, двое суток! Потерпи до своего возвращения. Пока поразмысли об услышанном. А когда

вернешься, мы обязательно поговорим об Алексие Андреевиче. Может быть, батюшка что-то добавит к моему рассказу. Или Игорь. Хотя последнего тоже, что и тебя, не тому учили. А то, что уразумел, так своей любознательностью постиг, которая, в конечном итоге, и подвела его чуть ли не под «вышку». Тогда он начал постигать историю уже в лагерных «университетах». Ты не стесняйся спрашивать их тоже. У отца Валерия – энциклопедическая память!»

И мы с сестрицей, пожелав друг другу «спокойной ночи», разошлись по своим землянкам. А на утро я ушел к знакомой сосне, чтобы наблюдать за колдовской горой. Но там было так тихо, словно фрицы вымерли. Только на вышках, стояли часовые. И у входа в пещеру коптели три мотоцикла. Да рядом прогуливались несколько автоматчиков. Опять же с Максимом на пару мы в бинокли наблюдали за ними.

Вдруг вчерашний студент, соскользнув с дерева, заговорщически прошептал: «А что, если нам попробовать захватить папашу Марты? Авось, он проболтается и раскроет нам тайну?»

- Ты уже «переболел» своей недавней подругой? Любовью к ней? – сочувственно спросил я.

- Да. Особенно после того, как услышал, что мы для них – рабочий скот, - опустив голову, вздохнул Максим. Но при этом густо покраснел. И отвернулся от меня.

«Значит, не «переболел», - подумал я. А вслух высказал: «Я надо поговорить с батюшкой. Но ты ведь видел, что этого инженера-конструктора гитлеровцы берегут и охраняют, как зеницу ока. Да и сам он навряд ли пожелает нам что-нибудь рассказать о своих летательных аппаратах. К тому же, зарылся сейчас, словно крот, в пещере. Ищет ошибку в расчетах. Ты заметил, они сейчас даже не ищут своего «подшефного» нойду. Стало быть, он

им пока – без надобности. А при пропаже папаши твоей бывшей девушки, гитлеровцы, как говорится, землю своими арийскими носами рыть будут, лишь бы найти его.»

- Ты, пожалуй, прав. Но мы в любом случае должны обговорить этот вариант с отцом Валерием. Эх! Как я мечтал бы допросить этого конструктора! Посмотреть в его безстыжие глаза! Узнать истинную причину моего заключения, а заодно и связь фрицев с нашими чекистами-предателями, - не поворачиваясь ко мне, скрипнул зубами парень.

- Узнать о возлюбленной, - продолжил я его думки и мечты. Мне стало жаль Максима. Но я все-таки заметил: «Ну и что ты ему собираешься доказать? У него – своя правда.»

- Это – не правда, а кривда!

- Дай Бог, чтобы твои желания исполнились! Только не вздумай даже напоминать ему о девушке! – даже погрозил я пальцем

- Почему? – удивленно округлил глаза Максим.

- Да потому, что он сразу пожелает использовать тебя в своих целях.

- И чтобы влезть ко мне в доверие, откроет некоторые тайны. Но это даже хорошо!

- Навряд ли... Он наврет в три короба! Сыграет на твоей наивности. На твоём незнании простых самолетов. О дисколетах я уже и не говорю! И все это сделает только для того, чтобы ты поверил ему и помог бежать. А при твоём отказе оклеветает тебя же!

- Ты полагаешь, что я попаду под его влияние? Что могу стать предателем? – даже вскочил на ноги Максим.

- Не обижайся, пожалуйста. Но подумай, кто за всем этим стоит? Как говорит бабушка, силен бес: горами колышит, а людьми, что вениками трясет. К тому же ты сам видел, что они все зачарованы! Опоены каким-то зельем.

Что им в кофе добавляют? Вот и поразмысли, пораскинь мозгами! Впрочем, что это мы с тобой разболтались?! Делим шкуру неубитого медведя! Лучше полезай-ка, брат, на дерево. Да смотри в оба глаза! Хм! В оба окуляра бинокля. Размял затекшие ноги? А то через полчаса и мне лезть.

Наша с Максимом двухсуточная смена подошла к концу. И мы отправились в лагерь. Я, как старший, доложил отцу Валерию о наблюдении. А Максим все-таки предложил захватить конструктора. Батюшка внимательно взгляделся в студента. Ответил: «Это будет очень сложно. Во-первых, мы не знаем расписания его поездок. Во-вторых, Боже упаси нас делать сие на расстоянии даже пяти верст от лагеря. А стало быть, группа захвата должна уходить достаточно далеко и постоянно находиться на том месте. Это не меньше, чем добрая половина отряда! В-третьих, конструктора тут же начнут искать. И для поиска привлекут и танки, и авиацию, и едва ли всю дивизию «мертвая голова». Таким образом, мы окажемся все под прицелом. Должны будем сниматься и уходить. Если нас не обнаружат раньше. Наконец, что мы сможем выведать у автора дисколета? Здесь нужен специалист. Или даже несколько специалистов. Москва не станет присылать их сюда. А тогда как мы фрица доставим через линию фронта? Самолет-то здесь не сядет! Конечно, предложение заманчивое. И вариант его выполнения – идеальный. Ну, что ж, будем думать. Да и с Москвой связаться не помешает.»

- А что с нойдой? – спросил я.

- А что нам было делать? – за отца Валерия ответил Юрок. Пальцем выразительно провел вокруг шеи, а потом - вверх. Хмыкнул: «Я нарочно взял на место казни Оську, чтобы он увидел смерть колдуна, и больше не говорил, что, мол, нойды не умирают.»

А у меня перед глазами повторилась картина, как из-под ног такого же чародея, только двести пятьдесят лет

назад, отводят коня... Подумалось, что этот, современный был потомком того, исторического. Я помотал головой, отгоняя видение. И мы с Максимом отправились отдыхать. Но на лице парня отпечаталась какая-то обида.

- Не дали отомстить разлучнику? – попытался пошутить я.

А Максим вдруг ответил совершенно серьезно: «Да».

...Вечером, после молитвенного Правила, мы с сестрой, как всегда, уселись на бревнышко возле костра, горевшего около ее землянки. Но на этот раз к нам присоединились Никита, Машенька и отец Валерий.

- Батюшка, - обратился я к священнику, - Агнюша давеча обещала мне рассказать про Аракчеева. Так может быть вы..?

Отец Валерий покрутил головой: «Нет-нет. Пусть она. А я, если понадобится, поправлю.»

- Отче! Я волнуюсь при вас рассказывать! Словно стою на экзамене, - потупилась сестра.

- Бог тебя благословит, чадушко! – перекрестил ее батюшка.

- С чего начать?

- С начала, - засмеялся Никита. И полез за кисетом. Скрутил «козью ножку». Прикурил от тлеющей веточки. Глубоко затянулся. Вместе с дымом выдохнул: «Я ведь тоже ничего не слышал об этом человеке.»

- Рассказ свой я хочу предварить тем, что дворянский герб Алексея Андреевича Аракчеева, в отличии от многих иных, не был украшен ни пятиконечными, ни шестиконечными звездами – отличительными знаками принадлежности их обладателей к масонству. Кем-то сознательно, кем-то бессознательно. Зато девизом на гербе были слова *Предан без лести*. И это было воистину так. За сие придворные проходимцы, шаркуны и воры возненавидели Аракчеева. Какие только наветы на него не

сочинялись! А сам Алексей Андреевич родился в Тверской глубинке, в бедной семье отставного поручика. Настолько бедной, что на учебу сына родители собирали деньги у соседей, как говорили тогда, «под подписке». Очевидно, чувствуя за это ответственность, в учебе юноша был в числе лучших выпускников артиллерийского и инженерного корпуса. Особенно его увлекали математика и артиллерийское искусство. Уж не знаю, как последнее называется. Простите... Так вот. Молодому офицеру повезло. Он попал служить в собственное войско Цесаревича Павла Петровича в Гатчину. А оно было создано по типу «потешных» полков Государя Императора Петра Первого Алексиевича Великого. Аракчеев быстро проявил себя. Проявил честностью, искренностью, нестяжанием, усердием. Хотя сам частенько нуждался в деньгах, был милостив нищим. О своих же нуждах никогда никому не жаловался. Будущий Император Павел Петрович ценил именно такие качества в своих подданных. Проявил себя Аракчеев в знании дела. Уже тогда он написал несколько работ по артиллерийскому искусству. Это было отмечено Цесаревичем. А когда Павел Петрович вступил на престол, то назначил Алексея Андреевича петербургским комендантом и командиром сводного батальона Преображенского полка. Чуть позднее он стал генерал-майором, получил несколько орденов. Простите, не знаю каких. Ему было приписано и село Грузино в Тверской губернии с двумя тысячами душ крепостных крестьян.

- Грузино находится Новгородской губернии. А награжден Аракчеев был Анненской лентой и орденом святого благоверного Великого Князя Александра Ярославовича Невского. Чуть позднее, но в этом же году, стал генерал-квартирмейстером, - поправил батюшка.

- Агния Александровна, - подала голос Машенька, - откуда же вы, женщина, знаете такие военные тонкости?

- Маменька вычитала в записках нашего с Алексашей пра-прадеда, который хорошо, что называется, накоротке, еще с Гатчины был знаком с Алексием Андреевичем и очень уважал его. А потом в лагере под Котласом рассказывала. Мне продолжить? Или я вас утомила?

- Нет-нет, что вы?! Только диву даешься, как клеветали на порядочного человека, - воскликнул Никита.

- Да-да! Но клеветали именно те, кто затевал убийство Государя! Говорили, что Аракчеев, якобы, осыпает площадной бранью гвардейских офицеров а солдат «одаривает» палками и кулаками. Потом через год Алексия Андреевича вообще отставили от служба, обвинив в растрате казенных денег. Кого! Который иной раз в день ел одну горбушку аржаного! Однако придворные прощельгигмасы даже воспретили ему въезд в столицу! После убийства Государя Императора Аракчеев, пытавшийся спасти Царя, долго не мог придти в себя. Наконец, он был вызван в Зимний Дворец. Император Александр Первый Павлович Благословенный назначил его инспектором всей русской артиллерии, военным министром, а позднее – председателем департамента военных дел Государственного Совета, сенатором и членом комитета министров. В девятом году прошлого столетия Аракчеев лично руководил переходом наших войск по льду Ботнического залива во время победоносной и кратковременной для нас войны со шведами. Маменька в шестнадцатом году интересовалась его деятельностью. Ездила по архивам. Но в семнадцатом году часть записок уничтожили революционеры, часть пустили на самокрутки развращенные беспорядками дворовые помоложе. Позже мы скитались. А потом нас арестовали. В лагере я не могла узнать что-либо правдоподобное об Алексие Андреевиче.

- Тебе бы самой, сестрица, записки, воспоминания писать! – улыбнулся я. Но вдруг заговорил отец Валерий:

«Если позволите, я продолжу рассказ об Аракчееве в годы Царствования Государя Императора Александра Первого Александровича Благословенного. Не против?»

- Что вы, батюшка?!

- Сделайте милость!

- Надо же знать настоящую историю!

- Не только с большевистской лжи! – отозвались мы.

- Ну, тогда слушайте... С двенадцатого по четырнадцатый годы Аракчеев был в свите Императора Российского. Естественно, он не принимал участия в военных действиях. В этом упрекают его «советские» горе-историки: мол, не воевал, по тылам прятался! Тогда еще молодому Государю нужен был опытный наставник, прошедший школу отца-великомученика. Масонов-то новый Царь убрал из своего Двора. Главных заговорщков-убийц Павла Первого Петровича вообще выслал в дальние имения без права выезда оттуда.

- А почему же не казнил? – воскликнул Никита.

- Да потому, что вся Европа была промасонена. И Государя Александра Первого ждала бы та же участь, что и отца его! К слову, заговор против молодого Царя уже назревал! Вот здесь и понадобился Аракчеев. Уже в восемнадцатом году прошлого столетия Императору понравилась идея так называемых военных поселений. Солдаты, вместе с семьям, за казенный счет, переезжали в места, где Отечеству грозила наибольшая опасность. Конечно, они должны были нести службу. Заниматься огневой, строевой подготовкой. Но и жили семейной жизнью: растили, воспитывали детей, внуков, обрабатывали землю, разводили скотинку. Но заметьте, Государство, не накладывая налогов, еще и платила им за службу! Случались, конечно, и недовольные, забывшие о том, что служить надобно там, куда поставил Господь! Гордыня, маловерие – вот основа греха! А кого же

направить Царю в это, образно говоря, «узкое место»? Конечно же, Аракчеева! Он так и сделал. А в оных-то жили солдаты. Православные христиане! Обязанные олицетворять Воинство Христово. Сейчас большевистские лже-историки говорят о беспорядках в поселениях. Лишь бы опорочить наших предков. Но вы представьте себе армию, в которой напрочь отсутствует дисциплина. Или представьте Церковь, где нет такого понятия, как послушание. А кем стали ангелы, не пожелавшие служить и подчиняться Богу? И все сие – не Божие Домостроение! Слово-то *строить* произошло от слова *Троица*! И вот начальником всех упомянутых поселений и стал Алексей Андреевич Аракчеев. И помяните мое слово: большевики тоже к ним придут! К каким-нибудь «военным городкам». Но именно по образцу военных поселений! Мы, конечно, не будем загадывать, как там будут жить люди без Бога. Но берусь утверждать, что окажутся они в духовных разрухе и мерзости запустения. Помогите им, Господи! Вразуми, спаси и сохрани! Так вот, Аракчеев в Держаном масштабе и руководил военными поселениями. Потом случилось декабрьское восстание. К слову, началось оно на базе одного из поселений, в котором соблазнили солдат - *малых сих*! Отошел в мир иной покровитель Аракчеева Государь Император. Воцарился его Приемник, помазанный Богом на Царство Николай Павлович. Алексей же Андреевич по старости лет отошел от дел. А в тридцать четвертом году отошел и ко Господу. Царствие Небесное сему *преданному без лести* державному мужу. Аминь.

- А для чего же эти военные поселения были нужны, когда есть казачьи станицы? – пожал плечами Никита.

- Казаки считали себя вольными людьми. Всегда. Прости уж, Никитушка, но мы должны смотреть правде в глаза. А наши очи правда иногда и колет... Чем колет? Памятью о том, что даже на Куликовом поле на стороне

Мама я воевали те, кто именовал себя казаками. Конечно, таких отщепенцев было немного. А времена Великой Смуты? А в семнадцатом году? Подумать только! Царский конвой, нацепив красные банты, не защитил Помазаника Божия! Да они костыми должны были лечь, но порубить генерал-предателей и их всю свору! Тоже мне, православные, прости, Господи! Демократии им захотелось! Демонократии! Демократия в аду! На Небесах – Царство! А ведь все одно: казаков, составлявших Царский конвой, в последствие вылавливали и расстреливали большевики. А так называемые «красные» казаки? Всякие «подтелковы»? Что они вытворjali в своих же и в соседних станицах?! Вот я и разумею, что тогда после побед двенадцатого-четырнадцатого годов России нужна была резервная регулярная армия. Ее и составляли военные поселения. А большевистские историки-лжецы напридумывали всяких баек про Русских Царей и лучших людей России. Таких лучших людей, каким был Алексей Андреевич Аракчеев. Конечно, у него не могло не быть недостатков, грехов. Но кто без оных, кроме Господа? Разница лишь в тяжести совершенных и в покаянии за них, - сосредоточенно, словно с амвона говорил батюшка.

- Да я бы этих иуд из конвойной сотни лично порубил бы. Как и любой казак и даже казачка из нашей станицы. Подумать только! Нарушить Присягу - рубанул ладонью воздух Никита.

Все заулыбались на его горячность. Агнюша решил поубавить пыл, разрядить обстановку и сказала: «А я хочу добавить нечто к словам отца Валерия. Оказывается, и наш великий Александр Сергеевич Пушкин тоже причастен к травле Аракчеева. Он, состоя в масонской ложе, прости его Господи, написал несколько эпиграмм на Алексея Андреевича. Я даже запомнила одну, - прости, Господи теперь и меня...»

И сестра, подумав минуту, продекламировала:

*Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
И Царю он друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести...*

- Бр-р-р! Противно продолжать... И это – Пушкин! – брезгливо помотала она головой.

- Во время написания сего пасквиля Александр Сергеевич был заражен идеями масонства. Дружил с декабристами. Но ведь одумался! Покаялся самому Царю! Это дорогого стоит! За что, впрочем, его и убили те же масоны. После «глубины сибирских руд» он же написал стихотворение, насмешливо, даже саркастически разоблачающее масонство. Великие – тоже люди. Тоже могут ошибаться. А мы простим покаявшегося гения и будем молиться за его упокоение, - теперь покачал головой отец Валерий.

Агнюша вдруг встрепенулась: «А знаете ли о том, как убийца Пушкина Дантес был наказан еще в земной жизни? Он ведь женился на родной сестре Наталии Гончаровой. Простите, имя запомнила. Так вот, чадо их, дочка, повзрослев, вообще отказалась от общения с папенькой. На весь дом, громко читала стихи Александра Сергеевича. А над кроватью своей повесила гравюру, на которой было изображено собственно убийство поэта. Вот наказание-то для папаши! Представьте только, какая это была пытка для Дантеса!»

- И все-таки, как человека, жалко его! Представить страшно, что в душе у него творилось, - прошептала Машенька. Но тут же вскинулась, выпрямилась: «Только не подумайте, что я оправдываю убийцу Пушкина!»

Батюшка поднялся с бревнышка: «Ну, всё, дорогие мои, добрый разговор у нас с вами сложился сегодня. Как будто помолились за упокоение души раба Божия война Андрея. А теперь благословляю всех отдохнуть от трудов ратных, праведных и призываю благословение Господне на вас всех.»

И он широко перекрестил нас.

- Какие «добрые» эти Беляновы! Анне Егоровна помогали вывезти урожай, а к нам и носа не кажут. Яблоки, морковь, те же огурцы и все остальное, - заметил я Елене, когда в очередной раз в конце августа машина соседки прокурсировала мимо нашей дачи.

- Надо было дружить с ними! – ответила Елена.

- А я думал, что людям надо помогать безкорыстно. Как Эдуард или Анатолий Димитриевич. Их можно и яблочками угостить. Они же постоянно чем-нибудь угощают. И тебя, и меня. По-соседски. К тому же, ты постоянно носила Беляновым те же яблоки.

- Фи! А то их Ленка со своей банковской зарплатой не может засыпать детей яблоками! А у меня брали только из вежливости. Чтобы не обидеть. Да и то, всякий раз при этом спрашивали, мол, почему это тетя Аня и тетя Катя на дачу не приезжают. Не обидел ли ты чем-то старушек?! – как-то криво и неискренне улыбнулась Елена.

- А чем мог я и их обидеть?

- Ну как же? Приехал... Вернулся... И прибрал все к рукам.

- Вернулся из тюрьмы? После двадцати лет отсидки? Да еще «чего-то тама пи-ишет»! – передразнил я интонацию Екатерины Егоровны. И в сердцах даже смачно плюнул.

- Не заводись, пожалуйста! Они старые люди! А то поссоримся! Нам с тобой рюкзак яблок донести – без проблем!

- Старые люди? Так на старость списать можно и клевету, и предательство! И любое преступление!

- Я же попросила: не за-во-дись! Они же – моя родня. Бли-и-изкая! И другой у меня нет! Не могу же я разорваться между тобой, между Егоркой и между тетушками.

- Если бы они еще не лезли в жизнь нашей семьи.

- Они привыкли к этому. Отца-то Егорки не было!

- А теперь?! - начал, было, я.

- А теперь вы с ним не можете найти общий язык! – уже с раздражением проговорила Елена.

- Нашли бы, если бы твои тетки не вмешивались! Не они же за него заступились, когда он тебя сволочью назвал! И не заступились бы, потому что считали тебя прислугой «мальчика», а заодно и своей, - уже тоже с раздражением сказал и я.

- Но они же старые...

- На колу мочало, начинай сначала, - вздохнул я.

...Как раз в это время от калитки просигналил старенький «Москвичек». И из него вышли трое. В одном из них я узнал бригадира молдован-строителей. И почему-то, наконец, вспомнил его имя: Алексей. Но в сердце моем оно как-то не «клеилось», хотя на груди бригадира сверкал крест. Я почему-то вспомнил «братков» из «группировки», которую «окормлял» бывший священник, изверженный из сана, Александр из Тимохино. Теперь-то он возомнил себя то ли митрополитом, то ли епископом. И сам же себя рукоположил! Хотя даже «отцом» назвать его было срамно. Однако я ему и благодарен за то, что он дал мне возможность написать вторую книгу романа «Пределы поля Куликова». Так вот, о бандитах. У них тоже на грудях сверкали, прости, Господи, большие, золотые кресты. Но я встряхнул головой и отогнал эти мысли прочь. А приехавшие принялись разгружать машину. Кроме Алексея деловито «крутились» два мужичка. Один – в моем возрасте,

в очках, переноске которых было замотано изолентой. Он представился Иваном. Другой, Роман, молодой, спортивного вида, сразу занес в дом нот-бук, и, по-хозяйски осмотревшись, положив его на нашу с Леной постель, подключил в розетку. Строители заносили в дом электрические рубанки, дрели, пилы и какие-то невиданные мною прежде инструменты.

Елена, конечно, засуетилась, поставила на плитку разогреть куриную лапшу, но Алексей, заглянув в кастрюльку, хмыкнул: «Этого, пожалуй, Ромке одному мало будет! Как у вас говорят, на один зубок!»

И тут же вывалил на стол большую, явно деревенскую, жаренную курицу, десяток яиц, шмат сала, пучок зелени и двухлитровую бутылку кваса. При этом еще погрозил мне пальцем: «А тебя, Санек, предупреждаю: никакого спиртного Ромке даже не предлагай!»

Я лишился дара речи от обращения «Санек», от грозящего пальца... Хотел, было сказать, что для подчиненных Алексея, да для него самого у меня есть полное имя и отчество, но тут вмешалась Елена: «Ну, вы тут устраивайтесь. Обживайтесь. Если замерзнете, у нас мощный электрообогреватель есть. Начинайте работать. А мы возвращаемся в Москву. Саша, должно быть, на неделе приедет посмотреть. А в воскресенье, Бог даст, и я подъеду.»

- Зачем же в воскресенье? У нас будет выходной! Я, например, сам куда-нибудь прокачусь, - скривив губы, подал голос Роман.

- Ну, значит, я не приеду. Саша сам разберется в будний день, - как-то даже заискивающе засмеялась Елена.

И через час, собравшись, мы отправились в Москву. По дороге на автобус жена как-то неестественно смеялась. Строила планы. Собиралась удивить и обрадовать тетушек. Только мне все это казалось каким-то фарсом, совершенно чуждым Елене. Я опять не узнавал ее. Прямо сказал об этом.

На что она мне вдруг заявила: «Женщина всегда должна быть неожиданной! И ты радоваться должен моим метаморфозам!»

«Женщина всегда должна молиться за мужа и детей! А я, муж, - за жену и других домочадцев!» - с каким-то предчувствием скорби, обиды и вообще неприятностей подумал я. Но промолчал. А уже в автобусе сделал вид, что задремал.

Георгия дома мы не застали. Он позвонил только ночью и сообщил, что его забрали в милицию. Попросил приехать за ним утром пораньше: «Но не раньше девяти.»

- А что ты натворил? – спросил я.

- Не могу больше говорить. И так дежурный пошел навстречу: дал позвонить, пока начальства нет, - ответил сын. Назвал номер отделения, и в трубке раздались короткие гудки.

Елена, услышав новость, расплакалась. Стала собираться. Но я остановил ее: «Сын же попросил приехать утром. Его все равно сейчас не отпустят. Я часиков в семь позвоню Косте, и мы вместе с ним съездим. Он умеет с «ментами» разговаривать. Милицейское начальство, следователи, всякие дознаватели приходят в лучшем случае к девяти.»

- Но у тебя же такие связи! - сквозь слезы проговорила она.

- Да, есть связи ! А что же твои тетки «ма-а-алчика» не вытащат? Позвони Анне Егоровне! У нее же «связи» с Беляновыми! Она ведь только нас с тобою обвинит!

- Ну, как ты не можешь в трудную минуту оставить тетушек в покое? Не поминать их недобрым словом!

- Ты постаралась бы сделать так, чтобы они оставили нашу семью в покое. И особенно, Георгия! Со своими бабьими наставлениями! А то воспитали, даже не как «институтку», а как кухарку-сплетницу!

С этим мы даже разошлись по разным комнатам. И, как понял я, Лена до утра так и не сомкнула глаз. Даже, как я услышал, плакала. Ну, что ж, можно понять: мать есть мать!

...Утром я созвонился с Костей. Рассказал ему все. Он же ответил: «Вседозволенность! Пороть его надо было, а не сюсюкаться с ним! Бабское воспитание! Но во всем вини только себя. Через пятнадцать минут выезжаю. Жди меня у станции метро «Выхино». У выхода из первого вагона. Найдем твоё отделение милиции. И непутевого сынка твоего найдем. Пусть Елена не беспокоится. Если, конечно, он не совершил какого-нибудь тяжкого преступления. Господи, помилуй!»

Отделение милиции мы нашли с трудом. Оно затерялось где-то в переулках между домами. В дежурной части к нам вышел добродушный капитан. Успокоил: «Вашего сына задержали по подозрению в поджоге пластиковых мусорных контейнеров. Но теперь все выяснилось. Мы достали и просмотрели видеозапись. На самом деле поджигал не он. И настоящих поджигателей мы уже задержали. После оформления некоторых формальностей, мы его отпустим. Вы будете дожидаться сына?»

Минут через пятнадцать Георгий вышел с каким-то своим приятелем. И сказал, чтобы мы с Костей не ждали, потому что он поедет куда-то. Костя довез меня до станции метро «Рязанский проспект», и я отправился домой. По дороге позвонил Елене. Весело рассказал всю историю произошедшего. Жена вздохнула: «Слава Богу! А то я вся извелась.»

А через несколько дней я отправился на дачу. Работа там, что называется, кипела. Полдома Роман с Иваном уже снесли. Вырыли фундамент и установили на него несколько балок, пропитав их какой-то жидкостью. Но ко времени

моего отъезда, под вечер пошел дождь и мы зашли в дом. А точнее – в оставшуюся комнату с «буржуйкой». Роман сразу улегся на кровать теток, включил нот-бук и принялся разглядывать сайты с порнухой.

- Ты еще не завел здесь молоденькой зазнобы? – засмеялся я, через его плечо рассматривая фотографии.

- Я предпочитаю теток постарше. Лет под пятьдесят. Эти поопытнее в постели! Они всегда думают, что последний раз и та-а-а-кое вытворяют! Найду. С дач-то не все разъехались. Несколько я уже приметил, когда в магазин ходил. Фигуристые! - ответил он, не отрывая взгляда от экрана.

Мне, честно говоря, такие речи не понравились. Не то, что я подозревал Лену в возможной измене. Однако, Роман мог просто оскорбить ее своими домогательствами. Иван же в это время варил курицу и как-то тоже нехорошо усмехался. А мне стало просто противно. И я поспешил уехать от этой «веселой» компашки. Конечно, вернувшись в Москву я ничего не стал рассказывать Елене. Но твердо решил одну ее на дачу не отпускать. Я еще пару раз съездил на дачу. Первый этаж был уже почти готов, и строители заняли одну из маленьких комнат. Но в декабре они уехали в свою Молдову на зиму. Пообещали вернуться в конце апреля. А мы с Леной решили попутешествовать. И в январе, накануне Рождества Христова отправились на поезде в Казань...

...Странно, но меня не покидало ощущение, что я когда-то побывал в этих местах, мелькающих за окном вагона. Казалось, что проезжал по этим балкам, оврагам, холмам. По этим неухоженным буреломам. Мимо заледеневших рек и озер. Но не на поезде же! Я даже передернул плечами, словно от озноба. В памяти всплывали смутные воспоминания каких-то сражений, горящих сел,

деревень. Нет! Я определенно был здесь! Хотя до этого и не бывал.

На вокзале нас уже ждал «Икарус» и милая экскурсоводша средних лет, которая, представившись, сразу же пояснила: «Коренное население Казани и ее окрестностей – волжские булгары. Прошу не путать с пришлыми и захватившими нас татаро-монголами. Они принесли на нашу землю и ислам.»

- А какая религия была у местных жителей до этого? – спросил кто-то из экскурсантов.

- Язычество. Но это была очень добрая религия с роскошными праздниками, обрядами, обычаями. Христианство тоже прижилось в нашем народе. У нас в городе есть немало христианских храмов. Они включены в программу экскурсии. Я, например, сама – христианка. А еще мы съездим в Свияжск. Там тоже есть действующий монастырь. Недавно восстановленный. Но об этом я буду рассказывать по ходу экскурсии. А сейчас мы едем в пятизвездочную гостиницу «Шалаяпин». Дело в том, что на ее месте стоял дом, в котором жил наш великий соотечественник, певец.

Хотелось мне напомнить, что булгары поклонялись змию. И сейчас на месте капища, на змиевой горе расположен женский монастырь. Хороша же была «добрая» религия. А еще меня, что называется, так и «подмывало» напомнить ей, что именно волжские булгары совершали частые набеги на русские восточные княжества, и что святой Великий Князь-страстотерпец Андрей Боголюбский наголову разбил захватчиков, от чего они уже не могли оправиться. Если мне не изменяет память, то Праздник Покрова Богородицы на Руси считается Великим именно после этого сражения.

Конечно, экскурсоводша не могла об этом не знать. Но раз не сказала, подумал я, что ж буду оскорблять ее национальные чувства.

Гостиница на самом деле была роскошной. И для начала, мы позавтракали. Шведский» стол! А ведь был Рождественский Сочельник! Но я находил оправдание в том, что мы – путешественники. Поэтому набрал три вида салат с кальмарами, селедочку и жареную треску с картошкой. Кстати заметил, что еще несколько экскурсантов тоже не едят скоромного.

В этот день состоялась обзорная экскурсия по храмам Казани. Побывали в Церквях Святой Троицы, Святителя Николая Чудотворца, Казанской Божией Матери, Великомученицы Параскевы Пятницы, в Соборе Богоявления Господня и конечно же в Благовещенском Соборе Казанского кремля. Везде покупали и ставили свечи, молились.

А вот, в так называемый «храм все религий» я не пошел. Хотя Лена пожелала сходить. Но я попросил ее ничего не рассказывать, дабы не уподобляться кощунникам. Кстати, в автобусе остались еще несколько человек из тех, кто в ресторане не вкушал скоромного. После ужина мы с женой поднялись в гостиничный номер, чтобы отдохнуть перед ночной Рождественской службой. И незадолго до полуночи отправились с Церковь во имя святых Апостолов Петра и Павла. Ее по преданию воздвигал сам Государь Император Петр Первый Алексеевич Великий.

В храме было столпотворение, грязь на полу, полупьянь, какие-то девицы хохотали и галдели, дети бегали, к иконам было не подойти. Как же, интересно на праздник Рождества взглянуть! Но что приятно поразило: явные татары чинно стояли вдоль стен. Нет, конечно, не крестились. Но вели себя хотя бы благопристойно! Дай Бог, если кто-то из них придет к Православной вере. А русские

творили беззаконие! Мы с Леной поставили свечи перед образом Всех Святых и ушли в храм, который стоял рядом с гостиницей. Там стояли многие из нашей гостиницы. Хотя прихожан вообще было человек двадцать... Но я хотя бы услышал слова молитв! По дощатому, красному полу я понял, что Церковь вернула в свою собственность храм совсем недавно. Местная, должно быть, старушка, угадав в нас с Леной приезжих, шепотом пояснила, что раньше, года три назад, здесь была спортивная школа.

- А ведь в этот храм сам Шаляпин во младенчестве и отрочестве хаживал! – со значением подняла она указательный палец. Оглянулась. И еще тише прошептала: «Злые языки болтают, что родился он в семье бывшего крестьянина. Но вы бы видели их семейное фото. Не верится... Папенька его похож на Дон-Кихота. А про крестьянина уже большевики наврали!»

И она, перекрестившись, засемила куда-то. А мы спокойно выстояли всю Рождественскую службу. С трудом встали. Но мясное и молочное взбудрило. Я, что называется, после поста отводил душу. А экскурсоводша торопила: «Поживее! Поживее, дорогие мои! Едем в Свяжск. По дороге доспите. Больше часа добираться!»

Мы поднялись в номер, чтобы одеться. И тут вдруг у Елены носом пошла кровь. Я решил отказаться от поездки. Но она сказала: «Поезжай один. Это же надо для твоего романа. Ты говорил, что сейчас пишешь про Ивана Грозного! Вернее, про его время.»

И кровотечение сразу прекратилось! А я понял, что вызвано оно было... врагом рода человеческого. Не любит он, когда люди жертвуют чем-то ради ближних своих. Я сказал Елене об этом. Она засмеялась. Еще раз посмотрелась в зеркало. Повязывая шарф, буркнула: «Придумаешь тоже!»

Но я был несказанно благодарен жене за намерение. Но по дороге к автобусу все-таки заметил: «А ты бы почитала

то, что я пишу. Это ведь - уже четвертая книга. Жены Куприна, Булгакова и многих других первыми читали произведения своих супругов!»

Лена засмеялась, как смеются женщины, когда хитрят или лгут: «Лучше и не предлагай! Я найду в твоих рукописях столько недочетов, столько стилистических ошибок, что ты сразу начнешь обижаться. Нет! Нет! И еще раз нет. Мы итак уже раз в неделю с тобой ссоримся!»

В автобусе она задремала. А я смотрел в окно и думал: «Почему же святой Государь Иоанн Четвертый Васильевич, - Грозный для недругов России, - не захотел ее допускать в столь святое место? Тетки ли это с их явным колдовством и ненавистью к любому мужчине? Или еще что-то? Все-таки у их семейства есть какая-то тайна. И это не подозрительность во мне «играет», а, скорее, жалость к Еленушке. А как было бы замечательно, если бы у нас не было тайн друг от друга. В самом деле, я же ничего не скрываю от нее!»

...За окном нашего «Икаруса» простиралась ледяная степь. А вдалеке, за Волгой уже виднелась гора или холм с убогими постройками. Но на самой вершине белела большая колокольня. Экскурсоводша со смехом спросила: «Вы все утеплились? За бортом нашего автобуса – минус двадцать пять мороза! А Свияжск к тому же обдувается всеми ветрами! Они даже снег выдувают с горы до самой земли! Так что будьте готовы и к этому испытанию!»

И она принялась рассказывать то, что я к собственному удивлению уже знал. О первых неудачных походах русского воинства на Казань. О воздействии местных колдунов на погоду. Наконец, о крепости Свияжск, бревна для которой заготавливались под Нижним Новгородом. Потом их собирали в крепость, а пронумеровав снова «раскатывали». И доставляли сюда по Волге. И татары представить себе не могли, что в тридцати верстах от их столицы, на горе за несколько дней вырастет такая

русская цитадель. И она еще послужит, говоря современным языком, военной базой, перевалочным пунктом для Русского воинства. С арсеналом, продуктовыми складами, с заготовленным загодя фуражом для конницы.

- А казанцы даже не пытались захватить крепость? – подал голос какой-то мужчина, сидевший позади нас.

- Просто не успели собрать нужное войско! Я уже говорила, что крепость бы сложена за несколько дней. А корабли с русским воинством все прибывали и прибывали! И отсюда пошли на штурм Казани! Свяжск – по сути остров, соединенный с «большой землей» мостом и дамбой. Предание гласит, что он – не что иное, как легендарный остров Буян, – даже с каким-то задором ответила экскурсоводша.

Автобус остановился у подножья горы. Водитель что-то выговорил нашей ведущей. Показал на дорогу, круто поднимающуюся вверх. Невооруженным глазом была видна на ней ледяная корка.

- Может быть, не пойдем? – пискнула какая-то девица.

- Здрасьте! А зачем тогда отмахали сюда тридцать километров? - возразил ей кто-то.

- Дальше автобус проехать не сможет. Но по обочине дороги подняться не так трудно. Видите следы? Наледь хрупкая. Не скользит. Ломается. Стало быть, люди поднимаются. Кто не хочет идти, пожалуйста, оставайтесь в автобусе, - возразил водитель.

И вот так, держась за руки, мы начали подниматься. Жесткий, обжигающий ветер проникал, как говорится, до костей. Но мы все-таки добрались до вершины, где оказался небольшой, но теплый музей. Нас встретил старичок, - то ли смотритель, то ли сторож. А может быть, всё - в одном лице. И первым делом предложил пройти в крохотную церковь во имя Святой Троицы. Он повторил рассказ нашей экскурсоводши. Но, гордо вскинув подбородок, слегка

торжественно уточнил: «А храм сей своими ручками возводил лично Иоанн Васильевич Грозный! Представьте только! Царь носил бревна!»

- Как Ленин! С бревном! – засмеялся какой-то экскурсант в дорогой кожаной дубленке.

Старичок смерил сказавшего взглядом с ног до головы. Но тут же, опустив глаза и пошевелив губами, спокойно, даже с жалостью сказал: «Во-первых, упомянутый вами не к ночи персонаж-безбожник убирал мусор. Во-вторых, он храмы Божии разрушал, святые образа сжигал. А Цари наши русские возводили и сотворяли! Понимаете ли? Творили совместно с Господом Богом! Царствие им Небесное и вечная память!»

Я задержался в храме. И тут же в памяти моей опять всплыли струги, груженные бревнами, досками. В других кораблях плыли стрельцы. Конница же с обозом шла берегом на расстоянии видимости. Изредка от нее отделялись небольшие отряды. Эти окружали татарские разъезды и нещадно рубили их. Дабы казанцы не успели доложить своим о приближающемся Русском войске. А на высоком берегу Свяжска я вдруг увидел Царя Иоанна Васильевича. Он в одной длинной холщовой рубахе подставлял под увесистое бревно плечо и весело нес его к церкви. Даже еще шутил на ходу!

Мы прошлись по нескольким зальчикам этого, с позволения сказать, музея но ничего нового, интересного я в них не увидел. Оружие, доспехи можно было увидеть даже в каком-нибудь провинциальном музее. Не говоря уже о Московском Историческом. А экскурсоводша, захлебываясь говорила и говорила. И сама явно получала от этого удовольствие. Монастырь оказался в процессе восстановления. И даже со святыми образами здесь были затруднения. А помещениях на окнах и стенах корбились толстая корка льда.

- Как же вы живете здесь? – жалостливо спросила одна из экскурсанток молодого монаха, водившего нас по монастырю. И, зябко передернув плечами, поплотнее закуталась в шубу.

- Молитвами и Божией милостью. Да нас-то, насельников-монахов, всего трое. Летом обычно приезжают трудники. Много молодежи. Места-то здесь былинные! Трудники по мере сил помогают. А в такую погоду к нам даже продуктовая автолавка не добирается. Да и кто мешки с той же картошкой или макаронами повезет? Но не ропщем. Селяне иногда помогают пожертвованиями, домашними консервами. За все – слава Богу! А то, приезжайте. Жилье найдем у какой-нибудь старушки. Конечно, не отель «пять звезд». Зато отдохнете на вольной волюшке. И обители поможете. В меру сил и желания. У нас ведь никто никого не заставляет.»

- Нет-нет! У нашей семьи летом обычно – дачный сезон. Свой огород, сад. А вот денег я пожертвовать могу, - и она достала из сумочки тысячу рублей. Другие экскурсанты тоже засуетились, полезли за бумажниками, кошельками, принялись отсчитывать купюры. Монах поклонился в пояс: *«Спаси Господи! Блаженны милостивии, ибо те помилованы будут. А свои жертвования вы можете положить в ящичек при входе в братский корпус.»*

Только мужик в дорогой дубленке отвернулся и сделал вид, что внимательно изучает что-то на стене.

А через полчаса мы уже, уже опять взявшись за руки, заскользили по той же дороге вниз, к автобусу. И как один, иззябшись, задремали в жарко натопленном «Икарусе».

Вернувшись в гостиницу, Елена долго отогревалась в ванне. А потом нас повезли в татарский ресторан. Но экскурсоводша сразу предупредила, что спиртного там не подают, потому что «аллах воспрещает вкушать от виноградной лозы». И тут же со смехом добавила: «Завтра

заглянем в кафедральную мечеть. Но очень ненадолго. До обеда мы должны успеть в Раифский монастырь. Тоже не надолго. И тут же отправимся в загородный развлекательный центр «Шатры». Там наверстаем упущенное! Покатаемся на тройках, снегоходах, если кто умеет, верхом. И этим завершим нашу экскурсию. Послезавтра тоже утром я провожу вас на поезд.»

А подумав, добавила: «Поэтому после ужина, когда вернемся к «Шалыпину», в гостинице, пожалуйста, сразу подойдите ко мне. Я выдам вам железнодорожные билеты. А вечером можете прогуляться по Казани. В пяти минутах ходьбы от вас находится сразу несколько торговых центров, центральный гастроном, универмаг. Советую угоститься местным «Таном» и конской колбасой. Они не дороже, чем в Москве, но зато натуральные. Не заблудитесь. Пойдете по центральной улице. Она – то же самое, что и Арбат в Москве. Только пешеходное движение. И выйдете сразу к магазинам. Купите сувениры. У нас недорогие промтовары.»

На ужин в ресторане нам подали какой суп с треугольными пирожками, вареную конину с картошкой, «Столичный салат», какой-то напиток с травами, вместо хлеба лепешки. Все это было очень даже вкусно. Мы прогулялись по пешеходной улице. Но в «Универсаме» конская колбаса оказалась по цене одинаковой со свиной сырокопченной где-нибудь в «Новоарбатском». Поэтому мы с Еленой ограничились только «Таном». Да и по тридцатиградусному морозу особо не очень-то нагуляешься!

Вернувшись в номер, сказал Лене, что не хочу ехать в мечеть. Уж лучше в автобусе подождать!

- Да ладно тебе... Ну и что? Подумаешь, иноверцы! Ты же сам говорил, что Иван Грозный рядом с православным храмом мечеть построил. Так сказать, в знак примирения двух народов: нас и татар. А пойти, посмотреть интересно. Пойдем, как в музей истории Казанского ханства. Не

молиться же мы собрались вместе с татарами! – возражала жена.

И я, скрепя сердцем, согласился. Но наутро оказалось, что я безо всякого «экскурсионного» интереса побродил по переполненной мечети. Зато, поспешив выйти оттуда, с удивлением заметил, что в Казани есть своя «наклонно-падающая башня». И наклон ее намного больше, в Пизе! Вот так! Знай наших!

Экскурсоводша на ходу к автобусу пояснила: «Во времена Царя Ивана Грозного в Казани правила царица Сююмбике. Она была очень гордой и красивой. А после падения ханства согласно легенде к ней посватался Русский Государь. Но царица поставила условие: он должен за семь дней возвести высокую каменную башню. Иван Васильевич выполнил каприз. Но Сююмбике взобралась на самый верх и бросилась вниз с этой башни. Понятно, конечно же, она разбилась насмерть. А башня, по той же легенде, накренилась от потери своей гордой и неприступной владычицы. Как бы от горя! Поспешим! Нам надо успеть еще в Раифский Богоявленский мужской монастырь.»

Автобус гнал с предельной скоростью. И скоро мы остановились около камня, который по диагонали пересекала полоса, отделяющая красный верх плиты от белого. А экскурсоводша пояснила: «Еще в каком-то лохмато-тридцатом году в монастырь приехали из Казани местные чекисты, чтобы изъять церковные ценности, священные сосуды и так далее. Но мужики, - прихожане монастыря, - вышли им навстречу. И побили. Да так побили, что власти вынуждены были прислать сюда пулеметный полк. Он-то и расстрелял всех насельников и крестьян из близлежащих селений. Говорят, что даже магометане вышли, чтобы защитить православных монахов. Последних тоже не пожалели. А погребальную плиту назвали памятником примирения.»

Я хотел что-то сказать, но женщина, сидевшая на первом сидении, вдруг воскликнула: «Какое же может примирение у сатаны с Господом Богом. Даже местные почитатели аллаха это поняли!»

Пассажиры автобуса принялись спорить друг с другом, но наша гид объявила: «Мы подъехали к воротам в монастырь. Прошу долго не задерживаться. У нас еще впереди большая программа. Церковная лавочка – направо, собор – налево. Можете пофотографироваться на фоне ледяных скульптур замков, теремов, литературных героев. Это – на берегу озера, где в незапамятные времена камлали язычники-марийцы. Потом сюда пришел монах-отшельник Филарет, выходец из Московского Чудова монастыря. Он-то и обратил марийцев в истинную веру. Увы, автобусы сюда не пускают!»

Первое неслыханное мое удивление было вызвано тем, что на витрине «церковной лавочки» в пол-литровых бутылочках стояла «святая вода», оцененная кем-то из начальства в тридцать рублей. И это по времени нашей экскурсии «перескакивало» цены на свечи. Другое удивление, даже, пожалуй, возмущение вызвала цена «входа на колокольню собора» - пятьдесят рублей! Неужели мы бы не пожертвовали «по силам» на монастырь?!

Я увел Елену на берег озера, где в человеческий возвышались скульптуры, о которых говорила экскурсоводша. Хорошо, хоть посещение этой выставки из льда было даром! Я, кстати высказал вслух свое удивление.

- Обдираловка! – отозвался мужик в дорогой дубленке. Возмущались и другие. Но экскурсоводша только вздохнула: «До недавнего времени в монастыре вообще были тюрьма и колония для малолетних преступников. Представляете, сколько работы было у отца настоятеля, чтобы поднять монастырь? Это все равно, что начинать строительство

заново! Я побывала здесь всего два года тому назад! Разруха. Это еще мягко сказано!»

- Но не магазинной же оценкой Святой воды. Как в овощном магазине или на колхозном рынке, где торгуют одни выходцы с Кавказа или из Средней Азии! В Москве, да и в других городах наливать можно хоть пятилитровые бутылки Крещенской Святой воды! Безвозмездно! - явно сдерживаясь, заметила женщина, возмущавшаяся «доской примирения».

- Церковники здесь тоже делают свой бизнес! Минералка меньше стоит! – заметил еще кто-то.

- А вы пригляделись к настоятелю! Или к заместителю. Или... как его еще там называют?! Этот делает не бизнес, а гешефт! – засмеялся молодой парень с последнего сиденья.

...- Это замечательно, что мы не стали задерживаться в Раифе. Мне тоже неприятны порядки, заведенные там. Значит, больше уделим времени на прощальный ужин! – сменила тему разговора экскурсоводша. Даже замурлыкала что-то себе под нос. А экскурсанты дружно и весело загомонили. Мужик в дорогой дубленке даже хлопнул в ладоши.

- А давайте-ка споем! - предложил кто-то. И затянул: «Ой, мороз, мо-о-ороз! Не морозь меня!»

Все пассажиры «Икаруса» подхватили. Потом пели «Рябинушку». За ней последовала «Огней так много золотых на улицах Саратова». Смеясь, исполнили «Маленькой елочке холодно зимой...» И не заметили, как доехали до назначенного места.

Мужик в дорогой дубленке вышел из автобуса. Огляделся. Брезгливо скривил губы. Обратился к экскурсоводше: «Вы говорили, что нас ожидают здесь шатры... А это же обычные многоместные армейские палатки! Мы же в них, как говорится, дуба дадим!»

- Уверю вас! Там тепло! Печки докрасна раскалены! Вы ваши шубы снимаете. К тому же, согреться будем горячим татарским национальным блюдом – шулюмом, конской колбаской, другими закусками и водочкой! – последовал ответ.

- А ведь татарам нельзя спиртное! – поджав губы, заметила женщина, рассуждавшая о Святой воде.

- Я еще при нашем знакомстве представилась. Я – не татарка, а волжская болгарка. И в наших «шатрах» работают настоящие болгары. Но если рассуждать строго, то Аллах запрещает вкушать именно от виноградной лозы. А про хмельные напитки из зерна он ничего не говорил. А мы будем угощаться именно хорошей, хлебной водкой. Не из винограда! Попробуйте! В Москве такую не выпускают, – засмеялась экскурсоводша. И жестом пригласила нас войти в большую армейскую палатку.

А я вспомнил, как в армии в двадцатиградусный мороз, в такой же палатке и тоже при раскаленных докрасна печках, для нас устраивалась баня. А ведь и не мерзли! Но, оценивая тон нашей экскурсоводши, входя в палатку, просто шепнул Елене: «Вот он «ленинский» лозунг об объединении пролетариев всех стран! В действии! Вот оно братство двух духовно близких народов! Татар и волжских болгар.»

Но почему-то жена посмотрела на меня неодобрительно: «Всё-то тебе нужно осудить, раскритиковать! С сарказмом! Это – не по-христиански. Да и не по-человечески!»

В палатке на самом деле было тепло. Даже молодой повар суетился возле плиты, которая нагревалась, тоже от армейского, генератора. И не замерзал в своем белом поварском полу-халате, накинутым на одну лишь тельняшку. Он даже поклонился нам: «Заходите, дорогие гости. Выпейте по стопке. Запейте бульоном из баранинки.

Закусите, чем Бог послал. И забудете про мороз! Потом на лошадах, на троечках, на снегоходах покатаетесь. А пока горяченькое поспеет: шулюм, шашлык, бастурма.»

Мы сделали так, как он посоветовал. И в самом деле мгновенно согрелись. А парень, разнося большие куски копченой конины, между тем рассказывал: «Наши предки, уходя в дальние походы, между седлом и крупом лошади всегда укладывали баранину и конину. Лошадка, конечно, потела. И в эдаком рассоле прело мясо. Заметьте, оно не портилось долгое время. Хотя в достопамятные времена холодильников и «морозилок» не было. Но повторяю: мясо не портилось даже в жару! Мы сейчас потчуем вас, конечно, более санитарно приготовленными деликатесами. Хотя лошади у нас тоже есть. Наши ребята могут предложить вам развлечения по вкусу.»

И он, как бы приглашая, показал нам на выход из палатки. А перед ней уже стояли молодые люди в национальных костюмах. Кто-то держал коней под уздцы, кто-то перебирал вожжи, сидя на облучках нескольких стилизованных карет с колокольчиками под дугами. Повозки были аляписто разукрашены крупным цветочным орнаментом. А у лошадок в гривах разноцветились вплетенные в них ленточки.

Еленушка поспешила тут же занять место в карете и важно, даже жеманно уселась на заднее сиденье. А я несколько раз сфотографировал ее. Сделав большой круг по заснеженной степи, она вернулась. Теперь была моя очередь фотографироваться. Я выбрал себе серую, «в яблоках» лошадку. Вставил ногу в стремя, готовый взлететь на круп, а жокей спросил: «Раньше приходилось сидеть в седле?»

А я вдруг услышал, как кто-то шепнул мне: «Приходилось! При покорении Казани...»

Но я только кивнул. Однако жокей все-таки протянул мне шлем: «Оденьте, пожалуйста. По правилам безопасности.»

Я потрепал, а потом погладил гриву лошадки. Наклонился и прошептал: «Вспомним-ка молодость, красавица моя! Вспомним, как это бывало во времена святого благоверного Великого Князя и Царя Иоанна Четвертого Васильевича Грозного!»

И она как будто поняла. Не торопко, переходя в галоп, понесла. Жокей от удивления даже развел руки в стороны. Но тут же крикнул мне: «Пожалуйста, возвращайтесь! У нас не положено скакать с такой скоростью! По правилам безопасности!»

Лена сфотографировав меня несколько раз, помахала рукой: «Все уже за стол уселись. Пойдем-пойдем!»

А жокей, достал из своей сумки густо посоленную горбушку ржаного хлеба и протянул ее мне: «Поблагодарите «Яблочко». У лошади кличка такая... Хорошо вы в седле сидите. Учились где-то?»

- Да-да! – только и ответил я. Не захотел оскорбить его «национальные чувства». Однако подумал: «А наши национальные русские чувства никто не боится оскорбить! Даже считает себя обязанным сделать сие! Триста лет сидели у нас на шее! А теперь считают себя еще и обиженными «великорусским шовинизмом» Но отмщение- то воздано самим Богом.»

По пути к «Шатрам» Елена спросила меня: «Где же ты так хорошо научился в седле сидеть? Я просто залюбовалась тобой! Наверное, в твоём военном училище верховую езду преподавали? Только зачем она нужна была вам, стратегическим ракетчикам? Вы же в бункерах сидели.»

- Научился? Научился! Например, при взятии Казани. Второго октября одна тысяча пятьсот пятьдесят второго года. Да и раньше. В четвертом столетии... И потом, перед

Куликовской битвой, и в Опричном войске, и в годы правления Государя Императора-мученика Павла Первого Петровича, в другом военном училище перед Русско-японской войной, - ответил я. И сам удивился точности своего ответа. Не должен был я этого знать! Помнить!

- Фантазер ты мой! Но память у тебя просто энциклопедическая! – взяв под руку, прижалась жена ко мне ...Застолье продлилось до позднего вечера. Все экскурсанты раскраснелись! Наелись, что называется, на несколько дней вперед. Потом пели песни. Русские народные песни! Даже повар, несколько жокеев и экскурсоводша присоединились к нам.

А утром скорый поезд уносил нас в Москву.

- Будем ждать гостей с «большой земли». Главное – не перепутать их с другими, из колдовской горы. Ежели дождемся настоящих. Еще неизвестно, настоящие ли они. В любом случае, вести в лагерь сразу не надо. Береженого Бог бережет. Просто сообщите мне, а я уж их встречу где-нибудь в лесу. Подальше отсюда. Гитлеровцы преподали нам уже целых два хороших урока. Поучимся, братие, на своих ошибках. Помолимся, - говорил батюшка на общем нашем собрании всей нашей партизанской общины.

- А стереженного конвой стережет. Гитлеровский конвой нас сразу в расход пустит. А я еще не всех самих фрицев в «ножички» пустил! Да и жениться пора настала! – смеясь, закивал головой Юрок.

- Вот-вот... Так что, всем приказываю держать ушки на макушке, а глазки - домиком, который пуще собственных глаз беречь надо, - теперь кивнул отец Валерий.

- А когда придут энти самые диверсанты? – спросил Никита.

- Тут – вот, какая заковыка... Прибудут наши ребятки не самолетом. Риск слишком велик. Фрицы к их прилету

несколько эскадрилий сразу в воздух поднимут. На один-то «транспортник! Они ведь поняли, что о них уже кое-что нам известно. Из сообщения по радию я уразумел, что пойдут Московские гости через линию фронта. Да и сесть самолету немчура не даст. А ежели десант наши высадят, то его «гансики» на раз же вычислят и поднимут на «прочес» местности не один полк. Кого-то еще, не приведи Господь, в воздухе подстрелят. Сами, поди, ведаете, что до нас самолеты через один долетают. Нам это надо? Так что, ждате наших нужно по земле. Пешочком. Ну-у-у, может быть, выбросят их сразу за линией фронта, дабы не дразнить обитателей горы. А там уж – дай Бог ноги! Я надеюсь еще на то, что Москва к нам грамотного специалиста по этим летающим штукам пришлет. А он нам, как воздух, необходим! – веско говорил батюшка.

Но прошел месяц. Мы, сидя у костра, рассуждали именно об этом. Подрывник Николай Макарович говорил: «Не «залетели» ли они? Хотя не должны. В разведшколах хорошо готовят.»

- Могли на фрицев напороться. Тогда положили их всех рядком. Враг-то – не дурак! - отозвался кто-то из партизан.

- Война! Хорошо, хоть не Гражданская! Вот, помню, у нас в станице... - вздохнул Никита

Договорить ему не дал запыхавшийся Кирилл, прибежавший от нашего наблюдательного пункта на сосне. Выдохнул: «Вы здесь сидите, а не знаете, что фрицы эти уже выкатили платформу с новой летающей машиной. Дядя Никифор остался наблюдать. Не его же мне посылать. Сам кросс пробежал! Теперь побегу, доложу командиру. А диверсанты еще не подходили? Вот, зараза! Что они-то мешкают?!»

И он убежал в штабную землянку. А отец Валерий, выйдя из нее, приказал всем построиться. Перекрестился. Негромко проговорил: «Уж и не ведаю, дождемся ли мы

наших с «большой земли». Но приказываю занять всем свои наблюдательные пункты вокруг горы. Вести дневники наблюдений. Поясню: любая мелочь может быть важна для Москвы и для специалистов, которые должны прибыть из нее. Вопросы есть? Тогда – с Богом!»

И все засуетились. Даже обрадовались тому, что их безделие завершилось. Получили у Агнюши суточный сухой паек и боезапас. И почти бегом отправились на свои «точки». Разведя костры, мы выдали бы себя. Да и перекуривали, что называется, только «в рукав». А мне командир, как всегда, определил место на дереве. Вместе с Максимом, Кириллом и еще с одним бывшим военнопленным Иваном. Но, когда мы добрались до «точки», оказалось, что дисколет уже отвезли обратно в пещеру. И даже не заводили его. Должно быть, что-то опять не заладилось у фрицев. Поэтому я решил не покидать своего поста до возможного запуска дисколета.

Ночью заметно похолодало Солнце медленно и низко ползло по небу. Но было еще светло даже ночью. А гитлеровцы, кроме часовых, и носу не показывали из пещеры. Иван предложил подобраться к ней поближе. Но Максим, хмыкнув, почему-то шепотом спросил: «Тебе мало одного их расстрельного приговора, который должны были привести в действие после твоего недельного пребывания в пещере?»

Я добавил: «У нас есть приказ: только наблюдать! А твое геройство может выдать наше присутствие здесь и погубить весь отряд. Так что, смени меня на дереве, а то ноги и одно место затекли.»

Но Иван вдруг огрызнулся: «А че, это вы, с вашим попом, «зэки» здесь раскомандовались? Я, между прочим, – младший сержант регулярной Красной армии!»

- Ты – бывший военнопленный, которого партизанский отряд под командованием, как ты выразился, «попа» спас от смерти! – вспыхнул лицом и даже вскочил на ноги Максим.

Обида его передалась и мне: «А я – старший лейтенант, офицер! Не военнопленный, а летчик морской авиации, сбитый гитлеровцами в воздушном бою. А ежели пожелаешь не выполнить приказ, сниму с поста и отправлю обратно в лагерь. И товарищ Сталин, между прочим, сказал, что в Красной армии военнопленных нет! Есть предатели. Так что, младший сержант, если хочешь быть не бывшим военнопленным и называться партизаном, изволь подчиняться мне, как офицеру. А так же – командиру отряда! Священнику Русской Православной Церкви! Все ли понятно?»

Иван опустил голову и отвернулся. Тогда я повысил голос: «Не слышу ответа! Боец! В регулярной Красной армии, как, впрочем, и в любой другой, младший старшему по званию обязан отвечать «есть». Я не услышал этого! Мне повторить? Или, может быть, позвать «зэка» Юрка, который спас тебя и остальных твоих сокамерников от расстрела? И попросить его объяснить вам, как должно отвечать мне?»

Иван нехотя поднялся с земли. Не глядя на меня и на Кирилла с Максимом, проямлил: «Е-э-есть...»

Но я решил довести дело до конца. Сам встал по стойке «смирно». Зычно произнес: «Вас в регулярной Красной армии разве так учили стоять, отвечать? Мямлить? А ведь товарищ Сталин сказал, что каждый партизанский отряд живая часть именно регулярной Красной армии!»

Я не помнил, чтобы Иосиф Виссарионович говорил такие слова. Но почему-то они пришли мне на ум. Теперь Иван сделал все правильно. По Уставу строевой службы. А я, отвернувшись от него, усмехнулся про себя: «Ну, вот, провел политинформацию с элементами строевой

подготовки. И младшего сержанта вразумил! Да-а-а, чуть не забыл поблагодарить Господа Бога, как всякий раз напоминала мне Агнюша. Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Всемилостивец!»

Остальное время моего дежурства Иван суетился. Старался как-то в меру сил угодить мне. Даже нарубил свежего лапника, чтобы я и остальные смогли отдохнуть на нем.

...Я решил остаться на посту. Отпуская старую смену, сказал только: «Старшим назначаю Максима. Идите с Богом. Ангела-Хранителя вам в дорогу, и Покрова Божией Матери.»

Но мое присутствие у горы ничего не дало. Гитлеровцы опять точно вымерли. Дай Бог, чтобы это было так! Но вдруг, однажды поутру они по какой-то причине закопошились. В тяжелые грузовые машины попрыгали не меньше полусотни «эсэсовцев». Из пещеры также в сопровождении полутора десятков мотоциклов выехал танк и два бронетранспортера. А между ними следовал уже знакомый «хорьх».

А через некоторое время со стороны дороги, ведущей к горе, слышалась автоматная стрельба. Застрекотали с мотоциклов пулеметы. Им ответил наш. Я его узнал, как говорится, по голосу. А у нас на пост выбежал Юрок, сменивший к этому времени предыдущих наблюдателей.

- Что за шум? – дернул он вверх своей короткой бородкой.

- Не наш ли лагерь «накрыли»? – в свою очередь спросил я, волнуясь, конечно же, прежде всего за сестру.

- Не должно бы... Лагерь – глубже, в лесу. А это строчили – аккуратно у самой дороги. Ты передохнуть собрался? Эх! Не удастся покудова! Пойдем вместе со старой сменой. Нас - двадцать бойцов. По-любому отобьемся. С кем гитлеровцы схлестнулись-то?

- Отобьемся? От пятидесяти? – усомнился я.

- Фрицы – на чужой земле. А мы – на своей. Здесь каждый дубок – наш родимый браток, каждая сосенка – родная сестренка! Ну, братие, дай Бог ноги! – обернулся он на партизан и побежал первым. Я – за ним. Остальные тоже не отставали.

Но метров за двести от дороги Юрок остановился. Поднял руку. Жестом приказал «рассыпаться». И мы вышли, как говорит он, «аккурат» к дороге. А там, в кювете, с нашей стороны, залегли «эсэсовцы». Прикрытые броней танка и бронетранспортеров, поливающих пулеметным огнем кого-то невидимого в лесу и за валунами. Хотя и оттуда слышалась автоматная стрельба, летели гранаты. И довольно успешно. Десять мотоциклов полыхали. Один из бронетранспортеров попыхивал из кабины черным дымом.

Юрок даже от удовольствия потер ладони: фрицы, отстреливаясь, лежали к нам спинами, в полный рост! Хоть сейчас бери их «в ножички»! И, конечно же, из-за стрельбы не замечали нас. Юрок, выразительно кивнув на них, вытащил из кобура трофейный парабеллум, и принялся разряжать его в голову каждого. Сменил обойму. Что ж?! Мы последовали ему. И скоро дело закончилось. Но Юрок приказал: «Переверните-ка эту падаль на спины. Пусть хотя бы поначалу недоноски из горы не подумают на нас.»

А из-за валунов к нам поднялись трое в маскировочных десантных русских комбинезонах. Первый с ручным пулеметом на плече был очень схож с Сергуней-малым. И размерами, и как чувствовалось, физической силой. Второй же наоборот комплекцией, бороденкой-эспаньолкой, круглыми очками с надтреснутым стеклом напоминал какого-нибудь сельского учителя, или в лучшем случае библиотекаря. А вот третий...

Третий, зажимая кровоточащее плечо, воскликнул: «Алесашка! А ты как здесь оказался? Сколько лет, сколько зим!»

- Костя? А ты как? – настороженно спросил я.

- И-и-и, брат! Долго рассказывать. Поначалу, давай-ка, скоренько лучше рану мне перевяжи и ребят предадим земле. А то, неровен час, подкрепление фрицам пожалует. Стрельбу-то какую затеяли!

- А вот этого я не советую! – встрял в разговор Юрок. Зашел за валуны. Покачал головой. Перекрестился. Подсчитал убиенных: «Девять... И всего – вас двенадцать, как святых Апостолов! Фрицы, конечно, сейчас придут. Так пусть думают, что вас никого в живых не осталось. Царствие им Небесное... Души свои положившим за други своя! Если, конечно, крещеные...»

- Не надругаются? – крутанул головой Костя.

- Не-э-эту... Им бы свой мусор убрать. А мы потом вернемся и похороним по-человечески. Пойдем. Только..., - судя по всему Юрок, памятуя наставления отца Валерия, не решался вести гостей в лагерь. Поэтому, опустив голову, твердо произнес: «Только вам придется маленько обождать. Через пару километров у нас есть «секрет». Командир отряда придет туда. Сам встретит. Как положено. Оклемайтесь покудова.»

- Не доверяете? И правильно, - кивнул Костя.

На самом деле, через пару километров, в расщелине между валунов мы сделали привал. Юрок и остальные ушли в лагерь. Я остался. Мы втроем закурили. И Костя рассказал: «После училища, если помнишь, я попал служить на торпедоносцы. На Балтику. Немножко переучиваться пришлось. Но ничего. Освоился. Жену перевез. Помнишь, как на свадьбе гуляли сразу после выпуска? А на Балтике замполит полка, еврей, слюнявый такой, похожий на нашего «поганого гриба», на нее глаз положил. Даже, сволочь,

ухаживать пытался. Намекал на «отношения». Я уж хотел морду ему бить... Но особист наш, Петр Акимович, порядочным человеком оказался. Я как-то зашел к нему. И удивился: май-месяц, а жена в платочке ходит. А когда он зачем-то полез в шкаф, на внутренней стороне дверцы я увидел целый иконостас! Прикинь! У особиста и его супруги – тайный иконостас! А тут и война началась. Вот, как говорится, от греха подальше, Петр Акимович и устроил мне перевод в разведшколу. Но зато я за жену теперь спокоен. Никто домогаться не будет. В разведшколе – коллектив небольшой. Жены командного состава ее, как родную, приняли. А меня после окончания школы сперва под Смоленск направили. Ну и напрягли мы там фрицев! А сейчас сюда определили. В придачу, вот, профессора дали. Велели беречь, как зеницу ока, - дернул он подбородком в сторону «сельского учителя». Тот слегка поклонился. Представился: «Василий Васильевич.»

Богатырь, похожий на Сергуню-малого, как бы даже смутился. Буркнул: «Илья...»

- Случайно, не «Муромец», - засмеялся я.

- Да... Из-под города Муром. А ты как догадался? – еще больше засмутился молодец

Но Костя перебил его. И продолжал: «Сразу за линией фронта нас десантировали. И пошли мы в вашу сторону. Нарвались несколько раз на фрицев. Двоих потеряли. В Хибинах неделю отлеживались: так нас искали! «Крюк»-то какой сделали! Потому и замешкались. А правду ли про ваш отряд в «центре» говорили? Мол, все здесь – политические «зэки»? И командир у вас – всамделишный поп? И что фрицы здесь какой-то «гиперболоид инженера Гарина» испытывают? Тогда ты как в эту компанию затесался? Вроде, как в истребительную морскую авиацию попал на Северный флот.

Я, улыбаясь, кивнул. Но Василий Васильевич подал голос: «Константин! Какие-то предположения делать рано. И вообще, лучше пока помолчать о нашем задании.»

Поэтому я рассказал историю своего появления в отряде. Костя только удивленно крутил головой и все повторял: «Ну-у-у, дела! Если бы кто рассказал, ни в жизнь не поверил бы!»

А в этот миг как раз и батюшка появился. Остановился, испытующе глядя на Константина. А на расстоянии вокруг нас застыли Юрок, Никита и еще несколько партизан. Костя вскочил, оправил «комбез», козырнул, представился. Потом сделал шаг вперед и, слегка наклонившись, тихо сказал отцу Валерию несколько слов. Батюшка так же тихо ответил. Как я понял, они обменялись паролями. Отец Валерий тут же заулыбался: «Слава Богу! А то заждались мы вас. Больше месяца носа не видите!»

В ответ на это Костя объяснил причину задержки своей группы. Но уже в форме рапорта. Я подал голос: «Отче! Мы с Костей – однокашники! В одной эскадрильи учились! Из одного котелка кашу ели. Из одной пачки папиросы поровну делили! А в разведку он попал...»

Отец Валерий, покачав головой, перебил меня: «Об этом потолкуем за обеденным столом. Поди, изголодались, братия! К тому же, твоему однокашнику, свет-Александр рану обработать не мешало бы. Помилосердствуй! Не будем мешкать!»

Теперь мы направились напрямиком в лагерь. Костя почти шепотом рассказывал: «Ох, и намаялись мы с этим профессором! Почитай все наши «залеты» к фрицам в лапы по его вине случались. Да и сегодняшний! И жизнью девяти ребяток – как не бывало! А такие были разведчики и диверсанты! Как говорят боговерущие: от Бога! С другой стороны, профессора понять можно! Человек не подготовлен

для таких делов. Ученый! Ему бы где-нибудь в лаборатории сидеть! Всякие опыты ставить!»

- Прости, Господи! – отозвался я и перекрестился.

- Да ты, гляжу, тоже с вашим попом верующим стал! Убедили советского офицера-летчика! – засмеялся Костя.

- И ты станешь верующим, когда увидишь, что в горе настоящее колдовство творится, - не вдаваясь в рассказы о бабушке, о своем детстве, даже о сестрице, уклончиво ответил я.

- Это уж вряд ли! Всему можно найти объяснение с точки зрения диалектического материализма. И, надеюсь, наш профессор сделает это достойно. Не зря же мы таких ребят положили, когда уже почти дошли до вас. Земля им – пухом! И вечная память! А мне-то сейчас придется с Москвой связываться, чтобы оттуда еще одну группу присылали.

Так, разговаривая, мы и дошли до лагеря. А его жизнь, - я бы сказал даже, бытие, - шла обычным ходом. Батюшка построил нас всех и распорядился: «И гости и наблюдатели за горой после обеда могут отдыхать до вечера. В двадцать часов прошу всех командиров подразделений явиться в штабную землянку. Проведем совещание. Пока ночи светлые отдохнувшей группе приказываю выйти к месту перестрелки и принести в лагерь павших бойцов, добравшихся из Москвы. Фрицы, должно быть, своих-то уже подобрали. Завтра наших отпоем. А послезавтра, как заведено на Святой Руси, предадим земле.

- А все ли они крещеные? – спросил кто-то.

- Русская душа по природе своей – христианка. Самому молодому из павших героев лет восемнадцать-двадцать. В те годы матери не могли их не крестить! Я помолюсь сугубо. Господь подскажет. Константин, напишите мне список имен павших. Разойдись.

...Обед прошел даже для партизанских будней торжественно. Всем досталось по миске густого борща с мясом. А батюшка даже благословил выпить по чарке шнапса. Было видно, что Илья «Муромец» сразу подружился с Сергуней-малым. Причем последний попросил Агнюшу налить в миску дополнительную порцию для нового знакомого: «Так по росту и по весу Илии в армии, я слышал, положены две порции! Так что, помилосердствуйте, Агния Александровна!»

Приезжих разместили пока в санитарной землянке, - благо раненных у нас пока не было. Сестрица занялась хозяйственными хлопотами. Машенька ей помогала. Свободные от работ партизаны готовили землянку для Кости, Илии и профессора. Я тоже отправился поспать. И разоспался! Да так сла-а-адко! Словно в детстве! А, пробудившись, даже не вспомнил, где нахожусь. Но к вечеру мы собрались в штабе. Батюшка, долго не разговаривая, сразу предоставил слово Константину. Тот, представившись всем, сказал только, что приставлен для помощи и охраны профессору и попросил тоже не отказывать в них. Но добавил, что сегодня ночью должен выйти на связь с Москвой и хотел бы зашифровать свое сообщение, чтобы по нашей рации передать его. На наши вопросительные взгляды пояснил: «Нашу рацию в первые же минуты нынешней перестрелки гитлеровцы расстреляли вместе с радистом. Надо же вызывать подкрепление. А это фактически – новая группа профессионалов!»

Батюшка согласно кивнул. Василий Васильевич прежде, чем что-то сказать, попросил описать увиденное нами. Что я и сделал. И вдруг сам увидел, как загорелись глаза профессора. Он воскликнул: «Да вам цены нет, дорогие мои! Вы узнали и увидели то, что не смогли наши разведчики в самом Берлине! В его штабах!»

Потом, в наступившей тишине, он долго рассматривал мои рисунки и прошептал: «Я именно так и думал...»

Затем в полный голос объявил: «Посему прошу нашего уважаемого батюшку и командира, собрать всех партизан. Повторяю: всех! Я расскажу и объясню, что скрывает проклятая гора в своих недрах. Каждый должен знать сие. А что касается местных шаманов, то они получают свое, как только Красная армия освободит Кольский полуостров.»

- Василий Васильевич, - развел руками отец Валерий, - но собрать всех просто невозможно! Кто-то сидит в «секретах», в ближнем и дальнем боевом охранении, половина отряда наблюдает за горой.»

- Значит мне придется потрудиться дважды. Ну, что ж, повторенье – мать ученья! А может быть, из повторенного и мне самому что-нибудь новенькое на ум придет, – широко улыбнулся профессор. Он был явно в духе. Все время довольно потирал ладони. И вообще стал похож на борзую или гончую, почуявшую след охотничьей добычи.

- Василий Васильевич, а что вы скажете про карликов в меховых комбинезонах и про «зеленых человечков»? – спросил я.

- Да-да! Местные называют их еще «подземными жителями». И, якобы, колдуны нойды уходят к ним через пещеры именно под землю, - поддержал меня Максим.

- Не знаю, не знаю... Хотелось бы посмотреть на названных вами существ. Видите ли, я, по сути, обычный «технар». И пока не понимаю, как по окрику могут запускаться двигатели летательных аппаратов. Тем паче, диалектический материализм еще не дорос до объяснения сего явления, - вздохнул профессор и с явной иронией посмотрел на Костю. Но тот, казалось, дремал. Что ж, намотался, набегался по горам и сопкам.

Но мысли мои перебил Максим. Он вдруг встал, набрал полную грудь воздуха. И выложил, что называется, как на духу, историю своей любви к немке, ее высказывания о том, что папаша сделает «революцию» в самолетостроении. Не забыл упомянуть и о том, что «тарелки» тайно проектировались на русском заводе. В русском конструкторском бюро!

- А вы, случайно, не запомнили имя и фамилию папаша вашей немочки? – насторожился вдруг профессор.

- Как же?! – и Максим назвал. А Василий Васильевич переглянулся с бабушкой и внезапно вскинувшимся Костей. Похоже, что последний сквозь дремоту слышал все, что говорилось. Профессор же определил: «Это – он! Пригрели змею на своей груди! Как же вы, дорогие мои, в нужное время и в нужном месте оказались! Я лично буду ходатайствовать не то, что об освобождении вас, так сказать, об амнистии, но о награждении орденами и медалями!»

- Ну, что? Будем брать инженера-конструктора? – вдохновенно потер ладони Константин.

- Пока повременим. Пусть он свою выдумку до ума доведет. А кто мне покажет «точку» наблюдения, с которой хорошо просматривается место запуска дисколета? - бодро спросил профессор.

Мы, партизаны, усмехнулись на это. А я растеряно объяснил: «Показать-то можно! Но там придется на дерево лезть. Высоко! Даже не знаю. Правда мы там нечто, вроде ступенек или лестнички смастерили.»

- А я в детстве любил по чужим садам за яблоками лазить, хотя свои некуда было девать. Азарт, понимаете ли! Желание рискнуть! А тут – не яблочко! Тут – целая бахча! И на бахче – дед с берданкой, которая солью заряжена! – засмеялся Василий Васильевич.

После этой реплики все весело разошлись. Но Константин с бабушкой и Машенькой сразу ушли на сеанс

радиосвязи с Москвой. Однако, когда Костя вернулся, мы долго еще при свете коптилки сидели с ним в моей землянке за бутылкой трофейного шнапса, - благо все мои соратники ушли либо в «секреты», либо – на точки наблюдения за горой. Вспоминали счастливые, беззаботные годы курсантской юности. Почти беззвучно смеялись: «А помнишь?.. А вот еще... А тогда, когда ты... А «гриб» наш поганый...»

Можно ли такое забыть? А на соседских нарах посапывали Агнюша и Машенька, намаявшиеся за день, но уступившие свои места Илюше «Муромцу» и Василию Васильевичу. Однако сестрица подняла нас часов в пять утра: «Вставайте-ка! Вон, профессор уже сделал утреннюю зарядку. Умывается. А я сейчас сухой паек вам положу. А ты, братик, не сочти за труд, пожалуйста, помолись в дороге. Хотя бы краткое Серафимово правило прочитай!»

Но как только мы вышли из расположения, Костя удивленно спросил: «Агния Александровна назвала тебя «братиком»?»

- Так оно и есть, - ответил я, стараясь не сбиться с молитвы.

- ?

Я завершил молитвы. Сказал: «Да, она моя родная сестра. Я в училище не скрывал этого, потому что точно не знал...»

- Ты же в анкете писал, что – из крестьян!

- Знаешь, что? Бог ведает, что с нами станется. Война! Так что, пожалуй, я расскажу тебе, как на духу. Только при условии: если я погибну, не оставляй ее, пожалуйста.

- Ну тогда уж... Если я погибну, ты тоже не оставляй моих жену и дочку. Адресок я в лагере, когда вернемся, черкану. Ну, давай, рассказывай! Хм... Как на духу!

А когда я рассказал, Василий Васильевич, шедший между нами с Костей, даже остановился: «Как красиво!

Говорю: какие красивые были люди. И как вам, Александр, повезло!»

- Не повезло! Бог устроил! По милости своей! – возразил и одновременно утвердил я.

- Бо-о-ог! – протянул профессор. И вдруг неожиданно для меня и Кости перекрестился.

- Василь Василич! А я и не знал, что вы тоже в Бога веруете! – засмеялся Константин. Но тут же закашлялся.

- А знаете ли, друг мой... Ученый, который не верует в Бога, - пустышка, бездарь! Вы что же думаете, великий Михаил Васильевич Ломоносов или Дмитрий Иванович Менделеев в Бога не верили? И-и-и, друг мой! Еще как верили! Кто-то из них даже старостой церковным был. А бездари и нынешние подонки ученых степеней и званий достигают только подлостью, обманом, перемешанными с карьеризмом. Настоящему ученому открытия диктует Творец. А вышеназванным – его обезьяна. Потому в науке слишком много ошибок, злобных открытий и всякой неразберихи.

- Злобные открытия? Что-то я не понимаю! Ведь кто-то писал, что гений и злодейство несовместимы! – теперь приостановился Костя.

- Злобные открытия? Я подразумеваю создание, к примеру, новых видов вооружений! Новых способов уничтожения людей, - творений Божиих! А про несовместимость гения и злодейства писал еще Александр Сергеевич Пушкин. Простите за поучительный тон. Я ведь раньше лекции читал. Привык поучать, - вздохнул Василий Васильевич. И вдруг добавил: «Если бы не эта командировка, я бы вкупе со своими бывшими коллегами где-нибудь в Мордовии валил лес. Таких ученых расстреляли и посадили! Будущее России. А написал на нас донос другой коллега. И как я уже говорил про таких: подлец, лжец, бездарь и карьерист. Сейчас он заведует

целым институтом. Даже «ленинскую премию» недавно получил! За чужие исследования. Этому я не завидую. Кровавые деньги никому еще на пользу не шли. Страшно представить, сколько он вреда стране и народу принес. И еще принесет! И если бы меня разведка ваша не пригласила, валил бы я лес. Это – в лучшем случае. А в худшем – «стенка»!

- А как фамилия? Чтобы дочка, ненароком, к нему в обучение не попала, - спросил Костя.

- Не попадет. И слава Богу. Хотя некоторых сотрудников приглашали в ВУЗы читать лекции. Но наш институт – не учебное заведение, а оборонное, закрытое предприятие. Фамилия у нынешнего директора-доносчика простая – Рабинович, - сокрушенно вздохнул Василий Васильевич. И мы втроем на некоторое время замолчали.

- Ну, вот и наша сосенка - родная сестренка, - облегченно вздохнул я. Но тут же был остановлен окликом: «Стой, кто идет?»

Я выдохнул в ответ: «Саратов.»

Мне ответили: «Нижний Тагил.»

Потом, конечно, я выговорил бойцу: «А если бы это были гитлеровцы? И ты - перед ними «в Саратове... с любовью к женатому»? Смотреть надо сначала. А спросить всегда успеешь!»

- Виноват, - потупился он.

Василий Васильевич сразу же по-молодому вскарабкался на сосну и прилип к окулярам бинокля. Мы устроились внизу. Но уже где-то через час профессор крикнул нам: «Началось...»

- Что началось? – вскочил на ноги Костя.

- А полезайте-ка наверх. Сами увидите. А вот и «плюшевые» карлики появились. Полезайте, Константин, полезайте! Дерево выдержит. Занятное, знаете ли, зрелище, - пояснял профессор.

- А кто это? – спросил меня партизан-наблюдатель, кивнув на Костю и Василия Васильевича.

- Из Москвы специалисты, - шепнул я.

- У-я! Значит, все-таки прибыли? Это они в стороне дороги стрельбу затеяли? И, гляжу, удачно.

- Не совсем. Не задавай лишних вопросов. В лагерь вернешься, всё узнаешь, - одернул я говоруна.

А профессор, свесившись вниз, вдруг разочарованно произнес: «Что-то засуетились у колодца. Генерал ругается на офицеров! Ногами, шельмец, топает! А те стоят на вытяжку.»

- А нойды там нет? - спросил я

- Аборигена-колдуна? Что-то не видно.

- Прежнего мы повесили, как предателя родины. А фрицы даже не подозревали этого.

- Кина не будет. Кинщик заболел, - засмеялся Костя.

- Нет, - покачал головой Василий Васильевич, - двое офицеров запрыгнули в «хорьх» и уехали куда-то. Может быть, за этим..., как его..., за колдуном, за другим? А генерал с остальными ушел в пещеру. В другой вход закатали платформу с дисколетом.

Они с Костей спустились с дерева. Их сменил один из дежурных наблюдателей. Профессор попросил рассказать поподробнее о нойдах. Что я и сделал. Костя, слушая, только вертел головой. Под конец пробормотал: «Если бы кто-нибудь на «большой земле» рассказал, не поверил бы.»

- Вот тебе и диалектический материализм! – с жалостью глядя на него, усмехнулся Василий Васильевич.

- Так и в Бога поверить можно! И во всякую чертовщину! – опять покрутил головой Костя.

- Батюшка рассказывал, что Карл Маркс был внуком раввина и писал стихи, восхваляющие сатану, - вставил я.

- Не отсюда ли «растут рога» у вашего диалектического материализма? – опять усмехнулся профессор.

- Совсем вы меня распропагандировали! Погодите! Мне надо подумать! Все взвесить. Представить только! Я – член ВКПб и стал верующим христианином! – вздохнул Костя.

Испытания продолжились только на следующий день. Офицеры, уехавшие накануне на «хорьхе», привезли нового нойду. Но тот, как не пыжился, как не кричал, не мог запустить двигатель. Наблюдая за их приготовлениями, Костя заметил: «Никак не возьму в толк! Разве не могут заменить нойду эти «плюшевые человечки»? Или старик в черно-серебристом балахоне? Неужели у них силенок не хватает?»

- Силенок-то, может быть, и хватает. Но этим тратить их не хочется. Или же, подобно Гобсеку, экономят, берегут! Думаю, что у них дела поважнее есть. А нойда для нацистов, я полагаю, просто рабочий скот. Отработает, как говорится, и они его в расход пустят! - ответил Василий Васильевич. А я, в свою очередь рассказал, как «эсесовец» застрелил нойду после неудачного меряченья на болоте.

- Ну, дела-а-а! Бабки-дедки-ёжки! Одним окриком загоняют несчастных людей в непроходимое болото! И люди идут добровольно! С малыми детьми! – опять покрутил головой Костя.

- Даже при этом, радуясь, с блаженными улыбками. Но с невидящими глазами! - вздохнул я. Костя, как показалось мне, верил и одновременно не мог поверить во все услышанное. Но нашу задумчивость и замешательство прервал профессор.

- Сегодня, как верно определил Константин, «кино» отменяется. Опять дисколет увезли в пещеру. И сами ушли. А у меня, друзья мои, зато не отменяется лекция для всего отряда об объектах искомых нами, - посмотрел на часы Василий Васильевич и жестом пригласил нас последовать за ним. Словно мы были не во вражеском тылу, а на какой-

нибудь загородной прогулке в пригороде Москвы или Ленинграда.

И мы двинулись в лагерь. Молча. Профессор явно в уме готовился к своей лекции, Костя «переваривал» то, что услышал, а я просто не мешал им. Но с другой стороны, мы добрались быстрее, нежели шли на пост. И почему-то так тихо, что ни одна ветка не хрустнула под нашими ногами. Но вдруг со стороны дороги я услышал звуки автомобильного и мотоциклетных моторов. Предостерегающе поднял руку. Мы даже присели. Костя шепнул: «А может быть, попробуем взять эту компашку... Против автомата их колдовство...»

- Ни в коем случае! – прошептал профессор. Пояснил: «Пусть работают! А мы понаблюдаем за ними. В Москве нужны чертежи, документы, схемы гитлеровских разработок. Даже не сами исполнители оных! Хотя... Эти бы тоже не помешали нам!»

Автомобиль с мотоциклами проехали мимо. А я почему-то пожалел! Мол, а могли бы мы их «притормозить»? Ведь как раз на повороте впереди они наверняка снизили бы скорость!

На подходе к лагерю я опять насторожился. Мне вдруг послышалось какое-то поскуливание. И действительно! На самой тропе мы вдруг увидели... здорового барсука, попавшего в силок и даже пытавшегося перегрызть собственную заднюю лапу.

Я вопросительно взглянул на Костю. Тот самодовольно ухмыльнулся: «Это наш Илюша усердствует! Он же – охотник в своих Муромских леса. Белку в глаз бьет! На медведя в одиночку ходит! Зато теперь с мясом будем! Свежатинка! Это тебе – не тушенка фрицев! Наверняка, вокруг лагеря еще силков наставил. А с ними и на минах экономить можно!»

- С этим что делать будем? – кивнул я на барсука.

- Что-что? А вот, что! – Костя изловчился. Наклонился к зверю. Ловко ухватил его за загривок. Поднял голову. И резким движением перерезал барсуку горло. Я даже брезгливо отвернулся. Кровь брызнула так, что залила рукава куртки Константина.

А он засмеялся: «Ты когда фрицам горло перерезаешь, тоже так отворачиваешься?»

- Фрицы – это другое дело! Врагов бить заповедал Сам Господь! – покачал я головой.

- А ты знаешь ли, что барсук, как хищник, бывает опаснее даже волка? Нападает всегда сзади. Если, конечно, потревожишь. Целится человеку в шею. И в норе его далеко не каждая собака сумеет взять. Он подставляет ее зубам жирную задницу. А за нее – кусай-не кусай! Без толку! А барсук тем временем через живот снизу протягивает когтистую лапу и... когтями разрывает пузо неопытной шавке. Аж до хребта! Прикинь! Так-то вот! Учись, пока я жив! А меня еще дед учил, когда я у него в деревне на каникулах бывал. Ты же знаешь, что я - из Нижнего Тагила. Когда пароль сегодня услышал, сердце так и екнуло! А еще, целебнее барсучьего жира трудно найти. С ним сравнить можно только медвежий или бобровый! Это тебе не аспирин-анальгин. Это же химия! А для мужской силы... М-м-м! Это – наипервейшее средство! Ну, ты меня понимаешь?! Хотя здесь-то она нам как бы и не к чему. Если ты, конечно, не «запал» на эту радисточку. На Машеньку, кажется? А она – ни-и-ничего! Все – при ней!

Я укоризненно покачал головой: «Ко-о-остя!»

- Ладно-ладно! Это твое дело! Ты же – холостяк. А война, знаешь ли, все списывает, – засмеялся он.

- Война, говоришь, спишет? А Бог?

...Скоро, когда сошла первая барсучья кровь, Костя взял зверя за шкуру и махнул рукой: «Пойдемте.»

И мы вернулись в лагерь... А там на обед Агнюша с Машенькой нас попотчевали свежей зайчатинкой. Оказывается, Илия уже принес первую добычу из расставленных им силков.

Сразу, как только мы вернулись из Казани, Лена, даже не снимая дубленку, позвонила тетушкам. А на вопрос об их здоровье, в ответ услышала только ругань. Мол, оставили «ребеночка» помирать с голода! Мол, звери мы, а не родители! Елена оправдывалась: «Я же ему кастрюлю борща оставила! В нем - полкило мяса! На сковороде – жареные куриные грудки. В холодильнике – пельмени! Котлеты! Яйца! Ветчина! Вареный язык!»

Анна Егоровна как будто не слышала. Все твердила о нашем зверском отношении к сыну. Мне не надо было даже нажимать на клавишу «громкой связи». Всё итак было слышно! Я даже не выдержал. Копируя тетку «прострекотал»: «И сиську ему ты тоже забыла дать!»

А войдя на кухню, обнаружил в раковине гору немытой посуды, в помойном ведре - несколько оберток от разных шоколадок, а возле него – огрызки яблок и кожуру апельсинов. На грязной плите стояла кастрюля с прокисшим борщом. Но мясо там не плавало.

«Война! Идет Гражданская война!» - вспомнилась мне песня Игоря Талькова. И тут же подумалось: «А не в ней ли, не в Гражданской ли войне, не в коллективизации ли и в дальнейших ее «реформах советского правительства» берет начало грех, который взывает об отмщении до четвертого колена? Им как раз оказывается Георгий! Но ведь, может быть, и – до седьмого! А потом? Что? Род сведется на нет?!»

Елена же, войдя на кухню, бессильно опустила на табурет и заплакала: «Не надо было нам с тобою уезжать! Когда мне еще порядок наводить? Завтра надо выходить на работу!»

- Попроси Георгия, - пожал я плечами.

- Я тебя умоляю! Или не знаешь?! Опять сошлется на то, что ему некогда. К тому же, он опять где-то гуляет. Я даже не знаю, где. А тетушкам звонить больше не хочу. Как же ты не поймешь, что я мечусь, разрываюсь между тетушками, тобой и Егоркой, с которым ты никак не можешь найти общий язык! - проговорила Елена.

- Конечно! Ему некогда! Он «грызет гранит науки»! О одновременно решает государственные проблемы! В армию бы его! – крутанул я головой.

- Невропатолог ведь говорила, что из армии мы получим сына в цинковом гробу! – Лена заглянула в кастрюлю с прокисшими щами и, поморщившись от отвращения, понесла ее выливать в унитаз.

- А ты не мечись! Не разрывайся! Определись, наконец: кто твоя семья! Тетки или мы с Георгием? – вслед ей даже повысил голос я. Но Елена, похоже, не услышав, ушла в нашу комнату. Быстро переоделась и взялась за наведение порядка. Конечно, я во всем по силам помогал ей. Но даже с учетом этого, мы вдвоем провозились по часу ночи. Сын дома так и не появился. Я не понимал таких отношений. Подлых отношений! Подлых и со стороны теток, и со стороны «ребеночка». Тогда я еще предложил жене: «В конце концов, заставь сына! Ведь мы кормим, поим его! Он не работает, не учится. А ведет себя... Ведь кроме прав у него и обязанности есть! Поставь условия: при невыполнении их он лишается, к примеру, компьютера, сладкого, еще чего-нибудь, что он любит!»

- Нет! Компьютер мы ему обещали купить! Купили! И отнимать его сейчас не вправе! – вздохнула Елена.

- Купили, как вознаграждение за поступление в колледж, который он бросил. Значит, сам не выполнил обещание учиться, данное нам. Просто обманул нас! – Разве мы не вправе лишить его обещанного нами? А если

хочет.., пусть сам заработает и покупает себе другой. А этот, если он не желает жить по законам семьи...

- Ты, должно быть, хочешь сам работать на этом компьютере. Знаешь что? Давай-ка спать. Мне завтра – на работу. Зря мы в Казань поехали. Я как чувствовала, что радости от этой поездки не будет! – перебив меня, отрезала она и ушла в ванную. А я лишился дара речи от ее обвинения в желании присвоить себе компьютер. Но, взяв себя в руки, подумав, понял, что враг рода человеческого мстит мне за то, что я увидел и ощутил в Свяжске, в Раифском монастыре. И что я, конечно, опишу в романе.

Подумал торжествующе. И одновременно почувствовал безысходность положения, потому что именно Лена не желает искать выхода, так как он находится только в отказе общения с тетками. И тогда уже подумал, что они нас разведут! А что было бы двадцать лет назад?

И я оказался прав! В шесть утра позвонила Анна Егоровна. Я поднял трубку телефон и в ней услышал ее железобетонный голос: «Позови-ка мне Егорку!»

Съязвить бы: «Чего еще желаете-с?»

Но я сдержался. Ответил: «А вы на часы смотрели? Мы – с дороги. Лене утром, через час надо собираться на работу. А Георгий – взрослый парень. Ему уже – даже не восемнадцать! Загулял где-то.»

В ответ раздался даже не крик, а рев: «Звери вы, а не родители! У него «мобильник» не отвечает, а они, наразвлекавшись, дрыхнут. А вдруг с мальчиком что-нибудь случилось?»

Хотелось ей ответить, что она способна и «накаркать»! Но из комнаты показалась заспанная Елена. Спросил: «Кто?»

Я только махнул рукой. Сдерживаясь, ответил тетке: «Если он где-то в гостях остался ночевать, то мог «мобильник» отключить. Какой нормальный человек будет

звонить в шесть утра?! Да и в обычное время Георгий нам не всегда по телефону отвечает.»

Хотелось мне добавить, мол, а уж вам и подавно не станет отвечать. Но я взглянул на жену и пожалел ее. А в телефонной трубке снова раздался рев, перемешанный с рыком и шипением. Но тут уж я не выдержал: «А что же вы выставили «мальчика» после всего двух недель его гостевания у вас? Рядом с колледжем! Если так любите его, приютили бы, отправили бы в колледж обратно учиться, повоспитывали бы! А вы отослали «мальчика» к своей сестрице. Педагоги-воспитатели!»

В трубке на несколько секунд наступило молчание. Потом совершенно человеческим голосом тетка проговорила: «Я хотела, чтобы вы, родители, воспитывали его. У меня уже – не тот возраст!»

«А когда ты свою дочку, Иринку, на аборт посылала, после чего она стала бездетной, у тебя «тот возраст» был? А когда мужа своего во гроб вгоняла? Так не мешайте же нам, родителям, воспитывать нашего сына!» - захотелось мне крикнуть. Но опять я взглянул на Елену, готовую заплакать, и промолчал. Подошел к ней, обнял, прошептал: «Шла бы ты в комнату, поспала бы хотя бы часик.»

- Куда же спать? Времени – половина седьмого. Буду подниматься, - всхлипнула Еленушка. И ушла в ванную. А я в бессилии опустил руки: жена так ничего и не поняла. И, похоже, не желала понять! Вспомнилась присказка времен службы в армии: «Тяжко жить без пистолета!»

Конечно же, не в отношении Елены или Георгия. Зато, когда я вышел покурить на балкон, увидел, как «старик-корень» изображает в воздухе подобие лезгинки. Я плюнул в его строну. Перекрестился. И ушел на кухню, чтобы сварить яйца, сделать бутерброды и заварить кофе.

Жена вышла из ванной, как ни в чем не бывало. Даже напевала что-то. Мне сие показалось просто удивительным.

Я поначалу не хотел напоминать ей об утреннем нападении тетки. Но она что весело стала рассказывать. Тогда я все-таки напомнил. Лена махнула рукой. А мне сказала: «А! Не обращай внимания! Я вообще через слово слушаю, когда тетушки чему-то поучают. И ты не слушай! Не реагируй! Забей!»

- Как не слушать? Как же не реагировать?! Речь идет о душевном и духовном уничтожении, убийстве, душегубстве нашего с тобой сына! А ты предлагаешь не реагировать! – воскликнул я.

На это Лена даже всхлипнула. Истерично ответила: «Сколько можно? Я же просила тебя! И ты обещал не возвращаться больше к этому разговору! Что же мне? Убить тетушек?»

- Я тебе уже много раз говорил! Надо ограничить общение с ними. Оградить от них Георгия! Ты что, не понимаешь, что они его душу губят? Занимаются душегубством! Скажи им, наконец, что позволяешь общаться с ним только в нашем присутствии! И только-то! – все еще внешне спокойно говорил я, хотя в душе все закипало.

- Как же?! Послушают они! – перешла на крик Лена.

- А почему ты, собственно, на меня кричишь? Чем я обидел тебя? Чем оскорбил?

- Ладно. Замнем... - ледяным тоном проговорила жена

Она быстро съела свою кашу. Запила бутерброд кофе. И ушла в комнату наводить макияж. А я подумал, что именно тетки «расточат» нашу семейную жизнь, как капля точит камень.

Когда Лена ушла на работу, я долго не мог сосредоточиться. И вдруг подумал, что тетки нарочно, по наущению «старика-корня», мешают мне завершить очередную книгу. Не зря же он за окном такие «па» выделывал! После того, как Анна Егоровна потрепала нам

нервы. И еще подумал, что Лена с ее равнодушным отношением и к теткам, и к моему роману может не выдержать и тоже пойдет на поводу у темных сил, которые восстали против меня. Не дай Бог, конечно! Спаси, Господи и сохрани!

Поэтому после ухода Елены я занялся хозяйством. Помыл посуду, протер пыль на мебели всей квартиры. Почистил на вечер картошки. Сходил в магазин. Заодно, чтобы успокоиться, купил себе фляжку коньяку. А придя домой за обедом выпил ее и прилег поспать. Только Еленушку пожалел: она, небось, сейчас на работе, что называется, носом, бедняжка, клюет!

Я сладко, словно в детстве, заснул. Но сквозь сон, как будто всплыв из водной глубины на поверхность, по армейской привычке чуткости, услышал, как хлопнула входная дверь. Взглянул на часы. Понял: вернулся Георгий. А он, очевидно, увидев, что мы приехали, тихонько разделся. И, проходя в свою комнату, ругнулся: «Приехали! ... их мать!»

Конечно же, сон, как рукой сняло. Но после его матерщины мне не захотелось выходить их комнаты. Как будто наперекор теткам и сыну, я сел за рукопись. И надо же! Давно я так удачно не писал! Рука не успевала за мыслью нажимать клавиши на клавиатуре нот бука. Только теперь одну главу пришлось полностью переписывать. Снова в голове моей оживали картины штурма Казани Великим Князем и Царем Иоанном Четвертым Васильевичем Грозным. Грозным для врагов. Мои исторические и литературные герои оживали! Но теперь виделись совсем по-другому. Не я их вел по сюжету, а они меня! Как слепого, становившего зрячим. И просидел я над рукописью до тех пор, пока не хлопнула входная дверь, возвестившая о возвращении жены. Однако, время от времени я выходил на кухню. Хотя бы для того, чтобы

пожарить печенку. Или потерять морковку для чесночного салата.

Разумеется, на стук двери я вышел в прихожую, чтобы помочь Еленушке раздеться. Но она как-то отстраненно спросила: «Егорка вернулся? А то тетя Аня мне раз пять за день названивала. Я уже попросила наших женщин не подзывать меня к телефону. И отвечать, что я, мол, к начальству вышла. Ну, и что Егорка сейчас делает? Как? Что?»

В ответ я кивнул: «Пребывает в своих апартаментах.»

Но добавил: «Скажи ему, чтобы позвонил Анне Егоровне. Так сказать, успокоил бы.»

- А что он все-таки делает?

Я только пожал плечами. Елена, сняв сапоги и сбросив мне на руки пальто, прошла в комнату сына. Выйдя же из нее, шепотом сообщила: «Спит. Ты не видел, он не пьяный?»

Я в ответ опять пожал плечами.

- А вы с ним, случайно, не поругались? – спросила жена.

- Повода не было, - ответил я.

Зайдя на кухню она втянула воздух носом. Плотно сглотнула: «О-о-о, ты печеночки пожарил. Как всегда? В яйце? Тогда я сейчас картофельное пюре разомну!»

И она, быстро переодевшись в нашей комнате, опять замурлыкала что-то себе под нос. Но тут же полезла в холодильник. Перебрала продукты, купленные мною утром. Зажмурившись от удовольствия, понюхала салатик: «Мой любимый! Какой же ты молодец!»

- Если я не молодец, то и свинья не красавица! - вспомнилось мне присловие, слышанное, по-моему, в Тимохине. Но все-таки спросил: «Кто любимый? Я или же салатик?»

- Будь поскромнее, попроще, и народ потянется к тебе! Ты ведь – писатель! Ве-э-эликий писатель! Не менее великий, чем великий поэт твой Игорь! – со смехом сказала Елена. Увы, не без иронии. Но на мой вопрос так и не ответила. И все сие, по правде сказать, мне не понравилось. Я не понимал, что с ней творится. Хотя и предполагал... И тут же вспоминал, что подозрительность – родная сестра клевете. А мы все прекрасно знаем, чей это грех.

Посиделки на «старый Новый год» у Анюты прошли по обычному «сценарию». Выпивка и поглощение закусок сменялись на песни Визбора, Никитиных, Окуджавы. Потом все говорили о походах, вспоминаемых неоднократно. Да так, что даже я знал почти каждую подробность. С азартом, самоотдачей, с одинаково горящими глазами исполнителей и рассказчиков. А мне было скучно. Но я терпел. Терпел потому, что желал, чтобы жена немножко расслабилась. Думал, что это нас хоть как-то сблизит с нею.»

«Пусть, - думал я, - каждый волен в своих увлечениях. Но почему Лена оказалась в этой компании? Или она – такая же? Стало быть, из-за такой «заскорузлости», что ли, из-за закомплексованности, смешанной с зомбированностью, она не в состоянии читать мой роман? Потому и отказывается? Не способна воспринять серьезную православную литературу? Читает «тыняновых-горьких-короленко-вересаевых», как я заметил насколько раз. А эти «дети подземелья», - ах, как хотелось сказать, «преисподней», - мне еще в школе оскомины набили. И в церковь практически не ходит. И полагает, что у нее грехов нет, и ей не в чем каяться. И, конечно же, не раскрывала мне «семейную тайну», в существовании которой я уже не сомневался. Как не сомневался в тайной причине зависимости жены от тетушек. Откуда же взяться тут супружескому единomyслию, единомушию? И опять же предпочла мне своих «походников»! А ведь литература и

вообще искусство не могут быть неправославными. Еще Константин Петрович Победоносцев писал об опасности, которая грозит Русской культуре, если она перестанет быть православной. Царствие ему Небесное! А Феодор Михайлович Достоевский! Он же вообще назвал русский народ *дрянью*, если он перестанет быть *православным*. Что мы и видим сейчас.»

Вот от этих мыслей у меня руки, что называется, опускались. А на Лену я смотрел с жалостью. Но, слава Богу, от них меня отвлек звонок Бориса, который вернулся на работу в «Русский Вестник». Он спросил, хочу я ли еще написать что-нибудь для газеты? И я, что называется, ухватился за предложение, как за соломинку. Тогда Борис мне продиктовал адрес и телефон в Долгопрудном и пояснил: «Там на одной квартире живут мои соратники по Сербии. Ну-у-у, с которыми я вместе воевал. Не стану вдаваться в подробности. Враг-то не дремлет! Сам все узнаешь от них. А ты напиши беседу с ними. Не интервью. А именно беседу! Диктофонную запись я сам расшифрую. Конечно, если ты мне доверишь. Текст беседы можешь завезти в редакцию или перешли по электронной почте. Лучше, приезжай сам! Давно не виделись!»

На следующий же день я созвонился с Долгопрудным. А когда вышел на станции, попал в снегопад. Да в такой! Словно в Рождественский! Снежинки не кололи, не обжигали лицо. А... ласкали!

Я не поехал на «маршрутке», прошел через парк, усаженный многовековыми липами и дубами. Благо, незнакомый собеседник мой по телефону объяснил два варианта пути. Подумал, что в минувшем столетии здесь, по видимому, в городском саду, играл военный духовой оркестр, прогуливались горожане со чадами... А после семнадцатого года их расстреливали... Я силился что-то вспомнить! Но память моя молчала. Значит, у меня с

Долгопрудным никакой связи нет. А по вытоптаным в снегу тропинкам я проходил мимо современных железных детских площадок, вымерших аттракционов. И представил, какие гуляния здесь проходили на Рождество Христово, потом до самого Крещения Господнего, и, наконец, на Масленицу. Я представил снежные городки, крепости, высоченные ледяные горки с крутыми виражами! Снежки! Сжигание Масленицы! Угощение всех прохожих блинами! Умел народ Русский и гулять, и веселиться. И работать! И воевать, ежели надо! А, когда приходило время, и поститься. А мы?! Я поневоле вспомнил, что в одной из книг Иоанна Сергиевича Шмелева его герой во время Великого поста питался только ржаными сухариками, загодя заготовленными им. И это – почти пятьдесят дней!

Мимо меня, кутаясь в воротники, шали и шарфы, по тем же тропинкам прошмыгивали редкие прохожие. Мамаши по расчищенным дорожкам чинно и торжественно катили перед собой коляски, а за собой санки со своими чадами. А мне вдруг захотелось от восторга петь, прыгать, плюхнуться на спину плашмя в снег! Растереть его лицу, чтобы никто не увидел слез восторга и одновременно горести от потерянного нами. Но вдалеке я вдруг увидел развеселую свадьбу, невесть как оказавшуюся здесь. Казалось, что они за меня поют, прыгают, кружатся и «купаются» в снегу. И я поспешил уйти, чтобы не смущать их своими прыжками и кульбитами. Перекрестился. Улыбнулся. И мысленно пожелал им совета любви в семейной жизни.

Нужный дом в столпотворении его «близнецов» я нашел не сразу. На новостройке еще не были указаны ни название улицы, ни номера домов. Пойди-ка, найди тут! Я даже несколько раз перезванивался по «мобильнику» с хозяином квартиры. Он даже вышел из подъезда, чтобы встретить меня. Помахал мне рукой. А поздоровавшись,

почему-то заметил: «Меня зовут Никита. А кепи-то у вас «эсэсовская»!»

- Купил... И не обратил внимания, - оправдался я. И это ведь была чистейшая правда! Хотелось ответить, мол, что наши партизаны носили такие же, оказавшись зимой без головных уборов? Но я промолчал.

Лифт поднял нас на шестой этаж. А дверью меня встретили трое парней не старше тридцати лет. Крепкие. По-военному подтянутые. Слегка поклонившись, представились: «Йован, Жан, Рауль.»

Я с удивлением взглянул на хозяина. Тот понял мое недоумение и пояснил: «Йован – серб. Жан – француз. Рауль – колумбиец. Но только Йован хорошо говорит по-русски. Учитывайте это.»

- Так неужели же вы втроем? – озадаченно спросил я.

- Да мы входили в состав интернациональной бригады, воевавшей на моей родине против международного жидо-масонского и исламского заговора, - с легким акцентом, но явно подыскивая нужные слова, проговорил Йован.

- Уи-уи, - закивал Жан, - масоны, юде...

Рауль тоже кивнул. Я посмотрел на хозяина квартиры. Улыбнулся: «Названия этих мерзавцев на все языках звучит одинаково!»

- Все мы пребываем в их оккупации, - вздохнул Никита. И тут же предложил: «Пойдемте на кухню. Там – попросторнее. А в маленькой комнате ютятся хлопцы. В большой обитаем мы с женой и трехлетней Женечкой... Но, чем богаты, тем, слава Богу, и рады!»

И он перекрестился. Йован последовал ему. А двое других перекрестились по-католически, слева направо. Рауль даже ноготь большого пальца поцеловал и сложил руки ладошками внутрь.

- А как же вы общаетесь между собой? – недоумевал я.

Йован ответил: «На английском. В бригаде были ребята разных национальностей. Даже африканцы из Эфиопии. Там же издревле православие является государственной религией. Но в мире господствует язык наших общих врагов – англичан. Ведь оттуда масонская зараза распространилась. Так и общаемся. Сам-то я говорю на сербском и на русском языках. Дед приучил. Он у меня четником был. А прадед стоял у истоков «Сербской обороны» со дня ее основания в девятьсот третьем году. Тогда их было-то всего девять человек. Ну, об этом, если интересно, я попозже расскажу. В сорок первом тоже у деда в партизанском отряде во время войны с Гитлером было немало русских. А мне что же, в стороне оставаться, когда «муслимы» так ополчились против сербов? Это все последствия политики Броз Тито.»

- Масон, - скорее утвердил, нежели спросил я.

Йован кивнул. И продолжал: «Он же называет себя католиком. И одновременно... коммунистом. Ха! А может ли быть такое? Хотя с хорватами-католиками нам тоже приходилось схлестываться.»

Неожиданно в разговор вмешался Рауль. Он что сбивчиво затараторил по-английски. Но я половину не понял. Йован погладил соратника по плечу. Что-то ответил ему. А мне пояснил: «Рауль обижается на то, что я назвал Тито католиком. И сказал, что против нас воевали лицемеры и жидомасонские холуи. В самом деле католики-хорваты в своей жестокости ничем не отличались от «муслимов». Помню случай... Освободили мы одну деревушку. А выбили хорватов. А те оставили там – гору убиенных сербов. Поиздевались над нашими всласть! Царствие им Небесное! У половины перерезано горло, выколоты глаза. Отрезаны языки! Одну девушку после изнасилования связанную завернули в целлофан, и она там

задохнулась. И это – нелюди, называющие себя христианами!»

Йован посмотрел на Рауля. Тот, очевидно, понимая, о чем идет речь, развел руками. Перекрестился по-своему. Но тут же быстро что-то сказал. Йован кивнул: «Рауль напомнил еще один случай, но уже с мусульманами. Представь, Александр, что соседствуют две семьи: православные и мусульмане. Добре соседствуют. Помогают друг другу, если в чем-то возникают нужда... И вдруг все резко меняется.. В один скорбный день «муслимы» привязывают христианина к дереву. Напротив ставят столик. Наливают каву...»

- Что это за напиток? – перебив, спросил я.

- Кава – кофе. Они же не пьют от виноградной лозы. Ну, вот... Делают глоток кавы, и отрезают пол-уха у привязанного православного. Другой глоток – другая половина уха. Прости, Господи... Так мы нашли одного старика с отрезанными у него всеми конечностями. Со всем, что выступает на теле!

- Ну, это уже в чистом виде беснование! – воскликнул я.

- А Магомет - его пророк, - отозвался прежде до этого молчавший Никита

На этот раз жарко заговорил Жан. А Йован, выслушав, кивнул. Перевел: «Он напомнил еще два тяжких случая. Зачистили мы одном селении «муслимов». Збигнев, поляк, заходит в горящий дом. Видит в люльке младенчика, живулечку. Берет его на руки. И... бах! Под ребеночком оказалась подложена мина! В другом случае такой «наседкой» на mine оказалась старушка. И еще одного бойца мы потеряли. С этих пор, прежде, чем войти в дом, оставленный «муслимами», мы вынуждены были бросать гранату. Для надежности. Ведь у них – ничего святого!»

- А вы что-то получали за вашу работу? Как-то помогали семьям погибших? – спросил я.

- Мы же добровольцы! – даже с какой-то обидой воскликнул Йован.

- А на чьи средства вы добирались до Сербии?

- За свои деньги, Рауль, к примеру, пересек Атлантику. Да и другие! Скажем, из Эфиопии? Рауль несколько коров с ранчо отца продал, чтобы до Сербии добраться, здесь штаны поддержать. А Жан тоже на деньги, вырученные с виноградников приехал, - пояснил Йован.

- А как же обратно добираться будете? – удивился я.

- Вот... Ты очень правильный вопрос задал. Над ним как раз мы головы и сломали! Нельзя нам обратно! В Колумбии Рауля ждут не как добровольца, а как террориста, убившего несколько десятков «мирных» мусульман и католиков-хорватов. К нему уже несколько раз домой полиция приходила. А у него ведь – жена и двое детей! У Жана – та же история. Он у нас – граф-роялист! Монархист, значит! Предка его жида, типа Робеспьера, Марата и Дантона отправили на гильотину. Так, в родовом имении Жана агенты спецслужб просто поселились. Как говорите вы, на халяву. Да и у меня – не слаще. В Сербии, как ты знаешь, к власти пришли предатели, враги народа, масоны. Они открыли настоящую охоту на четников.

- И что же делать теперь вам?

- Борис тоже пробует помочь. Но будем надеяться на Бога. Он не оставит, - невесело улыбнулся Йован.

После этого я задал еще несколько «дежурных» для интервью вопросов. После интервью Жан куда-то вышел и вернулся с бутылкой сухого вина. Откупорив ее, понюхал. Скривил губы. Даже поморщился. Посмотрел на Йована. Покачал головой. Что-то сказал. А Йован вздохнул: «Советская подделка! А ведь специально к твоему, Александр, приезду покупали. В фирменном магазине! Жан говорит, мол, вас всех собрать бы на его винограднике, он пир бы закатил, как говорится, на весь крещеный мир!»

Никита принес стаканы и разлил вино. При этом пошутил: за неимением гербовой, пишем на простой!»

А я рассказал, как при Горбачеве вырубали под корень крымские виноградники, посаженные еще Потемкиным, Воронцовым и другими создателями Земли Русской. И вдруг заметил слезы, выступившие на глазах у Жана. Он что-то сказал Йовану. Тот перевел: «Не умеет народ ваш ценить дар Божий. А ведь Господь называет православных людей виноградом. И священники всякий раз напоминают об этом. Значит не народ вырубал ваш безбожный масон Горбачев, в виноград сей! Даже прощения ему просить не хочется!»

- Не будем о грустном! Давайте, выпьем за боевое братство! А знаете ли, в роте, где я воевал, был один мусульманин. Вахид, помнится... Но, давайте выпьем сначала! За боевое братство! За наше братство! Международное! – поднял свой стакан Никита.

Что мы и сделали. А хозяин квартиры продолжил: «Так вот, Вахид говаривал, что убивать людей – грех. И делающий это – паршивый, вонючий шакал, которого Аллах и примет, как шакала! А любой, уважающий себя хозяин, убивает шакалов. И знаете ли, не хуже нас, европейцев, «мочил» албанцев из «ручника». Классически! При этом проговаривал какие-то свои молитвы. И заметьте, намаз, - или как там у них называется, - он совершал каждый день. Прежде, по-моему. Вахид в милиции служил, да не сладились что-то у него там».

А я почему-то вспомнил другого Вахида, вступившего в войну с рыбо-икорной правительственной мафией в Агдамском районе Азербайджана. Ну, как тут было не вспомнить песню Игоря Талькова: «Война! Идет Гражданская война!»

Мы проговорили до вечера. И я все записал на диктофон. Конечно, имена и фамилии моих героев я

изменил. Но домой возвращался в блаженных воспоминаниях о Сербии.

Молодость-молодость... Когда-то были и силы, и ловкость, и умение. Но я же умею писать очерки, беседы, как сейчас. Наконец, работаю над романом-эпопеей. Так я добрался до дома, тихо вошел, чтобы не отвлекаясь сразу взяться за написание беседы с новыми друзьями, героями Сербии, добровольцами...

Но вдруг с кухни услышал голос Георгия, который не заметил моего появления. И горячо, чуть ли не захлебываясь словами, убеждал Елену: «Ну зачем он тебе нужен? Тоже мне, писатель! Неизвестно, что он еще там написал... Ты ведь даже не прочитала!»

И я узнал интонацию и стрекот теток. А Георгий между тем продолжал: «Ты на даче не разгибаешься. А он на халяву живет. Много ли помогает? До обеда, видите ли, пишет, а потом на рыбалку идет. Мне ведь тетя Аня с тетей Катей рассказывали. А ты еще и на работе вкалываешь.»

- Неправда. Он и на даче много делал. И в Москве все магазины взял на себя. Готовит хорошо, - оправдывалась Елена.

- Выгони его! Тогда, если хочешь, я тоже по магазинам могу ходить. И на дачу начну ездить. Не часто, конечно. А если отберешь у него ног бук, то я вообще не буду вылезать с дачи.

«Как, Лена, дождешься ты, что он по магазинам начнет ходить, и на дачу ездить!» - подумал я.

- Как же я отберу?! Это же подарок! – воскликнула жена. Помолчала минуту. Сказала: «А ведь ты сам не выполнил своих обещаний, когда мы тебе компьютер подарили!»

- Это условности...

- Но мы женаты! Венчаны!

- Это тоже условности! Вон, тетя Аня с дядей Борей не были венчаны, а всю жизнь прожили вместе. И эти твои походы в церковь. Пустая трата времени! - хмыкнул Георгий.

- А не ты ли меня сволочью называл? Не ты ли на меня руку поднимал? – повысила голос Елена.

- Ну-у-у, это по детскому недомыслию. А как он мне руки выкручивал? Да и ты вспомни как стулом в меня кидалась. Как порола меня, не помнишь? Как таскала по всяким концертам, спектаклям, хотя мне они были совсем неинтересны. Даже противны! Так что, мы квиты.

Я тихо открыл и громко хлопнул входной дверью. Георгий, услышав, замолчал и ушел в свою комнату. Это было уже похоже на настоящий заговор против меня. Даже Лена равнодушно подставила щеку под мой поцелуй и молчаливо принялась мыть посуду. А я начал, было, рассказывать о добровольцах, с которыми познакомился. Но Лена тоже равнодушно, что называется, в пол-уха слушала и даже несколько раз переводила разговор на какие-то хозяйственные дела. Потом вдруг спросила: «Так ты там поужинал? И конечно же выпил с этими сербом, колумбийцем и французом?»

- Да, - пожал я плечами, - выпили бутылку вина на четверых. Но ведь ты на работе тоже нередко выпиваешь со своими сотрудниками. Разве я хоть раз напомнил тебе об этом и упрекнул?»

- Если ты так недоволен, может быть нам лучше развестись? - спросила она каменным голосом.

- Перед моим приходом ты об этом с сыном говорила?

- Как же это низко – подслушивать!

- А мне надо было дожидаться на улице, пока вы всласть наплететесь интриг против меня. А ты ведь уже начала поддаваться им! Попала под влияние сына и теток!

- Ни под чье влияние я не попадала! И сколько можно перемывать косточки моей родне?

- Хотелось бы мне не заниматься этим. Но ведь кости мне перемывать они начали первыми!

- Они старенькие! Сколько можно это повторять. Мстить недостойно для мужчины!

Разговор явно не «клеился! И я решил сесть за рукопись беседы, а Елена ушла в большую комнату смотреть телевизор. А когда я все написал, пришел к ней. Но она устроилась на диване под одеялом и даже похрапывала. Я хотел, было, отнести ее в нашу комнату, но, не открывая глаз, она пробурчала: «Не надо меня относить. Я так сладко здесь угнездилась. Лучше телевизор выключи и зажги ночник. Пожалуйста.»

И я невольно подумал, что это - начало конца. И случается это, когда супруги начинают спать отдельно друг от друга.

На следующий день я встал намного раньше Елены. Выпил кофе, съел пару бутербродов и уселся просмотреть текст моей беседы, как говорится на свежую голову. Она вошла в комнату переодеться. Весело спросила: «Ты что же решил объявить голодовку? Я манную кашу сварила.»

- Спасибо. Я попозже поем. Нужно доработать материал для «Русского Вестника», - ответил я.

Веселость и добродушие Елены сменились на сухость и даже какую-брезгливость: «Тебе же в прошлый раз не заплатили. А статья была в полстраницы! Тешишь свое тщеславие?»

- Нет, отрабатываю авторское мастерство на статьях.

- А ты полагаешь, что на твои двенадцать тысяч пенсии можно разгуляться. Мы за квартиру и «коммуналку» пять тысяч платим! А питание? – повысила она голос.

Я примирительно ответил: «Но у нас же все общее. К тому же я – безвылазно на даче.»

- Когда жена получает в несколько раз больше, чем муж, это что, называется «все общее»?

- Заставь сыночка работать! Бездельник! Ночами сидит за компьютером! Играет. И при этом имеет наглость утверждать, что, якобы, делом занимается! Днем отсыпается! И еще на мой нот бук зарится! А ты, дорогая моя, потекаешь. Или ты забыла, как я тебе зарплату в долларах приносил? К тому же обеды в гимназии были дармовые. А продуктовые наборы – тоже из гимназии? Скажи теперь, что этого мало было?!

- Вот ты и заставь сыночка работать! Ты же – отец! Раньше воспитывать надо было. Когда поперек лавки лежал!

- Так и дали бы воспитывать его твои родственники! Они и сейчас все делают, чтобы мы с тобой разошлись. Да и Георгий мечтает об этом. А для чего? А для того, чтобы как прежде сволочить тебя и оплеухами потчевать. И вообще, почему это ты на меня свой голос повышаешь?

- Да потому что ты опять на тетушек нападаешь. А мы ведь вроде бы договаривались! А про валюту? Скажу... Зарплату, которую ты в долларах приносил, мы откладывали, как говорится, про черный день, - уже спокойно ответила жена и ушла в ванную. Зато у меня на душе было далеко неспокойно. Муторно!

Елена ушла на работу. А я не находил себе места. Роман не писался. Вчерашняя беседа с сербскими добровольцами тоже была завершена только наполовину. А Борис просил ее привезти к двум часам по полудни. Так что я, скрепя сердце все-таки сел эту рукопись. А все думал, что женой писателя и журналиста надо родиться. Как Маша у Игоря!

...А в два часа был в редакции. Борис пролистал рукопись. Сделал какие-то пометки. Весело сверкнул золотым зубом. Объявил: «Добротню сработано. Понесу на

подпись к главному. А ты пока походи по нашему книжному магазинчику. Посмотри.»

Минут через тридцать он вернулся, весело хлопнул меня по плечу. Показал на подпись главного «В печать! Срочно в номер!»

И добавил: «Может быть сходим, пивка попьем?»

- Спасибо, Борис. Но нет. Есть еще дела неотложные.

- Что, новая жена «гайки закрутила»? Что ж тебе так не везет на баб?! Впрочем, большинству творческих личностей на них в самом деле не везет. И опять ты, что называется, «влип»?

- Нет, с этим все нормально.

- Тогда я хотел бы тебя просить написать реплику. Знаешь такого президента Финляндии Маннергейма? Ну, с его знаменитой линией обороны. Так вот. На стене одного из военных училищ Питера установили памятную доску с его изображением. Даже кто-то из правительства на это «торжество» приезжал. Выясни, пожалуйста. На самом деле, он героически служил в Царской Армии. Имел немало Русских боевых наград. А в годы Великой Отечественной президентовал и командовал Финской армией. Дружил с Гитлером против нас. Сколько русских погибло. А со стороны Финляндии именно Маннергейм обложил блокадой Питер. А это еще тысячи человеческих жизней! Все подробно выясни и напиши полторы-две странички. Вырази недоумение, мол, еще бы Власову доску открыли на стене Генерального штаба! Напиши пооперативнее.

...Вернувшись домой, я сразу залез в интернет, и к вечеру две странички текста были готовы.

К нашему возвращению вокруг костра собрались все партизаны, свободные от несения службы. Профессор довольно потер ладони и заговорил: «Тема нашего с вами нынешнего разговора посвящена предмету, ради которого

вы все здесь обитаете. Вы видели нашивки на рукавах гитлеровцев с надписью «аненербе». А это есть тайная, оккультная, мистическая организация, возглавляемая Гимлером. Гитлер тоже имеет прямое отношение к оккультизму.»

- Профессор, а что такое «оккультная и мистическая»? – спросил кто-то из партизан.

- Объясняю, так сказать, на пальцах: колдовская.

Среди партизан раздалась смешки. Но отец Валерий, покачав головой, подал голос: «А знаете ли вы, что при первой попытке взятия Государем Иоанном Четвертым Васильевичем Грозным именно татарские колдуны нагнали на Русское воинство такую непогоду, что штурм города пришлось отложить. Небольшие пушки тогда летели по ветру, словно пушинки. А какие бесовские страхования были у святого преподобного Сергия игумена Радонежского. И подобных примеров можно привести не одну сотню! Так что прошу слушать внимательно и вникать. А вы, профессор, пожалуйста, продолжайте.»

И Василий Васильевич снова заговорил: «Благодарю вас, отче. Возникло «аненербе», что переводится с немецкого, как «наследие предков», в самом начале тридцатых годов. Именно, как тайная организация. Нет смысла называть имена и фамилии участников или членов ордена.»

- Рыцарского, что ли? – спросил еще кто-то.

- Рыцарско-масонского, берущего начало в ложе «Туле». Как те же «тевтонский, ливонский» ордена. Или как тамплиеры, которые, к слову, существуют и по сей день. И тайно связаны между собой и другими сатанинским культурами. Но это уже другой разговор, - пояснил профессор. Помолчал несколько секунд, собираясь с мыслями. Вдохнул: «Давайте договоримся, что все вопросы вы зададите потом, после лекции. А сейчас, с вашего

разрешения, я все-таки продолжу. В наше время на «аненербе» работают несколько десятков научно-исследовательских институтов, промышленно-производственных предприятий. В распоряжении организации действует и известная нам всем дивизия «мертвая голова». В концентрационном лагере Дахау, да и на других фабриках смерти проводятся опыты над живыми людьми. В том числе и над детьми. Так называемые специалисты из «аненербе» выезжали на Тибет и в Южную Америку, в Гренландию и на Кавказ чтобы изучить и перенять опыт тамошних колдунов. Сверхсекретный проект «Колокол» исследует гравитацию, при которой отказывают все электрические приборы. Охотились эти не люди и за Чашей Грааля и копьем святого мученика Лонгина-сотника. О последних вам все-таки лучше меня расскажет отец Валерий. На Крымский и Кольский полуострова у них тоже имеются свои виды. Какова же их цель прибытия сюда? Считается, в горе существует множество подземных ходов, которые ведут едва ли не к центру земли. И живут под землей, якобы, гиперборейцы. Они когда-то населяли большое пространство, плодородной, с прекрасным климатом. Но в результате какой-то катастрофы, ставшее... Северным Ледовитым океаном. И оставшиеся в живых гиперборейцы, якобы, ушли под землю.

- Да бесы живут под землей! - воскликнул Никита.

- Вы совершенно точно заметили! Таким образом, мы легко можем определить, к какому населению относятся гитлеровцы. Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты!

- Чем же занимаются они там? В горе? Гитлеровцы и их сподручные? – спросил кто-то.

- Также очень важный вопрос. Но только не совсем правильно поставленный. А занимаются гитлеровцы, - подчеркну, - под руководством бесов созданием новых видов оружия. И пример тому – дисколеты, развивающие скорость

более трех тысяч километров в час. Они называют свои, с позволения сказать, изобретения Ф-2, Фау-3 и Фау-7. Так что мы можем считать нашу гору авиационным заводом. И считают их так называемым оружием «возмездия». Кому «возмездия»? Человечеству! Но что-то у них не ладится. Пока. Это я как специалист говорю. Бог не дает! Так что, наша задача – усилить наблюдение.

- А какие могут быть еще проекты у фрицев? – спросил на этот раз я.

- Например, проект «Тор». Но мы пока о нем ничего не знаем. Конечно, разведка работает. Но подобраться к проектам очень сложно. Однако, представьте только, на названные проекты гитлеровским командованием расходуются миллионы марок! А нельзя ли заслать к фрицам нашего человека. Хотя бы под видом военнопленного? - вдруг оживился Василий Васильевич. Все партизаны скорбно покачали головами. А отец Валерий объяснил положение дел с еженедельными расстрелами.

- А взять «языка»? - не унимался профессор. И опять о зомбировании даже фельдфебелей, не говоря уж об офицерах, и об их «несговорчивости» ему терпеливо ответил батюшка.

- Профессор, - подал голос Николай Макарович, - я в толк никак не возьму: какую роль в этом злодействе играют нойды?

Ему ответил отец Валерий: «Вы Николай Макарович, должно быть не слышали рассказ Иосифа о причинах враждебности нойд к русскому народу и в особенности к православному священству. Но она кроется в заурядной меркантильности. О способности «замерячивания» вы уже, конечно, наслышаны довольно.»

- Да-да...

- О причинах такого отношения к нам, русским...

- И мы тоже не слышали...

- Интересно...

- Стало быть, они похуже фрицев, - раздались голоса других партизан из числа бывших военнопленных. Оська повторил свой рассказ.

- И я предполагаю, - подал голос Василий Васильевич, - что заставить воду вращаться окриком под летательными аппаратами нойды умеют так же, как «замерячивать» людей, своих же соотечественников. Но простите, сие есть чистейший оккультизм, колдовство, в который поверить трудно, но необходимо. Вот только как заставить поверить наши партийно-правительственные органы с их диалектическим материализмом?

- Профессор! Ну, не смотрите на меня так! Я уже поверил... И в Бога – тоже! – воскликнул Константин.

- Вот и славно! Нашему полку православных христиан прибыло! – заулыбался Василий Васильевич. И тут же посерьезнел: «Не за горами тот день, когда Красная армия освободит Кольский полуостров. А к этому времени мы должны будем захватить максимальное количество нойд, чтобы отправить их в Москву. Там найдут методы, чтобы узнать тайну «мерячивания», а значит, тайну запуска гитлеровских летательных аппаратов из колодцев. Благодарю вас за внимание. Я закончил.»

- Благодарствую профессор, - слегка склонил голову отец Валерий. Взглянул в сторону Агнюши: «Но в добавление ко всему сказанному хочу предложить всеобщему вниманию рассказ нашей милейшей Агнии Александровны. Так сказать, небольшой исторический экскурс. А дело в том, что предок ее и нашего морского летчика Александра по поручению Государя Императора-мученика Павла Первого Петровича возглавлял экспедицию на Кольский полуостров и оставил в семье своих потомков записки или дневник об этом путешествии.

Еще в отрочестве она их прочитала. Прощу, Агния Александровна.»

Агнюша смутилась, покраснела, поднялась с бревнышка, на котором примостилась. Но партизаны дружно замахали руками: «Да сидите же вы!»

- Негоже женщине стоять перед сидящими мужиками...

- Сидите-сидите!..

Но Агнюша осталась стоять. Пояснила: «Боюсь, что не все хорошо могут слышать.»

И принялась рассказывать.

Партизаны слушали, затаив дыхание. Кое-кто даже раскрыл рты. И мне нечего было добавить. Вечер прошел в добродушной обстановке. А на следующее утро мы с Василием Васильевичем и Костей снова отправились к наблюдательному пункту на дереве. Но когда возвращались, на дороге натолкнулись на перевернувшийся «хорьх». А вокруг суетились партизаны. Василий Васильевич взглянул сквозь разбитое стекло машины и покачал головой: «Очень напрасно вы убили генерала. Очень напрасно!»

- Да не убивали мы его! – воскликнул Юрок. Даже в сердцах длинно сплюнул сквозь зубы: «Машина сама перевернулась. А разбившееся стекло врезалось фрицу в висок.»

- А документы какие-нибудь с ним были? Например, в портфеле? – спросил Костя.

- В том-то вся и закавыка, что документов никаких не было. Даже личных! Не говоря уж о портфеле. Но и самого шофера в машине тоже не оказалось. Все вокруг осмотрели. Безполезно! - еще раз сплюнул Юрок.

- Да здесь я, товарищи! – раздалось из-за ближайшего валуна. И навстречу нам вышел фельдфебель. Мы даже опешили. В руках он на самом деле объемный портфель. Поднял его на вытянутой руке. Но тут же прищелкнул каблуками, резко опустил и выпрямил голову: «Курт

Зиберт. Остзейский немец. Заслан советским командованием еще в тридцать пятом году в Мюнхен, где и вступил в «аненербе». Сюда был направлен в качестве фельдфебеля-шофера. Но меня не было другого выхода. Нашего брата допускают только на верхние уровни горы. А что творится на нижних, тщательно скрывают даже от нас. Вот я и решил... Увидел как генерал листает папку с чертежами и описанием Фау. Перевернул автомобиль. Знаю, что линия фронта с нашей стороны довольно придвинулась, решил добираться с документами к своим сам. К тому же надеялся на партизан, то есть на вас. А вы сами – тут как тут! Спасибо, товарищи!»

- Ты ему веришь? – шепотом спросил меня Юрок.

- Слишком уж все «гладко» у него складывается! Может быть, документики-то – липа! А фрицы хотят пустить нас по ложному следу. Даже генерала подставили, - за меня прошептал Костя.

- А может быть, он вовсе и не генерал. Потому и подставили, - тоже шепотом ответил я.

- Ну, вот что, голубчик, - обращаясь к фельдфебелю, вмешался Василий Васильевич, - мы с вами поступим так. Я просмотрю документы и отберу самые важные. В машине наверняка есть чистые листы бумаги. Нас здесь человек двадцать. Мы скопируем документы. Полагаю, что успеем. Для этого отойдем за валуны. А вы вернетесь в гору. Мундир ваш потрепем, порвем кое-где. Пусть думают, что вам пришлось осторожничать, прятаться. Потому, как вы не имели ни малейшего понятия о причине аварии и гибели генерала.

- Но меня ведь могут расстрелять! В СС это легко делается! Сначала, конечно, все проверят. До мелочей! – переводя взгляд с одного из нас на другого, промямлил фельдфебель. И от его трусоватого взгляда сразу рушилась

версия принадлежности одного к стратегической разведке нашей страны.

- Полноте, голубчик! За спасение особо секретных документов вас наградят! Или даже повысят в чине! А нам часов двух для копирования более достаточно, – спокойно проговорил профессор.

И мы приступили. Максим переводил тексты. Трое партизан записывали их. Я, Костя, Юрок, фельдфебель, Николай Макарович и Василий Васильевич копировали те немногие чертежи, которые оказались в портфеле. За полтора часа мы сумели на скорую руку выполнить свою работу. И фельдфебель, оглядываясь, спотыкаясь, отправился восвояси. Мы проводили его взглядами и направились в сторону, противоположную месту нахождения лагеря. Потом резко свернули в сторону. А когда вернулись, доложили командиру о случившемся. Батюшка уединился с профессором в штабной землянке. Но потом все-таки позвали туда меня, Костю и Юрка.

- Как я и предполагал, эти чертежи и документы элементарная «липа». Или, как говорят в армии, «дэза». Вот-с, извольте взглянуть: такой дисколет никогда не взлетел бы ни с окриком нойды, ни без одного, - вздохнув, объявил Василий Васильевич.

- И генерал – фальшивый! – усмехнулся Костя.

- Но как фрицы узнали, что мы «кдюнем» на их приманку? Надо было его расстрелять! - скрипнул зубами Юрок.

- Ни в коем случае! Пусть обитатели горы думают, что мы попались на их провокацию. И в Москве попытаются разобраться в гитлеровской галиматье. Не станем их разубеждать ни в чем.

- Стало быть, они, как говорится, «пасут» нас, - раздумчиво проговорил отец Валерий.

- А возможно ли, что «фельдфебель» на самом деле хотел перейти линию фронта? Подсунул бы документы нашим особистам, а пока суть да дело, сам бы сделал «ноги», - предположил я.

- Таким образом, у нас есть две версии. Но по любой из них нам необходимо менять место нашего пребывания. Через двадцать четыре часа приказываю покинуть лагерь. Все заминировать. Уходить будем к ручью, впадающему в море. Помните? Должно быть, землянки там еще остались. Георгий со своим взводом выходит первым. Налегке. Осмотрись внимательно. Но мы там долго не задержимся. С Богом! – перекрестился отец Валерий.

Мы все последовали ему.

И опять потянулись бесконечные партизанские переходы, смена стоянок, нападения на случайные, одинокие гитлеровские машины. За эти несколько месяцев фрицы отвыкли от наших атак на дорогах. Однажды дозорные доложили, что в сторону линии фронта по размытой дождями дороге ползет колонна машин с прицепленными к ним пушками. Значит, кроме артиллерийских расчетов, в некоторых грузовиках должен находиться и боекомплект к орудиям. Решение было принято мгновенно. Мы бегом кинулись туда, где над дорогой нависали скалы. Их-то и заминировал Николай Макарович. Таким образом, гитлеровцы оказывались в каменном «мешке», взорвав который наши подрывники осыпали врага камнями разной величины. Не менее половины фрицев нашли свой конец под валунами и обломками целых скал. Но нам, конечно, этого было мало.

Илия-муромец стрелял по бензобакам машин из своего ручного пулемета, словно из малокалиберной винтовки. Как же, охотник! А Сергуня-малый, когда те вспыхивали, косил выскакивающих наружу гитлеровцев из своего «ручника». А в короткие промежутки между его выстрелами я,

устроившись рядом, вдруг услышал от него: «Господи Иисусе Христе, Сыне и Слове Божий, молитвами Богородицы помилуй мя грешного.»

Взрывались и боекомплекты. Да так, что пушки подбрасывало, корежило, изгибало. Конечно же, стреляли, бросали гранаты, бутылки с зажигательной смесью и другие партизаны.

Но надо было уходить с этого места. Неровен час, в воздухе могли показаться «мессеры», хотя бой-то продолжался не более получаса. И тогда нам стало бы тяжелехонько! На обратном пути Сергуня-малый ворчал: «А ведь мы с Илюхой могли бы пушчонку прихватить с собой! И пару ящичков снарядов. Ой, как сгодились бы в нашем хозяйстве! Скажи, Илия? А сколько патронов зазря пропало?!»

Муромец тяжело вздыхал и, должно быть, невесело соглашаясь, только молча кивал.

По правде сказать, после появления в отряде профессора и Кости, снабжение наше всем необходимым самолетами стало налаживаться. Василий Васильевич довольно часто выходил на связь с Москвой по своим кодам и шифрам, напоминал. Но подкрепления их группе все не было. Да и какое могло быть подкрепление, если мы постоянно меняли места дислокации. Где бы подкреплению нас искало бы?!

Наконец, по первому морозцу, мы вернулись в старый наш лагерь. Удивительно, но он стоял, как прежде. Даже не тронут! Даже разминирован не был. Николай Макарович шутил: «Лишили проклятые фрицы меня моего хлебushка. Вот, негодники!»

Отец Валерий подошел к штабной землянке и, улыбаясь чему-то, погладил ее накат. Сестрица Агнюша тоже переходила от дерева к дереву. Тоже гладила их.

Шевелила губами. И сквозь слезы радости громко произнесла: «Словно в родной дом вернулись!»

Вдруг все стихли. А по рации, которую Машенька еще не успела занести в землянку, чтобы партизаны могли услышать сводки с фронтов зазвучало:

*Вставай страна огромная,
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой...*

Мы как один поднялись на ноги. Встали по стойке «смирно». Да же раненные в последних боях. Я заметил, как у многих партизан на глазах навернулись слезы. Лица вспыхнули гордостью. Не гордыней! Нет! А именно гордостью! Гордостью за Россию, сокровенно сохранившую в себе Веру Православную. Да и какой еще народ, кроме Русского, вставал так на защиту своего Отечества?! Воистину шла *Народная война! Священная война!*

Потом, за праздничным ужином, выпив в благодарение Господу по полкружки шнапса, все завели разговоры. Но батюшка, встав с бревнышка, вдруг заговорил: «А знаете ли, кто был автором песни?»

- Какой-то «лебедь кумачовый», - засмеялся кто-то из партизан.

- Известно, кто... Лебедев-Кумач. Его песни вся страна распевает, - пожал плечами Костя.

- А вот и нет! Песня сия написана в шестнадцатом году учителем захолустной гимназии Александром Адольфовичем Бодe. И... немцем по национальности!..

- Не-э-эмцем? - даже привстал со своего места Никита.

- Именно! И в строке «с фашистской силой темною» этот самый немец написал: «с тевтонской силой темною». Да, и такие немцы были. А генералы фон Келлер и Дитерихс? Герои! А генерал Мин, командовавший «Семеновцами» и убиенный эсеркой? За что? Да за то, что

во многом его заслуга была в предотвращении разрушительной революции, которую темные силы планировали еще в девятьсот пятом году. А выбив всех державно мыслящих, осуществили ее в семнадцатом. «Священную войну» все нормальные люди так пели в шестнадцатом году. Тогда еще безбородым семинаристом я отправился с санитарным поездом на фронт. Вольнонаемным санитаром.

- Плагиатор этот Лебедев-Кумач! Надо же! – брезгливо процедил наш профессор.

- Вор! Вот кого надо сажать! – кивнул головой Сергуня-малый.

- А что же вы думали! Это – привычная для большевиков манера. Оболгав лучшее и лучших, потом присвоить их заслуги и подвиги себе. Марш легендарного Дроздовского полка, который пешком пришел из Румынии, дабы спасти Отечество, они переделали в песню «По долинам и по взгорьям». И таких примеров можно приводить множество. В том числе, и, с позволения сказать, в уголовном творчестве Лебедева-Кумача, - завершил батюшка очередную политинформацию.

- Отче! Вы хотя бы предупредите нас, какие песни петь можно, а какие – заподло, - подал голос Юрок.

- Давайте, сразу и приступим. Все, наверное, еще по лагерю под Котласом помнят песню «Жили двенадцать разбойников». А кто не знает слов, братие, подпевайте, как сможете. Ну, Сергей, запевай! - уже с улыбкой проговорил отец Валерий.

И песня негромко поплыла по притихшему лесу. Потом спели еще незнакомую мне – «Гибель «Стерегающего». А я подумал, что и наш отряд - вроде этого броненосца. Окружен врагами. Терпит всяческие лишения, голод, холод, но остается верен Отечеству, России. В голове тут же мелькнула мысль: «Вере и Царю... Сокровенно!»

А Никита затянул свою «Любо, братцы, любо...» Все заулыбались, но подпевали. И вот тогда-то я услышал, словно приговор:

*Старики, старушки, девки молодые,
Тихо спит станица, только матери не спят...
Вырубил станицу, расстрелял станицу
Местечковский, трезязыкий, жадный жидотряд...
...Так помянем, братцы, братьев наших верных,
Терских да Уральских наших братьев во Христе!
То иуда Троцкий, то иуда Свердлов
Долго распинали Мать-Россию на кресте...
Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить,
С нашим атаманом не приходится тужить...*

Никита вытер кулаком глаза. Отвернулся. А я подумал: «В таких «неофициальных» песнях народ врать не будет. И это - не вор-композитор «в законе» Лебедев-Кумач!»

Потом Агнюша с Машенькой пели романсы. А сестрица в одиночку вдруг запела:

*Ночь нежна, над рекой тихо светит луна,
И блестит серебром голубая волна,
Темный лес... Там в тиши изумрудных ветвей,
Звонких песен своих не поет соловей.
Под луной расцвели голубые цветы,
Они в сердце моем пробудили мечты.
К тебе в грезах лечу, твое имя шепчу,
В эту ночь о тебе, милый друг, все грущу.
Милый друг, нежный друг, я, как прежде, любя,
В эту ночь при луне вспоминаю тебя,
В эту ночь при луне, на чужой стороне,
Милый друг, нежный друг, вспоминай обо мне...*

Я посмотрел на нее и увидел на ее глазах слезы. А она, закончив пение и усевшись рядом со мной на бревнышко, только шепнула: «Это был любимый романс папеньки. И

маменька его частенько пела под рояль или под гитару. И при гостях, и отдельно для папеньки.»

...После вечернего молитвенного Правила все стали расходиться в свои землянки. А я спросил отца Валерия: «Неужели этот «кумачовый» композитор, не знает, что его ждет за гробом?»

Батюшка задумался. Притоптал вылетевший из костра уголек. Вздохнул: «Может быть, он в своем благополучии не думает об этом. Вспомни-ка притчу о богаче и Лазаре. А возможно, он – тайный саддукей. Среди большевиков – большинство таких.»

- А это кто? В деревенской глубинке, где я рос, о таких даже не слыхивали! Особенно молодежь. Да и не помнится, чтобы бабушка мне что-то об этом рассказывала.

- На саддукействе советская молодежь воспитана. В том-то вся беда России, когда после жизни земной думаешь о том, что отвечать ни за что не придется. Была такая очень распространенная иудейская секта еще со времен Царя Соломона. А сие, по-моему, аж третий век до Рождества Христова. Но про саддукеев упоминает в Новом Завете святой Апостол Матфей. Эти сектанты учили, что в будущем веке не будет ни вечного блаженства, ни вечных мучений. Первого - для праведников и второго – нечестивцев. Сектанты отрицали бытие Ангелов и злых духов. Конечно же не верили в будущее воскресение мертвых. Теперь посуди сам: чему вас, молодежь, учили в школе, кого-то в институтах, а тебя – в военном училище? Куда и к чему вели?

- Так что? Гитлеровцы с их бесноватым фюрером – тоже саддукей? – недоумевал я.

- В твоём вопросе прозвучал и ответ. Фюрера ты назвал бесноватым. Он бесам и служит. Точнее, их господину – сатане. Служит, как говорится, в открытую. Саддукей же служили врагу рода человеческого, не ведая,

что творят. Но служили добросовестно. Как служат добросовестно большевики-коммунисты и прочие атеисты. Нельзя служить противоположностям?! А тем паче, себе, любимому. У Горького-Пешкова один из отвратительнейших героев утверждает, что человек звучит гордо. Я, пожалуй, соглашусь с ним...

- ?

- Если оговорится, что сей человек гордо звучит только с точки зрения лошади, на которой восседает. Только и сие спорно. А ну, как лошадка взбрыкнет, да скинет «гордого» седока? А то и затопчет? А святой Апостол поучает, что нам гордиться нечем. Не станет же нормальный человек гордиться грехами. Гордиться можно только Богом, сотворившим нас.

- Спаси Господи, отче. Вразумили, - задумчиво проговорил я. И отправился в свою землянку. Но не спалось. Все обдумывал сказанное отцом Валерием. Но пришлось заставить себя. Рано утром надо было отправляться на свой наблюдательный пункт.

...Наступала полярная ночь. Но она была нам только на руку: свои колодцы и летательные аппараты фрицы хорошо освещали. Как в ясный солнечный день. Тогда как мы становились незаметными для гитлеровцев. К тому же нам самолетами с «большой земли» доставили валенки, ватные штаны, полушубки и даже несколько настоящих тулупов!

- Балуют они нас! – засмеялся батюшка.

Агнуша разбирала медикаменты. От восхищения охала да ахала. Машенька тоже радовалась: запас питания для рации был больше обычного. А тут и гости к нам пожаловали. Но они оказались не обещанной диверсионной группой, а связными партизанского отряда «Советский Мурман».

Я их не застал, потому как был в дозоре. Но Агнюша, рассказывая мне, совсем развеселилась: «Представь как вытянулись их лица, когда они узнали, что большинство наших – бывшие эски из разбомбленного немцами эшелона теплушек. Другие, мол, освобожденные нами военнопленные. За столом всё про Василия-повешенного выпытывали. А когда увидели командира отряда с деревянным наперсным крестом, вообще поначалу дара речи лишились. И всё удивлялись, как мы своими малыми силами уничтожили артиллерийский полк между гор. Всё завидовали нашему обмундированию и снабжению. Один - молоденький такой, но с гонорком. Сразу представился секретарем обкома комсомола. Все лозунгами разбрасывался. Агитатор-пустомеля! За обедом все на Машеньку поглядывал. А девушка-то наша - тоже не проста. Сразу определила: бабник! Мол, война идет, а он... Двое других – постарше, посдержаннее... Но остальных подробностей я не знаю. «Гости» на два часа заперлись в штабной землянке с батюшкой, профессором и Юрком! Константин-то с тобой в дозор ходил. А наш Илия-муромец силки в лесу ставил. О чем в штабе шел разговор, я не слышала. Иногда переходили на повышенные тона. Особенно горячился Юрок. Батюшка его постоянно утихомиривал. И ты, пожалуйста, не спрашивай отца Валерия. Если надо будет, сам расскажет. Накормила я их. По полкружки шнапса налила и отправила поспать в твою землянку. Ты ведь – не против? Они перед самым твоим возвращением ушли.»

Пообедав, я хотел, было, идти отдыхать. Но прибежавший дежурный по штабу передал просьбу отца Валерия зайти к нему. Костя был уже у него. И они сидели несколько омраченные.

- А не провокаторы ли нас навещали? – с самого порога спросил я.

- Нет, я портрет одного видел еще под Котласом. Там ведь заставляли читать «Правду». Известный чиновник. Сказал, что будет руководить объединенными партизанскими отрядами Кольского полуострова, и что ему сие поручено в Центральном комитете партии большевиков. И всё выспрашивал, кому мы подчиняемся. Другой представился кем-то вроде подпольного начальника местных чекистов. А третий, самый молодой, назвался секретарем Мурманского комитета комсомола. А в завершение всей встречи последний даже пообещал разобраться с нами! - ответил отец Валерий.

- Прибрать нас к рукам захотели! Хрен им! – собрал в фигу правую ладонь Юрок.

- Вы подчиняетесь Москве. С предоставлением вам особых полномочий. Про И об этом я говорил прибывшим функционерам. Конечно, про гору и про ее содержимое я даже заикаться не стал. А то наломают дров! - подал голос Василий Васильевич.

- Ага! И захотят нам свои задания давать! Совершать ихнии операции, диверсии. И таким образом попасться в лапы фрицам. Будут они нас, зэков, жалеть. Мы ведь все равно на закляние уготованы. Но как отплеваться-то от них? – горячился Юрок.

- А ведь нет ничего проще, - ответил Костя. Обвел всех собравшихся заговорщическим и в то же время ироничным взглядом: «У Василия Васильевича сегодня состоится сеанс радиосвязи. Он доложит, как говорится, по команде о притязаниях на наш отряд местных партизан. Того же «Советского Мурмана». А завтра на своем сеансе я передам подтверждение этого донесения. Машенька послезавтра доложит то же самое. И поставят на место наших «функционеров». И встанут они на него, как миленькие! Это еще необходимо вот по какой причине... Кто местным партизанам сообщил о нашем месте

расположения? Из Москвы. Это к бабке ходить не надо. И сдается, что сообщили не для того, чтобы те «прибрали нас к рукам». А для того, чтобы они всячески помогали нам. Поддерживали нас всеми своими силами. Особенно, если придется идти на штурм колдовской горы. Ведь в Москве прекрасно понимают, что своими силами мы ее возьмем. А брать придется! Как вам мой расклад?»

- Константин, вы хоть еще очень молодой человек, но способности аналитика у вас просматриваются невооруженным глазом, - одобряюще заулыбался Василий Васильевич.

- Ваша школа! – подскочил по стойке «смирно» Костя.

- Лысец! - шутливо отозвался профессор.

- Вопрос: оставил ли кто координаты базирования этого «Советского Мурмана»? Где и как их можно будет найти? Хотя бы для той же связи с ними? – спросил я.

- Конечно, - кивнул батюшка, - я дал и позывные, и частоты рации нашей Машеньки.

- А вот это напрасно! Я бы воздержался выходить с ними на связь. До получения команды из Москвы, - вздохнул Костя.

- Но они тоже получают команды из Москвы, - удивился отец Валерий.

- Москва, отче, бывает разная. Я не поучаю, а напоминаю... Сегодняшние «ходоки» подчиняются партии и правительству. А мы с вами служим в другом ведомстве.

- Ну-у-у, мы с гостями обменялись координатами. А что мне оставалось делать после того, как этот «товарищ», прости, Господи, Аким первым протянул мне список позывных и частот нескольких отрядов? – как бы даже оправдываясь, пожал плечами отец Валерий. И вдруг добавил: «Это вы, Константин, верно заметили: в другом мы ведомстве служим. В Христовом!»

- Ну и ладно. Бог не выдаст, свинья не съест, - махнул рукой Костя.

Батюшка поднялся со своего места. Развернулся к иконе: «Помолимся, братие! И будем завершать наш маленький Собор, все разложивший по своим местам. Слава Тебе, Господи!»

И он первым запел благодарение Богу за всякое Его благодеяние. Мы, конечно же, подхватили. Я уже знал эти короткие молитвы наизусть. Только удивлялся: как это Костя за столь короткое время пребывания в нашем лагере смог запомнить их?! Когда я вышел на воздух, увидел, что Агнюша и Машенька ошипывают десяток жирных глухарей, предварительно окатив их кипятком. А Илия-муромец и Оська с удовольствием, удовлетворенно, покуривая, в числе еще десятка партизан наблюдают за их работой.

- Откуда такая богатая добыча? – спросил Костя, выйдя из штабной землянки вслед за мною.

- Да вот, - осклабился Илия-муромец, - Оська помог детство вспомнить. Давненько я из лука не стрелял. А теперь опять приноровился. И дух захватывает из звона тетивы, и выстрела не слышно. Как-то так! Любо-дорого, командир! А то, зайчатина, поди, надоела?

- У меня, однако, выделанные заячьи шкурки в землянке висят. Скоро досушатся. Машеньке и Агнии Александровне полушубочки добрые пошьем. Меня еще отец учил. Тепленько будет, легонько по хозяйству-то будет бегать! - тоже заулыбался Иосиф. А всем, сидевшим вокруг костра, стало ясно, что молодой саами тайно влюблен в нашу радистку.

- А много ли надо шкурок на полушубок, скажем, для Машеньки? – пряча улыбку в усы, спросил Николай Макарович.

Иосиф наморщил лоб, прикрыл глаза, принялся загибать пальцы сперва на одной, затем на второй руке. Сказал: «Если двухсторонний, мехом наружу и внутрь, то... ой, много. Но ведь не жалко! Зима, однако, скоро. А надобно, чтобы тепленько было. Но у меня хватит. И воротник будет из песка! Припасены у меня, однако, две шкурки.»

- Хозяйственный ты мужик, Оська. Все-то у тебя есть! – тоже заулыбался Костя.

- Саами должен быть хозяйственным! После войны деревянный дом поставлю на берегу моря. Тюленя бить буду, белого медведя. Оленей разведу, – разважничался Иосиф.

- Жених! – засмеялся Никита.

- Жених! – подбоченясь, подтвердил Оська.

- Дожить надо! - подала голос Машенька. Встала и куда-то ушла. А Никита покачал головой: «Эх, сломала песню!»

А мы, остальные, только невесело вздохнули. Агнюша собрал пух и перья от глухарей. Сложила их в мешок. И тоже ушла. Только в свою санитарную землянку. А мы покурили и разошлись. Я отправился отдыхать.

А снилось мне повторение недавних событий. Опять мы «накрывали» колонну вражеского артиллерийского полка камнепадом. Опять Сергуня-малый и Илия-муромец расстреливали метущихся в панике фрицев с двух сторон ущелья. Опять, - во сне, - мы как-то сразу оказались в старом лагере. И опять я увидел, как Агнюша ходит от дерева к дереву, прижимается к ним, гладит и отчетливо говорит: «Словно в родной дом вернулась.»

Поначалу мне стало хорошо, даже радостно за умиротворенную сестренку. Но потом я вскинулся. Проснулся с вопросом, сверлящим мой мозг: «Какой же родной дом? Почему именно здесь – родной дом? Ну, был бы Питер! Это понятно! А здесь, на Кольском полуострове?»

Я поднялся. Умылся из ушата талой водой, которая взбудрила и одновременно успокоила. Вспомнилось поучение кого-то из угодников Божиих: «Не верь снам – они т сбываться не будут.»

Накинув на плечи полушубок, вышел на воздух. Закурил. Благо, с последним самолетом нам с «большой земли» прислали довольно много «Беломора». И теперь все курящие партизаны, что называется, оттягивались «гостинцем». Даже называли папиросы «пшеничными». Однако слова сестрицы все-таки не выходили у меня из головы.

- Это у других сны не сбываются! Не дай Бог! Господи, спаси, сохрани и помилуй сестреночку мою! Едва обретенную! – вслух проговорил я сам для себя. И испугался за Агнюшу...

Хлопнула входная дверь. Я поднялся из-за письменного стола, чтобы помочь Елене раздеться. Она была явно «не в духе»: «Работой завалили по самую макушку! И все подавай им «срочно»! Ты не будешь возражать, если я на весь вечер займу твой нот бук?»

- Ради Бога! То, что мне надо было, я уже написал. Хочешь почитать? Про Маннергейма? – добродушно ответил я.

- Не до этого...

- Всего две страницы!

- Лучше даже не показывай. А то опять примешься хвастаться своими энциклопедическими знаниями. Я начну критиковать написанное тобой, найду ошибки, а ты станешь обижаться. Кстати, ужин готов? Ребенок дома? Тетушки не звонили?

Я сделал вид, что пропустил мимо ушей ее реплику про мое творчество. Тем же тоном ответил: «Ужин я не успел приготовить. Прости уж. Но давай отварим сосиски,

откроем банку зеленого горошка. И с «корейской» морковкой... М-м-м... Никакой горчицы не надо! А может быть, пельменей отварить? И на то, и на другое уйдет не более десяти минут! Ты даже не успеешь переодеться и привести себя в порядок. А ребеночек в своей комнате, как всегда, сидит за компьютером. Игруля! А тетушки, если и звонили, то ему - по «мобильнику». Я не слышал. Да и не слушал. Говорю же: работал.»

- Так что? Он так и не ел ничего весь день? – повысила голос Елена.

- Недавно встал... Естественно, не ел во сне! А я, кстати, в двенадцать лет, когда родители уходили, например, в театр или на концерт, уже и картошку для них жарил, и яичницу на сале с колбасой. Мать хвалила. А картошка получше, чем у нее получалась. Да ты и сама пробовала. Разве плохо я готовлю? И бульон мог сверить с яйцом.

- Расхвастался! Ты мне уже много раз об этом рассказывал., - и она, сняв только сапоги и пальто, прошла в комнату Георгия. Я же услышал: «Егорка, добрый вечер. Сынок, на ужин будут сосиски с зеленым горошком. Правда без салатика. Тебе сколько сосисок варить?»

- Я занят! Не мешай! А сосисок - штук шесть, пожалуй. И без твоего зеленого горошка. Можешь бутерброды с салом и сыром сделать. Я их ночью сожру. Но приготовь только – через час. А сейчас я за-а-анят! Это понятно? – услышался раздраженный голос сына.

«Ну и свинтус! Сосиски или пельмени он и сам бы мог сварить!» - подумал я и пошел на кухню, чтобы приготовить ужин. Сосисок в упаковке как раз оказалось десять штук. По две - нам с Леной. И шесть по «заказу» Георгия. Четыре сварил я пока на нас двоих. Ужин прошел в молчании. Жена сосредоточенно о чем-то думала. Наверное, о работе. А после ужина Елена ушла в нашу комнату и села за нот бук. Но

через час сын появился. Спросил меня: «А мать что? Ушла куда-то? А почему, пожрать не приготовила?»

- Мама работает на нот буке. У нее – срочные документы, - ответил я, сдерживая раздражение.

Георгий развернулся и ушел в нашу с Еленой комнату. С явным недовольством что-то забурчал. Лена ответила, с каждым словом повышая голос: «Сосиски отварит отец. А бутерброды сам сделай. По своему вкусу и усмотрению. И не мешайте, в конце концов, мне, ... вашу мать! У меня – контрольные документы. Завтра утром сдавать!»

А мне вдруг подумалось, что с давних пор в этом доме сложилась привычка видеть родных, мешающими друг другу. И страшно подумать, на самом деле мешающими! И почему вдруг «не мешайте»? Во множественном числе? Ведь я не сказал Елене ни слова! Даже не заходил в комнату.

Я положил сосиски на тарелку, а Георгий, чавкая и рыгая, откусывая сосиски сразу по половинке, за несколько секунд, заглотил их. Смотреть было противно. Воспитаньице! А может быть, он так ведет себя мне назло? Поэтому, после нескольких его «заглотов», я ушел к телевизору в большую комнату. А он, проходя мимо, вместо «спасибо», пробурчал: «Лучше бы я к тете Кате ходил и у нее куриную грудку съел бы.»

«Лучше бы к тете Кате... Она бы набубнила! Несчастный!» - с горечью подумал я. А сын, должно быть, забыв закрыть дверь в свою комнату, сел за компьютер и начал громко с кем-то на другом конце сети переругиваться. Матом! Я тут же вспомнил, что и Елена изредка в раздражении, как, например, сегодня «балует» матерком. И вспомнил, что прошло уже лет двадцать, как сам исключил его из своего лексикона. Да-да! Как только пришел в Церковь. А ведь в армии сам ругался. Мат использовался, как говорили от рядовых до генералов, «для

связки слов». Интересно, а тетки между собой матерятся? А покойные родители Елены матерились? От своего отца я за всю жизнь услышал мат один единственный раз, когда мы с ним едва не разбились на машине. И, увы, стал за собой иной раз замечать гнилое словцо. Заразная вещь!

...Время шло к полуночи, а Лена все работала. Я задремал в кресле перед телевизором. И вдруг, увидел, как на белом фоне двери в комнату сына в воздухе повис «старик-корень». Как же он мог попасть сюда?! Странно! Ведь всюду размещены иконы. Один раз в неделю я все окропляю Крещенской Святой водой. А он «вдохновенно» дирижировал маленькими существами, которые тоже в воздухе кружились перед ним, хороводили, выстраивались в разном порядке, менялись местами. Я пригляделся к ним. И увидел, что это были... буквы. С тонкими ручками и ножками, в нарядных, прозрачных облачениях, но со зверообразными, отвратительными харями. По другому и не скажешь! Они по мановению «старика-корня»... складывались в слова. В слова самой отборной матерщины, которая раздавалась из комнаты Георгия. А меняясь местами, они повторяли ругательства сына. «Старик-корень», зажмурившись, блаженно улыбался. И дирижировал, дирижировал.

А я вдруг вспомнил, что когда-то читал где-то у святых *отцев*: мат, извне занесенный в Россию, суть ни что иное, как имена бесов. Именно их призывают каббалисты при своих камланиях и колдовских опытах. «Для связки слов»! Говорю же: заразная вещь. Я принялся вспоминать разные молитвы. Но проговорил только начало Святого Евангелия от Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова: *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...*

Что тут началось! Буквы-бесы рассыпались в прах! А затем бесследно стали исчезать! «Старик-корень» вытянулся в струйку дыма и втянулся в приоткрытую

форточку. Но все-таки успел пригрозить мне кулаком. А Георгий вдруг через минуту ушел в ванную и долго плескался там под душем.

Я перекрестился и перекрестил сына вслед. Тут же подумал, что «вначале» и «в начале» - совершенно разные понятия. Первое – пустое, так сказать, разговорное. Второе означает начало мироздания. А ведь *слово* имеет несколько значений в переводе с греческого языка. Это – *основа, разум, разумение, значение, доказательство...* И все эти понятия – значимы, добры. Что называется, от Самого Господа!

Я сам удивился вспыхнувшей в моем мозгу мысли, потому как раньше не знал пришедших на ум переводов, значений их этих понятий. Или кто-то незримый подсказал? Слава Тебе, Господи! Вразумил. Надоумил! Но как мне донести это до Лены? До Георгия? Услышат ли они меня? Поймут ли, что мат - очередное извращение Слова Божия. Изуродование его! А на подобные пакости так горазд враг рода человеческого.

Когда жена вошла в комнату, я попытался поделиться в ней своими мыслями. Но она сухо, покачав головой, отрезала: «Мне сейчас не до твоих фантазий. Я вся выжата, как лимон. Постель застелена. Но я попрошу тебя утром приготовить завтрак. Егорку покормил ты, бутерброды он себе на ночь сделал? Ох! И ванную, поросенок, занял! А что у нас по «ящику»? «Клуб знатоков»? Уже заканчивается? Ну, все равно. Хоть отвлекусь немного, развеюсь, досмотрю финал. Пока еще ребенок ванную освободит?! А тебе же не нравится эта передача... Так что, ложись-ка ты спать.»

И она сама плюхнулась в кресло. А я, увы, не без ехидства подумал: «Покормил. Ребеночка... Сиську дал.»

Но поцеловал жену и отправился спать. А ночью не почувствовал даже, как она пришла и тоже легла. Но утром встал бодрым. Заварил овсянку, отварил яйца «в мешочек», сделал по бутерброду с сыром и, как всегда, кофе. Елена же

перед своим уходом на работу даже забыла поцеловать меня. Но я оправдывал ее: не выспалась, волнуется перед сдачей документов начальству.

День промчался со скоростью курьерского поезда: поездка в редакцию, перекус, приготовление ужина и, наконец, работа над романом. А Елена, вернувшись, с порога весело объявила: «Выдали премию. Так я прикупила вам с Егоркой по рубашке и футболке. Попала на распродажу! Представляешь, за безценок! Ведь еще не сезон. Ребеночку купила футболку с драконами. Он о такой давно мечтал. Хочешь посмотреть? У-у, страшилища! Но нарисованы красиво. Сейчас покажу.»

«Еще в аду на них насмотримся!» - подумал я. Вслух же спросил: «А себе что-нибудь купила?»

- Так, две пары трусиков, - махнула она рукой, - и «топчик» на лето. На даче буду носить во время жары, когда комары попрячутся. А что у нас сегодня на ужин? Уже приготовил? Я, кстати, забежала на наш рынок и взяла лаваш. Горяченький еще! Так что насчет ужина? Приготовил?

- Так точно, мон женераль! На ужин будет омлет на сале и с колбасой, салат из свеклы с чесноком и под майонезом. Прикажете подавать? – вытянулся я по стойке «смирно».

- Тогда я только переоденусь и в ванную схожу. А ты пока на стол накрой, - кивнула. И замурлыкала что-то себе под нос. В это время из своей комнаты вышел уже одетый в куртку Георгий. Объявил: «Я сегодня ночевать не приду. Мы с ребятами идем в «Лосинку». Будем в лесу сосиски жарить на костре. И спать к кому-нибудь поеду. Так что рано не ждите.»

И вдруг он обратился ко мне: «У тебя не найдется «штуки»? Как только появятся деньги, я отдам.

Собираемся-то вскладчину. А это – сосисок по десять на рыло! По паре пива.»

«Ни тебе «пожалуйста», ни тебе «отец», а уж тем более «папа», - вздохнул я про себя. Но, поймав умоляющий взгляд Елены, тысячу сыну дал. Однако тут же подумал еще: «Де-э-эньги... А когда же они, то есть деньги, у тебя, дорогой, появятся?»

Но в голове уже долбилась другая предательская мысль: «Значит, когда не нужно от меня ничего, то он внушает Лене, чтобы она гнала меня. А когда понадобятся деньги, просит. Вот оно, подлое теткино воспитаньице! Не так-то просты они!»

И я поневоле вспомнил приспособленчество сына, о котором рассказывала Елена: как еще в пять лет, когда что-то было не по его, он вставал под дверью тогда еще живых бабки и деда и начинал истошно выть. На что те выскакивали и накидывались на Лену.

«Больная семья! Духовно хронически больная. Или это все-таки какое-то родовое проклятие?! Только за что? Или у меня – такая же была больная? Как говорит Костя, надо искать причину в себе!» - свербила новая мысль. Георгий тем временем ушел. А я так и стоял, как истукан, в прихожей. В чувства меня привела жена. Даже подергала за рукав: «Эй! Что ты застыл? С тобой все нормально? Или... тысячу пожалел? Но ты все правильно сделал. Глядишь, вы с Егоркой так и сблизитесь. Ты же об этом мечтал?!»

- Да-да, - только и ответил я. И ушел на кухню заниматься ужином. А Лена все-таки наконец-то отправилась в ванную. Но тут же подумал думал, что она основывает наше с Георгием сближение именно на деньгах. Вот уж, на самом деле, низко и подло, прости, Господи! Даже, кажется, проговорил мысль вслух. И сам испугался своих слов.

- Женщина! Они все меркантильны! Начиная с Евы. Сладко вспомнить, с какой жадностью она тянулась за запретным яблочком. Но у нас есть и другие такие же фрукты. Весьма разнообразные на вкус, цвет и свое назначение, – захихикал кто-то за левым плечом. И тут же хриплым голосом пропел из популярного шлягера: «Пора, пора, пора мне с этого двора...»

При этом добавил: «Только пора с этого двора тебе! А то мы такой фонтан устроим!»

Я обернулся. За спиной никого не было. В ванной под журчание душа что-то напевала Елена. И я понял: атака «старика-корня» началась нешуточная. Но вот, выдержит ли Елена его помойный фонтан?!

И тут я, наконец, понял, что эти буковки, составляющие гнилую ругань Георгия и несчастый матерок жены, открыли двери нашего дома для «старика-корня» и, должно быть, многих его прислужников. На меня как будто выплеснули ведро ледяной воды.

Но в это время Елена вышла из ванной. Плотноядно облизнулась: «Ну-ка, что у нас тут? Я так проголодалась из-за сегодняшней нервотрепки, что, кажется, весь холодильник опустошила бы. А давай, по рюмочке «Русского Стандарта» выпьем? Как говорится, с устатку?! Принеси, пожалуйста, из бара. Там есть початая бутылка.»

Что мы и сделали. Блаженное настроение жены передалось и мне. Поэтому я опять решил не заводить разговор о нечистой силе, увиденной мною. А Елена ворковала: «Кстати, ближе к вечеру сегодня посмотрела список экскурсий «Магазина Путешествий». Там есть места, куда мы смогли бы с тобой поехать. Дня на два. Даже на три. После сегодняшних документов начальник службы сказал, что наш отдел заслужил по отгулу. Список я скинула на «флэшку». Можешь завтра посмотреть. Выбери. Через недельку или две съездим куда-нибудь. У тебя же в «Русском

Вестнике» ничего не запланировано? А сейчас помой, пожалуйста, посуду. Я так устала. Пойду подремлю перед «ящиком». Но завтра все-таки до вечера реши про путешествия. Встретимся после моей работы и сразу купим путевки. Как ты на это смотришь?»

- Иди к своему «ящику», - улыбаясь, согласно кивнул я. А сам принялся за посуду. Но ее было совсем немного, поэтому я быстро управился. Зашел в большую комнату. Там перед «ящиком» сидела Елена и, на самом деле, спала. Да так сладко, что даже слюнку пустила А на экране в «Свинарке и пастухе» выкаблучивался Крючков. Я поневоле подумал, что во времена съемок фильма сотни тысяч лучших людей России строили Беломорканал, Днепрогэс, валили лес, да много еще чего! Погибали... А Елена с умилением смотрит эти богомерзкие, якобы оптимистичные, лживые «агитки». Я даже знал, что она скажет на эти мои слова. «Забей!» Или «больше позитива»!

Я прикрыл жену пледом и опять, прикрыв за собой дверь, вышел кухню. Позвонил Игорю, чтобы проверить свои догадки по поводу материны. Он сразу взял трубку. Несколько посетовал на то, что давно не звоню. Словно прочитав мои мысли, сначала спросил: «Ну как поживает твой «старик-корень» и главный герой?»

Я поделился своими размышлениями. Он в ответ даже закричал: «Немедленно иди, садись за компьютер и записывай! Не поучения, конечно! А в художественно форме. Например, как беседу двух или нескольких твоих героев. Иди-иди, пиши. Ты даже не представляешь, что пишешь! Роман, скажу я, у тебя получается эпохальный. В том смысле, что охватывает несколько эпох. Вот только скажи: что тебя натолкнуло на эти мысли? Или кто?»

Я ответил: «Горько говорить об этом, но признаюсь: натолкнул меня мой сын. Представляешь, сидит за компьютером и матерится «по-черному». Человеческая речь

у него служит «для связки слов». Вот я и увидел «старика-корня»... Ладно. Пока не написал, подробности рассказывать не буду. Могу завтра позвонить и прочитать написанное.»

- Обязательно, обязательно позвони! И прочитай! – Игорь помолчал несколько секунд. И вдруг выпалил: «А знаешь ли что?.. Я ведь сейчас подвизаюсь на «Народном радио». Веду передачи о Русской литературе. А ты издал первую книгу. И какая разница, в электронном виде или в книжно-журнальном варианте! Давай-ка сделаем с тобой беседу! Пусть тебе она будет духовной поддержкой. Пусть вдохновляет тебя на написание продолжения. Сына твоего жалко! Не ведает парень, что творит. И сам погибает, и на тебя насылает бесовские нападения. Ведь, как ты утверждаешь, вместе с матерщиной «старик-корень» проник в ваш дом! А он явно заодно с тетками. И что им не живется в мире, спокойствии любви?! Я знаю: так бывает у ведьм! Ну, все! Иди, пиши.»

Что я и сделал. А когда написал, прошел в большую комнату, чтобы перенести Лену в нашу постель. Но она, оказывается, уже постелили там и теперь сладко почивала.

«Худо дело, когда супруги, - венчанные! – порознь спят. Порознь молятся, - с горечью подумал я. И дело здесь не в интимной близости, хотя мы и не так стары, а в потере какого-то духовного и душевного единения. Венчанности! В том числе, и в молитве. Я вздохнул и сам отправился спать. Но из головы у меня даже в моем неглубоком, хрупком сне не выходило наше с Еленой, казалось, неотвратимое отдаление друг от друга.

...Утром, после завтрака, проводив жену на работу, я опять позвонил Игорю. Прочитал несколько абзацев, написанных накануне. Он в ответ задумчиво проговорил: «Многие писали об этом. Писали либо поучительно, либо кондовым казенным, псевдонаучным языком. Но не так,

как ты. Художественно, мистически! Да-да! Мистически, но жизненно правдиво. Как правдиво описаны бесовские нападения на тех же преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского. Или даже на не причисленного к лику святых Мотовилова. По-моему, его звали Николаем Александровичем. А сколько других святых, и русских, и зарубежных, подвергались бесовским нападениям?! Но это была не художественная литература, а житийная. Еще раз говорю тебе, дорогой мой брат, что ты пишешь многотомный эпохальный роман! Не веди его героев за собой, а сам иди за ними. А Господь выведет тебя туда, куда надо Ему. Ты ведь не лжешь, описывая события. Даже исторические. Потому что сам участвовал в них. В лице твоих предков. А сейчас срабатывает твоя генетическая память! Написанное тобой невозможно придумать. И это дорогого стоит! Но вернемся к нашим баранам. Сегодня я буду на радио. Потолкую с главным редактором. И попрошу его выпустить тебя в эфир при первом же случае. Но, увы, самое раннее – через месяц. Авторы передач уже расписаны... А что Лена говорит на все эти духовные твои изыскания? Ведь, если мне не изменяет память, написаны уже четыре книги!»

- Ничего не говорит. Она их не читала и не читает. Правда выделила из семейного бюджета тридцать тысяч на издание первой книги в электронном варианте. Оправдываясь, сказала, что не читает моих книг потому что, мол, не хочет обижать меня своими замечаниями, указаниями на ошибки, неправильные с ее точки зрения обороты, другие недочеты. Ну и ладно! - вспоминая ночные мысли, скорбно вздохнул я.

- Да моя Маша при достатке Лены уже полное собрание моих сочинений издала бы! Странно как-то! Написаны четыре книги! А жена, самый близкий человек, так и не прочитала ни одной. Постой-постой! А твои статьи,

опубликованные в «Русском Вестнике» она тоже не читает? Не-е-ет? Ну-у-у, я тогда не знаю! У меня Маша даже черновики читает. И порой очень дельные советы дает! Многие стихотворения наизусть знает. И даже со сцены не раз читала в том же Центре Славянской письменности и культуры, или на моих выступлениях, на разных монархических собраниях. Даже на митингах! Более, чем странно. А ведь ты, помнится, так ее нахваливал, когда вы сошлись. Ну всё, брат... Мне надо собираться. Вечером перезвони. И помни: это бесы мстят тебе за то, что ты пишешь! Они боятся твоего слова! И пытаются помешать тебе всеми возможными способами! Через всех людей, подвластных им! Храни тебя Господь! – и в трубке раздались короткие гудки.

Но последние слова Игоря все-таки разбередили душу. И я подумал, что поведение Лены по поводу моего творчества, на самом деле, странно и необъяснимо. Ведь даже Анята, ее лучшая подруга, заинтересовалась романом. Даже она назвала его «новым словом» в Русской художественной литературе. А уж она-то понимает, как понимает профессионал!

Я принялся оправдывать, было, Лену тем, что на ней – работа, все хозяйство: стирка, готовка, наведение порядка. Но вдруг остановился! Я ведь тоже готовлю и завтраки, и ужины! А стирает машина! По продуктовым магазинам и на рынки хожу и езжу тоже я. И тоже работаю! Но по-другому! И не на сиюминутную прихоть таможенного начальства! Я у Бога выпросил свой Крест и несу его с благодарностью. Стало быть, она просто не понимает! Почему-то именно сейчас, когда я написал больше половины романа, перестала понимать меня. А ведь раньше-то как понимала! Конечно, идет просто зверское влияние теток. Но как же, как избавиться от него?

В настроении, похожем на отчаяние, я быстро оделся. Спустился в магазин, примыкавший к дому. Купил фляжку коньяку. И, едва зайдя в подъезд, ополовинил ее. Опять вышел во двор. Сел на лавочку закурил. И... почувствовал какое-то облегчение.

Я занес остатки коньяка домой. Взял спортивную сумку. И отправился по магазинам. Решил на выходные «накрутить» печеночный паштет, сварить куриные грудки, сделать оливье и салат из редьки, морковки и яблока, заправив сметаной. Этим я пытался изгнать дурные мысли, долбившие мою бедную головушку уже вторые сутки. А почему собственно «вторые»? И я вспомнил, что давненько с редкими, короткими перерывами, как будто кто-то искусственно вдалбливает недобрые размышления.

Понятно, кто... Но вопреки этому диктату я прошелся по магазинам, съездил на рынок. Вернулся домой. И под остатки коньяка принялся готовить задуманные яства. Это отвлекло от мрачных мыслей. А когда на часах было три по полудни, позвонила Лена и напомнила, что мы сегодня должны побывать в «Магазине Путешествий» На Кузнецком мосту. Что без четверти пять она будет ждать на «Комсомольской». А у меня в моей «кулинарии» как раз оставалось сделать самую малость.

И скоро мы заполняли бланки путевок на трехдневную экскурсию в Торжок и еще два других места. Названия их не успел прочитать. Девушка, оформлявшая документы, улыбнулась Елене: «А я вас запомнила. Что-то вы второй раз в Тверскую губернию едете. Наверное, родом оттуда?»

За жену ответил я: «Мои предки родом оттуда. Про речку Медведица, наверное, слышали? Так вот, до седых волос дожил, а не знаю мест, называемых «малой родиной». Наверстываю!»

- Счастливого вам путешествия. Кстати, месяца через полтора открывается навигация не Селигере. Я очень рекомендую побывать в Ниловой Пустыни. Я была там в прошлом году с подругой. До сих пор не могу забыть. Во время летнего сезона там не протолкнуться. Монастырь окружили элитные дачи. А весной или осенью – тишина, красота! Ни суеты. Ни толкотни. Можно сосредоточиться. Подумать. Помолиться. Очень рекомендую!»

Мы поблагодарили, получили путевки и отправились домой. Лена всю дорогу щебетала. Гадала, что бы приготовить на ужин. Я, снисходительно улыбаясь, смотрел на нее.

- Что-то не так в моем туалете? – принялась она осторожно оглядывать себя от сапог до капюшона пальто.

- Всё – так! Только не ломай себе голову! Ужин уже готов. А печеночный паштет я накрутил на несколько дней. Оливье тоже – тазик! Салатик из редьки с морковкой и яблоком! Язык проглотишь! – ответил я.

- И расхвастался опять! – покачала жена головой. А мне стало обидно: «Почему расхвастался?! Просто постарался утешить тебя. Заодно доложил о завершении рабочего дня. А вот похвастаюсь тем, что через месяц я на «Народном радио» выступаю. Буду рассказывать о своем романе.»

- Послушаем... Только опять же не хвастайся! - ответила Лена.

- Я и не хвастаюсь. Просто опять же хотел, чтобы ты порадовалась за меня и вместе со мною...

- Радуюсь-радуюсь, - и она тут же принялась рассуждать о предстоящих домашних делах.

«Даже не поблагодарила, не похвалила, мол, «какой ты у меня молодец»! Да! Женой писателя, как и женой офицера, да и просто *женой* нужно родиться», - с грустью подумал я. И до самого дома помалкивал. А вечером

позвонил Игорь. Объявил дату моего выступления на Народном радио. Но я не стал называть ее Елене. Все равно – через месяц. И еще я подумал, что не привыкли в этой семье просто радоваться и просто любить. Каждый – сам по себе! Ребенок – балбес, Василий Андреевич, - Царствие ему Небесное, - старый дурак, дядя Боря – «безрукий», Лена – «нагуляла», даже соседка у них, - с издевкой! – «королевична!» Зато, старшие женщины – всему головы! Прости, Господи! Вот и получают от Георгия грубость, даже откровенное хамство. Что загодя заслужили сюсюканьем с ним, с мальчишкой. С будущим мужчиной! А заповеди Божии где? С кем из них? «Война! Идет Гражданская война» - где-то из окон ближайшего дома раздался голос Игоря Талькова.

- Ты что это приуныл? – вдруг весело спросила Лена, когда мы уже вышли из трамвая.

- Так, ничего... Просто задумался, - ответил я. Но вдруг, даже не отдавая себе отчета, спросил: «Как ты относишься к творчеству Игоря Талькова? К его гражданским песням?»

Лена, даже поморщившись, махнула рукой: «Эстрада! Как говорится, нашел свою «нишу» в гражданских, как ты называешь, песнях... А так, в жизни, я слышала, - пьянь. Богема! Не серьезно!»

- А что, «лыжи из печки торчат», «с дырочкой в правом боку» и «комсомольской богиней» за левым плечом у твоих «походников, - серьезно? – вдруг даже вспыхнул я.

- Далась тебе эти лыжи! Вместе с дырочкой! И комсомольской богиней! Зато, это позитив! В жизни итак много негатива. От него так хочется иногда отдохнуть! Вот, «мои походники» и отдыхают. И я вместе с ними. Хотелось, чтобы и ты с нами отдыхал так. А серьезным я считаю, например, хоровое пение. Не будешь же ты отрицать, что это – классика. Ты ее, по-моему, тоже любишь? Под любым

соусом! И вообще, я устала после работы. Так что, не начинай, пожалуйста. А то поссоримся!

После ужина мы вдвоем весь вечер смотрели «Место встречи изменить нельзя». Все серии подряд! А что? Нравится мне этот фильм. Одно только смущает. Действие происходит сразу после войны. Москва оживает. А где-нибудь под Котласом бывшие партизаны, подпольщики, узники гитлеровских концлагерей, и им подобные проходят «филтрацию» на лесоповалах. Голодают, холодают, гибнут. Порой бывшие герои! А настоящие тайные предатели жируют! К героям фильма, конечно, это не относится. Но чуть заикнись я, Лена определила бы мои мысли, как «негатив».

...Утром, сразу после завтрака она взялась кухарить. Варила мясо для борща, чистила и резала овощи. Я предложил: «А не лучше ли сварить куриную лапшу и, на второе, пельмени? Зато время бы осталось на то, чтобы сходить в лес или в «Сокольники».

Она помотала головой: «В нашей семье мама, - еще живая, - установила порядок: мясо подается только в одном блюде. Если оно, к примеру, варится в борще, то на второе готовятся те же манные котлеты, которые заливаются киселем или сладкие блинчики, или запеканка с изюмом и со сметаной. Не хочу нарушать традицию. Хорошую и полезную. Кстати, ты вот все солишь, перчишь. А ведь это вредно! Мама вообще соль не употребляла. А в лес мы можем сходить и завтра утром.»

- По воскресеньям нормальные люди в храм Божий ходят. Потом обедают. Потом отдыхают. Мы, кстати, давненько не были в церкви.

- В церковь? Ой, я не встану!..

- Почему? Поздняя Божественная Литургия начинается в десять часов утра. Перед ней читаются «Часы». Таким образом, у нас есть еще минут пятнадцать в

запас прибавляются. Неужели тебе не хватит времени, чтобы собраться? На работу ты за час управляешься.

- Так то – работа!

- А она важнее церковной службы?

- Кормят нас не церковные службы. Во-о-он, и тетя Катя, и тетя Аня говорят, что...

- Ты же сама просила не упоминать их! Или для тебя они авторитетнее Бога? Сами-то когда в последний раз переступали порог храма? Когда причащались Святых Таин?

- Не начинай! Или в таком ругливом настроении ты собираешься идти в церковь?

- Не я начал, а ты!

- Ну, да! Я у себя дома уже не могу вспомнить вслух своих родных тетушек? А кого еще нельзя вспоминать? Что еще прикажете, князь? Или еще какой там титул у тебя?

Я, молча, ушел курить на балкон. Но ведь на самом деле, не я первым упомянул теток. «В ругливом настроении!» Еще ведь и поучает! А сама-то чьи поучения слушает? Это плохо, что я начал мысленно спорить с женой, мысленно ей, в ее же отсутствие, что-то доказывать!

И вдруг я увидел «старика-корня». Он как всегда висел в воздухе на уровне нашего балкона. И как бы спорил сам с собою. То поворачивался ко мне одним боком. По-женски пылко размахивал руками. Вытягивал вперед шею. Тут же крутил головой, как бы не соглашаясь с незримым собеседником. Но через мгновение поворачивался ко мне другим боком. Теперь движения его становились более грубыми, резкими. Но и более сдержанными. Я бы сказал, он изображал спорящего мужчину.

Вдруг он остановился. Посмотрел на меня. И, кривя корявый свой рот, тыча пальцем в мою сторону, захохотал. И тут меня осенило! Я понял, что спорили мы с Еленой по его указке! А сейчас, перекуривая на балконе, я мысленно

спорил не с женой! Я доказывал свою правоту не ей, а ему. Бесу! Так вот, где основа всех семейных ссор, разводов, даже преступлений! Ежели, конечно, нет реальных причин для этого. Вроде супружеской измены – прелюбодеяния.

Я вспомнил, что при Самодержавном укладе мужчина мог «отпустить» жену в трех случаях. Прелюбодеяние. Неизлечимое лишение рассудка. Участие в заговоре против Царя. Тогда венец считался сломанным. И венчанный брак расторгался. Но самое занятное заключалось в том, что при этом женщина теряла всякие права на детей! Лишалась материнства! Мужчина же подвергался такой каре только в третьем случае.

А сейчас? Вот женщины и возомнили о себе... «Эмансипэ»!

Я вернулся на кухню. Сказал Елене: «Что-то мы оба не на шутку разошлись! А ведь это – воздействие лукавого. Пойдем-ка в комнату, помолимся! Попросим Господа умирить наши сердца!»

Лена виновато кивнула. И мы ушли молиться. На душе как-то сразу стало легко и покойно.

А на следующий день Елена встала раньше обычного. Быстро привела себя в порядок. Сварила кофе. Мне хотелось сказать ей, что нормальные православные христиане перед службой не едят и не пьют, но я, честно говоря, пожалел ее, хотя и подумал, что это грех *человекоугодия*. И на службе опять пожалел. Она стояла такая растерянная. Казалось, что не знает как встать и куда. Не находила места рукам.

Я купил свечи и пояснил, перед какими иконами их поставить. Она осмелела и принялась шепотом спрашивать. А я постепенно понимал, что жена, как и ее тетки, подруги, – тоже редкий гость церкви. Лена несколько утихомирилась. Стояла, прикрыв глаза. Но я вдруг вспомнил другой взгляд. Искренний, доверчивый, почти детский. Именно так

смотрел на священника при последней, предсмертной исповеди ее отец. Так, может быть, он на самом деле молится за нас сейчас в Царствии Небесном? Дай-то Бог! А когда в очередной раз настоятель храма возгласил *Господу помолимся*, а хор ответил *Господи, помилуй*, я шепнул: «Перечисляй имена близких людей.»

Лена зашевелила губами. Потом я попросил: «Повторяй за хором. Ты же умеешь петь!»

- Я не понимаю!.. Ни слова батюшки, ни пение хора, - даже с каким-то отчаянием прошептала жена.

- Если будешь почаще ходить сюда, начнешь понимать, - попытался успокоить я ее. Но она поджала губы, как говорят, опустила очи долу, и так простояла остальное время. Какая-то отрешенная, если не сказать «равнодушная». Поэтому я снова *счеловекоугодничал*: предложил ей уйти сразу после пения *Отче наш*. А может быть, нужно было сделать наоборот, то есть отстоять Божественную Литургию до ее завершения? Но Лена вдруг суетливо заторопилась: «Да-да... Пойдем-пойдем. И поскорее!»

К остановке трамвая она шла, низко опустив голову и о чем-то сосредоточенно думая.

- А вы разве в своем хоре не поете ничего церковного? Разумею Православные песнопения Русских духовных композиторов, - спросил я, чтобы как-то «разрядить» гнетущее нас обоих состояние.

- Почему же. Поем и *Символ Веры*, и *Отче наш* и произведения Рахманинова... Да и других композиторов. Но это же не священнические молитвы. Это авторские музыкальные сочинения, - сухо ответила она. И вдруг почти по слогам проговорила: «Поспешили мы с тобой зарегистрироваться и обвенчаться. Тебе надо было искать жену среди православных, по-настоящему верующих женщин. Таких, как Наташа у Кости или Маша у Игоря.

Или кто там еще в друзьях у тебя ходит? Они бы тебе в рот смотрели. Ноги бы мыли и воду бы пили. А мы – разные люди. Бог все равно нас разведет.»

- Что ты говоришь?! Я ведь люблю тебя, - даже остановился я.

- Пойдем скорее. Дел по дому много. А потом мы хотели еще в лес сходить прогуляться, - совсем другим тоном сказала Лена.

Я помог ей сесть в трамвай. И там она что-то начала увлеченно рассказывать. Даже смеялась. А когда на меня вдруг напала зевота, оглядываясь, прикрывала мне рот ладошкой.

...В течение недели воскресное недоразумение подзабылось. И, казалось, сошло «на нет», когда мы сели в экскурсионный «Икарус», уходящий в Торжок. Экскурсовод, представившийся Августиной Ильиничной, первым делом раздала всем рекламные складеньки с фотографиями достопримечательностей города и пояснила: «Не дай Бог, кто-нибудь потеряется! Но уж если такое случилось, вы найдете наш автобус по адресу улица Луначарского, дом двадцать один. Там расположен Этнографический центр, который мы, конечно же, посетим. Каждый местный житель покажет. В программу нашей экскурсии так же входит посещение Музея Александра Сергеевича Пушкина, Новоторжского Бориса-Глебского мужского монастыря, Воскресенского женского монастыря, Выставочного зала при училище художественного золотного шитья, памятника талантливому архитектору Львову, Путевого дворца, ротонды, Каменного и Петровского мостов, деревянной Старовознесенской церкви и некоторых других достопримечательностей древнего нашего города, основанного еще в девятом-десятом веках. Название свое Торжок получил от словосочетания «новый торг». В тринадцатом веке город две недели держал оборону от

полчищ Батыя. Потом героически пал. Однако возродился, словно Феникс из пепла. Удобное расположение Торжка на берегах реки Тверцы, как южного пограничья Новгородской республики, привлекали не только иноземных захватчиков, - к примеру, литовцев, - но и своих доморожденных московских, тверских князей и некоторых других. Поэтому уже в пятнадцатом столетии Торжок был укреплен каменными стенами с башнями и бойницами. А также другими укреплениями...»

Монотонный голос нашей экскурсоводши усыплял меня. Память тоже дремала. Тогда я понял: никогда и никто из моих предков не бывал ни в Торжке, ни в его окрестностях. Сердце не ёкало. И я, если честно, я даже немного пожалел, что поехал. А может быть, скорбные события последних дней, что называется, притупили интерес к предстоящей поездке.

Сквозь сон я почувствовал, как Елена укрыла меня курткой, подоткнула ее под меня. Знала ведь, что во сне я сильнее зябну. И вообще, она очень менялась, когда мы выезжали куда-нибудь. А я даже во сне легко находил причины этим благоприятным изменениям. Во-первых, Лена ходила по святым местам, где всюду мы вместе, - вместе! – ставили свечи и молились перед святыми образами самых разных угодников Божиих и, в первую очередь, Божией Матери. А это дорогого стоит! Во-вторых, мы с женой на короткое время сближались. Были одиночувственны и единокоренны. Наконец, тетки не знавшие нашего местонахождения, никак не могли мистически подействовать на нас. А «старик-корень», как всегда, подлейшим образом, избрал для своих козней Георгия, самое «слабое звено» в нашей семейной от него обороне. Должно быть, откладывал наши с женой отношения «на десерт».

Вот и сейчас Елена погладила меня по щеке, сообщая тем самым, что мы уже приехали. Ну и храпанул же я! Не

меньше двух часов! Все экскурсанты вышли из автобуса. Разминали затекшие ноги. Поводили плечами. А я залюбовался округой. Ах, какой же здесь, в Торжке, был первозданный снег! Куда московскому до природной чистоты местного?!

Ах, как же хорошо Костя всего за месяц оборудовал наш наблюдательный пункт. В двух местах для отдыха выкопал траншейки, которые накрыл плоскими небольшими камнями, уложенными в виде рыбьей чешуи. При необходимости их легко можно было снять. В каждой траншейке разводился длинный и широкий костерок, от которого вели поддувальный и выходной дымоходы. Тоже из плоских камней. Разные по высоте своего расположения. Выходной дымоход уходил в густой кустарник и накрывался мокрой сосновой корой, которой было здесь в излишке. И первое, и второе служило для незаметности дыма. Костерок подогревал камни. А постеленная на них густая хвоя была не хуже перины. Отдыхающий наблюдатель ложился на нее, словно на печь. И даже заполярные морозы теперь были нам не страшны.

- Такой лежак каждый подросток на Урале может сделать! А если широкий костер развести на «лбу», - разумею скалистые большие валуны, - прогреть камень, а потом отгрести угли, то на такой печи даже в ноябре в одних трусах спать можно! Этому меня еще дед учил... Царствие ему Небесное, - пояснял он свое произведение выживания. И несмело перекрестился.

Мы с Василием Васильевичем низко опустили головы, чтобы таким образом не смутить Костю своими улыбками. А он повел плечами, потянулся. И первым испробовал свое ложе. Тем более, что была его очередь отдыхать на своей «печке». А я полез на сосну. Но не без

опаски, потому как поднялся ветер, и дерево, скрипя, не на шутку раскачивалось.

- Подстрахуйтесь, Александр, привяжитесь к стволу, - крикнул мне снизу профессор.

Я, смеясь, отмахнулся. Мол, пилоты падают только сбитые! И то – только с парашютом! Однако, через несколько минут понял, что, если не привяжусь, то могу, на самом деле, полететь с сосны. Без смеха! И без парашюта! Однако, едва-едва успел я последовать совету Василия Васильевича, а то собирали бы меня под деревом по частям.

Когда же пришла очередь профессора лезть на дерево, Костя принялся собирать нечто вроде потайного очага. Тоже подземного, с удаленным дымоходом. Я хотел, было подбросить дровишек под свою «постель». Но в них не оказалось надобности: плоские камни-чешуйки под лапником были еще довольно горячи. На них можно было даже чай разогревать! И я с удовольствием растянулся на своем ложе. Но мне отдохнуть не пришлось. Василий Васильевич, прилипнув к окулярам бинокля, объявил, что около двух главных входов в пещеры горы началось «интенсивное движение». И Костя, и я мгновенно «взлетели» на сосну и оседлали по толстому суку дерева.

Тем временем фрицы включили множество прожекторов. Одни из них были направлены на колодец, к которому подогнали платформу с очередным дисколетом. Другие лихорадочно, как бы играючи, шарили своими лучами по окрестностям. Но достать до нас у гитлеровцев возможности, да и необходимости совсем не было. Зато через свои бинокли мы довольно отчетливо видели все, что творилось около бесовской горы.

Ветер рвал брезент на летательном аппарате. Генералы даже в своих шинелях на меху втягивали в них головы и кутались в воротники. Жались друг ко другу. Я представил, каково сейчас младшим офицерам и часовым

фельдфебелям, стоявшим на господствующих высотах. И бр-р-р... Не позавидовал бы им! Нас-то хоть немного защищал лес. А фрицев ветер едва не сбивал с ног! И я подумал: «Какие уж тут полеты? Какие испытания?!»

Гитлеровцы, словно прочитали мои мысли. Генералы вдруг развернулись и поспешили к «парадному» входу в пещеру. А платформу с дисколетом отогнали в ангарный вход. Прожектора, в большинстве своем, погасили, оставив только так называемое «дежурное освещение».

Тогда и мы все трое спустились с дерева. Наблюдение стало бесполезным и даже бессмысленным. Большая часть часовых фрицев сбились в кучу за дежурными мотоциклами и попивали, как я понял, парящий на холоде кофе. Василий Васильевич облизал обветренные губы и мечтательно прикрыл глаза: «А вы помните, друзья мои, «китайский домик» Мясницкой улице в Москве? Сейчас она называется по-другому. Носит фамилию Кирова. Так вот, моя супруга покупала там всегда кофе в зернах. Причем еще в зеленых зернах. Сама обжаривала их на специальной сковородочке. Была у нас такая в арсенале посуды. Потом супруга еще теплые зерна молола. И варила в двух «турочках». Причем варила на медленном огне, тоже в специальном железном ящичке, постоянно передвигая «турочки» в песке... М-м-м!»

- Так что же, жена ваша нарочно ездила в этот магазин? – спросил с иронией Костя.

- Мы там жили. Не так далеко от «Китайского домика». В доме ученых. Лёля, моя супруга, сама имела обыкновение ходить по магазинам. Но кофе покупала очень понемногу. Он же гигроскопичен! Быстро втягивает посторонние запахи! – как аксиому, не требующую доказательств, даже слегка скривив губы, проговорил профессор.

- Так что? Ваша жена не работала? – спросил я.

- Лёля была очень талантливой девушкой. Мы с ней вместе учились. Но когда женились, она вдруг объявила, что бросает работу и станет обеспечивать мою научную деятельность ведением хозяйства. Сказала, что будет служить науке, служа мне. Так оно в нашей семье и повелось. Только, знаете ли, в моих научных разработках есть и ее заслуга! И не только в образцовом ведении хозяйства! Лёлочка подсказала мне немало научных идей! Даже одно открытие! – гордо вскинул подбородок Василий Васильевич.

- А она – тоже верующая? - спросил Костя.

- А как же?! Главным условием нашего брака она назвала Святое Венчание! Тогда Лёля не знала, что дедушка мой был священником. И воспитал меня в Православии, - как само собой разумеющееся утвердил профессор. Даже пожал плечами. Но тут же заулыбался, должно быть вспоминая: «Ах, как же она обрадовалась, когда я ей признался в своем вероисповедничестве. Помню стояли мы тогда в беседке, в Сокольниках... Так она, узнав, счастливо закружилась, словно в вальсе. Потом мы бросались друг во друга сухими облетевшими листьями. Потом, счастливые, вышагивали, взявшись за руки.

- А как же вы, учась и работая в таких институтах, скрывали свою веру? Ведь в комсомол-то наверняка вступали? В партию? А особый отдел? – теперь пожал плечами Костя.

- В партии я не был. Удалось от нее увильнуть. А с комсомолом? Схитрили мы. Это долгая история. Ведь в институте Лёле самой первой предложили вступить в комсомол. Как же?! Единственная девушка на секретном курсе! Ведь Владимир Ильич обещал, что научит править страной каждую кухарку! Но не получалось этого у новых властителей! А тут – умная, привлекательная, грамотная девушка! Как не исполнить завет «Ильича»? Как не

выпендриться перед другими? Однако, оказывается, у Лёли, в Подмоскowie, на какой-то даче жил духовник. Мы уже решили пожениться. Еще на первом курсе. Так что, батюшка, окормляя нас с Лёлей, и поучал: что, когда, где и как говорить, делать. Лёля и расплакалась в парткоме: мол, беременна! Парторг и декан сразу отменили свое решение: мол, толку от такой не будет. Батюшка же тайно венчал нас в домово́й церкви на той же даче. Полагаю, что по его молитвам меня и в разведку пригласили, а не отправили, как всех моих, более, нежели я, талантливых коллег, на лесоповал в мордовские лагеря.

- А на самом деле, у вас с женой дети есть? – спросил я.

- Сын учится в восьмом классе. Прилежный мальчик. Но уже дежурит ночами на крышах. Разумеется с кем-нибудь из старших. Тушит «зажигалки» А дочка Машенька – еще совсем малышка, первоклассница! Чудо, а не девочка! – опять, должно быть, вспоминая близких, вздохнул Василий Васильевич. Потом пояснил: «У нас довольно долго не было детей. Леля вымолила у святителя Феофана Затворника. Вместе с батюшкой ездили. А я как раз тогда из Германии вернулся. И вот тебе, пожалуйста! Через десять месяцев после моего возвращения Ванюшка родился!»

- Да-а-а, - протянул Костя, - в другое время, в другом месте не поверил бы в то, что жизнь может быть такой настоящей, такой живой, что ли. И вот все думаю, как мою женку к Богу привести. Она у меня-то – комсорг разведшколы, «ворошиловский стрелок», «осоавиахимовка».

- Бог подскажет, - вздохнул профессор. Мы с Костей закурили. Помолчали, думая, должно быть, каждый о своем. Я например не уставал удивляться: «Прав отец Валерий! Ой, как прав! Ведь оказывается, все годы со времен революции Россия-матушка продолжает жить по

православным законам. И никакие «троцкие-ленины-дзержинские-свердловы» никакими карательными мерами не способны были лишить ее этой сокровенности!»

Константин принялся доделывать потаенный очаг. А я в свою подошедшую очередь полез на дерево. Но ветер буйствовал, и у фрицев не наблюдалось никакого движения. А скоро и наша смена во главе с Максимом подошла. Партизаны полюбовались на доделанные лежбища, на подземный очаг, который можно было уже использовать всюю.

- Жаль, что чаек не захватили! – посетовал Кирилл.

- А вы, ребятки, морошку мерзлую, голубику, рябину наполовину с их же листом заварите. Знатный чаек получится. А главное - целебный - посоветовал профессор.

- Только смотрите! С дровами не переборщите. А лучше, если угольки вообще тлеть будут. От них - жара больше. И угарный газ по дымоходу вытягивается. По смене эти «инструкции по эксплуатации» передадите. Смотрите за горой «в оба»! Только навряд ли фрицы при таком ветре испытывать что-то решатся, - наставлял Костя сменщиков.

Пожелав хлопцам Ангелов-Хранителей и Покрова Божией Матери, мы отправились в лагерь. Костя шел впереди, за ним – Василий Васильевич, я замыкал наше шествие. Шли, молча, торопко, мечтая поскорее оказаться в тепле. Да и в животах уже урчало. В такую холодрыгу любой здоровый организм требует дополнительного горячего питания. Интересно, чем порадует нас сегодня Агнюша? Какими разносолами?

Вдруг Костя остановился. Предупреждающе поднял руку. Присел. Ладонью показал влево, в сторону недалекой каменной гряды. И сам, пригибаясь, соскользнул с нашей партизанской тропы, незаметной для других. Хорошо, что пошел крупный снег. От него вся округа как бы осветилась. Поэтому из-за хаотично наваленных камней мы увидели

несколько человек. Они, сбросив явно тяжелую поклажу с плеч, сидели, лежали прямо на земле. Кто-то перекуривал «в рукав». Я пересчитал их. Всего тринадцать. И все одеты в «советские» утепленные десантные «комбезы». Группа явно отдыхала. Но трое оставались стоять, сдвинув головы над картой и неслышно переговариваясь.

Мы, по беззвучной команде Кости, совсем отползли за камни, и, пригибаясь, побежали в сторону лагеря. Там сообщили о появлении «гостей». И тотчас человек тридцать, возглавляемые самим батюшкой бегом отправились к месту привала незнакомцев. Они еще были на нашей тропе. Мы, хоронясь за деревьями, незаметно окружили их. Юрок, ближе всех нас подошедший к ним, подал голос: «Здорово ночевали, земляки?»

А ему вдруг ответил... женский голос: «А ты сначала покажись! Что ж с невидимкой толковать?»

- Ага! Я покажусь, а ты полоснешь из автомата.

- Не полосну. Похоже, что мы именно вас ищем. Командир с вами? Мне нужно шепнуть ему пароль.

- Хорошо. Но только учти: вы окружены. И стоите перед нами, словно голенькие. Так что, без глупостей. А то всех сейчас покрошим в окрошку. И еще хочу знать: что за баба со мной разговаривает?

- Ишь, он хочет знать! Ну что ж, знай. Я - не баба, а командир разведовательно-диверсионной группы, лейтенант государственной безопасности Нефедова. Так ты пригласишь командира для знакомства и разговора? Или продолжишь мне зубы заговаривать?

Из-за дерева показался отец Валерий. Откинул за спину автомат. Спустился на несколько шагов к тропе. Представился: «Я – командир.»

От остальных «гостей» отделилась фигура. Исходящий от нее женский голос произнес: «Я так и

представляла себе попа-партизана, командующего политическими зэками.»

- Но-но... Рамцов не видишь? Не надо бы их путать! Поосторожней! За базар-то и ответить можно. Ишь! «Политические зэки!» – спустился вслед за батюшкой Юрок.

- Георгий! – укоризненно обернулся к нему отец Валерий.

Женщина шагнула ближе, почти вплотную, к батюшке и почти шепотом сказала ему несколько слов. Батюшка ответил. Женщина продолжила сложный пароль. Только после этого отец Валерий обратился ко всем нашим: «Опустите, братие, оружие. Это – на самом деле свои!»

Опять повернулся к Нефедовой и пригласил: «Прошу пройти в нашу обитель. Здесь недалеко.»

И все мы отправились обратно в лагерь. А по дороге командирша диверсантов сразу же заявила: «Перво-наперво проведем совещание. Я доложу о наших планах, согласно полученной мною инструкции, а вы мне расскажете о своем житье-бытье. О том, как фашистов бьете. Если, конечно, бьете, а не под горой загораете. Об успехах, бедах и проблемах. А где у вас профессор, изучающий летательные машинки? Где мой неудачливый предшественник, у которого всю группу фрицы уничтожили?»

Костя и Василий Васильевич выступили вперед. Нефедова смерила их взглядом с головы до ног и объявила: «Поступаете в мое распоряжение. Я люблю дисциплину. А то, смотрю, расслабились вы здесь. Разнежились, как на мамкиной перине!»

- Лейтенант! Ты полегче на поворотах! Я все-таки – старше по званию! – возмутился Костя. На что Нефедова отчеканила: «А ты свяжись с Москвой. Доложи о нашем прибытии. Получишь соответствующие инструкции. По ним и будем жить. Еще раз скажу: я люблю дисциплину! Железную! Как Феликс Эдмундович Дзержинский. Меня

воспитывал отец, его соратник, заслуженный чекист. И я не люблю, когда бойцы разболтаны! Приказы для того и отдаются, чтобы их исполняли.»

Она обернулась к выстроившимся подчиненным и скомандовала: «Всем отдыхать!»

И тут же сделала руками несколько непонятных для меня движений. А повернувшись к нам, пояснила: «У меня в группе несколько глухонемых. Да войны они работали в цирке. Метают ножи, топоры, лопатки. Изучили взрывотехнику. А мне пришлось срочно их язык жестов осваивать. «Рабочие лошадки». Но даже если попадут в плен, физически не смогут ничего выболтать. Говорю для сведения. Пусть кто-нибудь из ваших их пока накормит и устроит на отдых. Потом они сами себе землянки выкопают.»

Войдя в штабную землянку, она огляделась. Насмешливо посмотрела на иконку: «И здесь – опиум для народа!»

На что Юрок, явно теряющий терпение, сыронизировал: «Прошевайте, гражданка начальница! Не доглядели-с!»

И тут же, даже повысив голос, добавил: «Что ж ты со своим уставом в чужой монастырь лезешь? Мы, как я понял, терпеть тебя вынуждены. Тогда и ты потерпи нас и наши порядки! И нашу дисциплину! Командуй своими «глухарями! Тебя ведь для этого сюда прислали?! Для совместных боевых действий! Совместных! А не по твоей единоличной команде!»

Нефедова с удивлением вытаращилась на него. По всему видно было, что она не терпит возражений. Во всяком случае, от тех, кого считала своими подчиненным. Такими, похоже, хотела видеть и нас. На слова Юрка он только скрипнула зубами. Сдержалась. Опустив голову, сказала: «Товарищи зэки, давайте, приступим к нашему первому со-

вмест-но-му совещанию. Товарищ командир, пожалуйста, познакомьте меня с начальствующим составом. Я должна хоть как-то ориентироваться в обстановке.»

- Умыл ты ее! – шепнул я Юрку.

- Фельдфебель в юбке! – тихо проворчал он. А батюшка представил командиров подразделений. Нефедова внимательно вглядывалась в каждого. Но на меня смотрела дольше других. Покачала головой: «И как же тебя, лейтенант, занесло в эту компанию? Но надо еще проверить: не дезертир ли ты. Сбили, говоришь, в воздушном бою?»

Во мне все закипело. Я даже сделал полшага к «дочери заслуженного чекиста». Хотя, конечно, знал, что ни ударить, ни ответить как-то по-другому не посмею... Но отец Валерий, придержав меня за плечо, спокойно пояснил: «Этот воздушный бой многие видели. Два «мессера», сбитые Александром, дорогого стоят. За это, я слышал, орденами награждают. Еще прибавьте гитлеровский катер, изрешеченный им. Так что, любое подозрение здесь излишне. И опять же, наши дозорные видели, как этот катер фрицы буксировали к берегу. Александр раненный вывалился из своего горевшего самолет. Спустился на парашюте. Здесь, на берегу, мои хлопцы его и подобрали. И принесли в отряд. И дисколеты, к слову нарисовал именно он.»

А Нефедова вдруг мягко, совсем по-женски, улыбнулась мне: «Простите, я погорячилась.»

Потом она отчеканила задачи своей группы и возможные варианты их выполнения. Получалось, что она дана нам в поддержку. А не наоборот! Хотя этот «перевертыш» ее ничуть не смущал. В ответ отец Валерий рассказал о наших «достижениях» по уничтожению вражеской техники и живой силы противника. Даже перечислил все!

Нефедова «сжалилась». Заметила: «В самом деле, вы здесь на месте не сидите. Машины, пушки, мотоциклы, - конечно, хорошо! Но вас есть конкретное задание! И надо думать над его выполнением!»

- Мы это делаем. Но при угрозе нападения, приходится время от времени оставлять лагерь. Уходить вглубь полуострова. А гитлеровцев «мочим» походя. По пути, - подал голос Юрок.

- Я разговариваю с командиром, а не с вами! – даже не поворачивая в его сторону головы, слегка повысила голос Нефедова.

- А ведь дело в том, что Георгий – главный исполнитель всех нападений на врага, - умиротворяюще пояснил отец Валерий. Но Нефедова никак не прореагировала на сие замечание.

Под конец совещания она спросила: «Где я смогу отдохнуть?»

- В санитарной землянке, у наших женщин. Но сначала, наверное, пообедаете? Ваши бойцы уже накормлены. Сыты. Отдыхают. Теперь можно и командиру за стол сесть, - дружелюбно ответил батюшка. А Нефедова, выходя из землянки, почему-то опять взглянула на меня.

Мы с Костей и профессором тоже решили пообедать и отдохнуть после боевой смены. И застали за столом Нефедову. Она ела сосредоточенно, но как-то отстраненно. Словно забрасывала в паровозную топку уголек. Было такое ощущение, что ей все равно, чем ее кормят. Быстро, по-военному опорожнив посуду, она с тем же выражением лица сгребла ладошкой с стола хлебные крошки и отправила их в рот. Потом посидела минуту. Вскочила. Тихонько спросила о чем-то Агнюшу и куда-то ушла. Мы же чинно помолчились. Василий Васильевич всё нахваливал щи их лесных голубей. Потом, плотоядно потирая ладони, принялся за зайчатину,

тушеную с какой-то травой, заменяющей саами капусту и сушеными грибами, собранными еще летом.

Но через несколько минут снова появилась Нефедова. Теперь она села напротив нас. Смерила взглядом наши миски. И заговорила: «Хочется мне самой вы посмотреть на невидаль, про которую вы в каждой шифровке докладываете. Не верится, чтобы самолет достигал скорости три тысячи километров в час. Даже в книжках про фантастику это неправдоподобно. Так когда я могу полюбоваться этим чудом авиации?»

Мы трое переглянулись. Костя покрутил головой: «Может быть, мы все-таки сначала пообедаем?»

- Сначала вы ответьте на мой вопрос. Завтра, послезавтра, через месяц? Неужели так трудно слово вымолвить? А потом можете и обедать, и ужинать. Когда я смогу пойти с вами на наблюдательный пункт? – последние слова Нефедова произнесла по слогам.

«Вот же, противная баба! Нейдется ей!» - с возмущением подумал я. А вслух сказал: «Завтра. Но вставать надо в пять утра. Кого-нибудь из своих подчиненных возьмете?»

- Сначала сама полюбуюсь. А там видно будет, - ответила она и ушла в санитарную землянку.

А у меня даже аппетит пропал. И Костя, и Василий Васильевич сидели как в воду опущенные. Даже ложки положили на стол рядом с еще не опустошенными мисками. К нам подошла Агнюша. Оценивающе посмотрела. Спросила: «Почему не вкушаете? Невкусно?»

- Очень вкусно. Только вот эта... «стервятить» всю трапезу сломала! Куски в горле застревают! «Лейтенант государственной безопасности!» – дернул головой вверх и в сторону санитарной землянки Костя.

- А, - махнул рукой сестрица, - ущербная! Не обращайте внимания. Батюшка перевоспитает. Не таких

«обламывал». Бес, он где силен? Там, где нет молитвы! Зато есть нелюбовь. Не-лю-бовь! А у нас в отряде всё – по любви христианской. Убежит вражина от любви. Вспомните, какую Заповедь дает Господь на главной иконе своей! *Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как Я возлюбил вас.* Так что любовь в «гражданке начальнице», как пошутил Юрок, победит то зло, которое в ней сидит и повелевает несчастной.

- Агния Александровна, а почему вы эту икону Спасителя назвали главной? – пребывая все еще в растерянности, спросил Костя. Хотя он уже снова взял в руки ложку.

- И-и-и, милый! *Христос есть Любовь!* А ежели так, то какой должна быть главная икона? Иконой Христа-Спасителя-Любви. Я, грешная, так разумею. Ладно. Доедайте. И ступайте отдыхать. А то завтра рано вставать и вести, как я слышала, нашу ущербненькую на наблюдательный пункт. Ангела вам за трапезой. А посуда любит чи-и-истоту! – засмеялась Агнюша.

На первое время подчиненных Нефедовой партизаны «разобрали» по своим землянкам на места тех, кто был в «секретах», окружающих наш лагерь и в дозорах у горы. Одного «немтыря», похожего то ли на китайца, то ли на японца, - для меня все они на одно лицо, - я поселил и у себя. А когда он разбирал свой вещмешок, меня удивило количество причудливых по форме ножей и маленьких железных «звездочек», похожих на шестеренки. Только эти были восьми, шести и четырехконечными с очень длинными и острыми зубцами. Я жестами спросил парня о назначении «шестеренок». Он улыбнулся и вдруг резко кинул одну из них в дверь землянки. «Шестеренка» вошла в сосну на несколько сантиметров. А парень показал на другую, такую же «звездочку», потом себе на лоб и скрестил руки: мол, конец будет, коли такая «игрушка» попадет.

Лег он на нары не раздеваясь. И сразу засопел. Понятно, устал с дороги. А утром, поднявшись, я застал его в той же позе: лежащего на спине, со скрещенными на груди руками. Даже грешным делом подумал: «Уж не помер ли?! Не шевелится! И не дышит!»

Но «квартирант» сел на постели. Потом, словно какой-то механический игрушечный солдатик, встал. Поклонился мне в пояс. И вдруг, раздевшись до кальсон, вышел на воздух. Я удивленно подумал: «А ведь на дворе – первый морозец! Нормальный ли он? Чудной какой-то!»

Я вышел. Закурил. Мой гость прыгал, бегал, делал какие-то замысловатые движения. Словно кого-то бил руками, ногами, коленями, локтями. Ангюша, Машенька с большими кастрюлями в руках, Василий Васильевич и еще несколько партизан, застыв от удивления, во все глаза наблюдали за ним. Незаметно подошедшая к нам со спины Нефедова пояснила: «Это – восточная борьба. И сейчас Марик отрабатывает ее элементы с несуществующим, как бы условным противником.»

- Значит, его зовут Марик? – спросил я.

- Считайте так, товарищ лейтенант. Боец реагирует на кличку «Марик». Но вам-то, собственно, какая разница? Настоящие имена моих подчиненных известны только в нашем отделе кадров.

- И родителям.., - встряла в разговор Машенька.

Нефедова измерила ее презрительным взглядом с ног до головы. Процедила: «В мою группу набирали личный состав, не имеющий ни с кем родственных связей. По сути, смертников.»

Теперь Машенька повторила взгляд Нефедовой. И так же процедила сквозь зубы: «А если бы вас саму уготовили на эту роль?»

- Я бы со всей ответственностью и с радостью отдала жизнь за дело революции, которая не кончается! - разделяя

каждое слово, отчеканила Нефедова. И закурила. Спросила почему-то меня: «Когда мы с вами выдвигаемся в сторону наблюдательного пункта?»

- Сейчас позавтракаем, получим пайки и пойдем. Наверное профессор может отдохнуть? – за меня ответил и в свою очередь спросил Костя. Но Нефедова решила по-другому: «Нет-нет! У меня к нему могут возникнуть вопросы. Так что, пойдем вчетвером. А вот вы, товарищ старший лейтенант, сами могли бы и не ходить... Отдохнули бы. Зарядочку сделали бы до завтрака. Вон, как Марик. Или вас в вашей разведшколе таким упражнением не учили?»

- Мне поручено охранять Василия Васильевича. И я буду это делать, хотите вы или не хотите, - сквозь зубы проговорил Костя.

- О-о-о! Да вы – кусачий, - с явной издевкой, очень недобро засмеялась Нефедова.

- Кусачей бывает дворовая шавка. А я, простите, – офицер разведки. И попросил бы вас более к подобным сравнениям не прибегать. Суды офицерской чести никто не отменял!

Я увидел, как желваки заходили на скулах Константина. А Нефедова опять как-то неестественно, даже с долей истеричности рассмеялась: «Это уж - после войны! До суда офицерской чести дожить надо. И дожить надо, по крайней мере, нам обоим.»

Она опять села на дальний угол стола. Быстро, как-то механически, съела кашу. Запила ее взваром из мороженых ягод и листьев. Сказала: «Профессор, я готова.»

Будто бы мы с Костей вообще не присутствовали за столом. Василий Васильевич давился обжигающим взваром. А Нефедова стояла в шаге от него. Чуть ли не повисла над ним.

- Ну и когда мы пойдем? – нетерпеливо спросила она.

«Ну и хамка!» – мысленно отозвался я. А Костя зашептал: «А не будет ли полезнее для всего отряда сбросить эту дочурку заслуженного чекиста с нашей сосны? Скажем, мол, подскользнулась, оступилась и головой вниз. А война все спишет! Война и не такое списывает. Ладно, была бы старая гримза. А то ведь молодая девка! Лет на двадцать выглядит! Ну, не старше двадцати пяти! Представляю теперь, какая сволочь - ейный папаня. Хотя иная баба сволочней самой последней сволочи! И уж если такая командует небольшим отрядом, а тем более специальным, секретным, то смело святых выносить можно. Ну что? Сбросим с сосенки?»

Я только укоризненно посмотрел на однокашника. Мы залпом допили свой взвар. И отправились на свой наблюдательный пункт. А когда пришли, Нефедова сразу начала командовать: «Как стоишь, боец? Почему не слышу доклада про обстановку на боевом посту? Вы что, никогда Уставов не читывали? Как фамилия?.. Разнежились, как у тещи на блинах! Разблагодужествовались! Хотя бы красные ленточки на головные уборы нашили. А то на каких-то анархистов ходите похожими!»

И всё - в том же духе. Костя шепотом иронично пояснял: «Услышав лай караульной собаки... Слышишь ли, Алексаша?»

Потом все-таки не выдержал. Взял Нефедову под руку. Отвел к нам с профессором. Покачал головой: «Товарищ лейтенант государственной безопасности! Не надо бы так с партизанами! Люди итак на износе – в холоде, в голоде. Каждый день в лицо смерти смотрят!»

Нефедова глянула на него с насмешкой: «И это говорит старший лейтенант разведки? Можно подумать, что на фронтах бойцы не каждый день в лицо смерти смотрят! Товарищ Сталин четко определил, что каждый партизанский отряд – частица регулярной Красной Армии.

Значит, в вашем партизанском отряде должна быть железная дисциплина.»

- А в вашем? – переспросил я.

- Что? – не поняла Нефедова.

- Вы сказали в «вашем партизанском отряде»... То есть, как бы отделились от нас.

- Не цепляйтесь к словам, лейтенант!

- Я все хочу напомнить вам, что мое воинское звание – старший лейтенант, - тихо, но твердо проговорил я.

- А вы погоны все время прячете либо под «комбез», либо под полушубок. Я и не вижу. Ладно. Хватит трепаться. Производите смену и приступим к знакомству с обстановкой.

Мы, как обычно, обменялись несколькими фразами с Кириллом, возглавлявшим пост. Нефедова насмешливо наблюдала за сменой. Но на этот раз буркнула только: «Анархисты!»

И как только предыдущая смена отошла в лагерь, ловко она, словно кошка, забралась на дерево. За ней поднялся Василий Васильевич. И принялся объяснять ей подробности наблюдений. А Нефедова направляла соответственно свои бинокль с пещеры на колодцы и дальше по мере рассказа профессора. О чем-то тихо спрашивала, переспрашивала, уточняла. Достав блокнот, записывала. И так полторы смены провела на дереве. А когда слезла, заметила: «А почему не оборудован наблюдательный пункт? Сделали бы площадку из бревнышек с перильцами для безопасности.»

И тут же, что называется, «подколола» Костю: «Или вас, товарищ старший лейтенант, в разведшколе не обучали этому.»

- Обучать-то – обучали. Но сделайте вы «площадку из бревнышек с перильцами для безопасности» на нашей сосне, фрицы тут же заметили бы. И принялись бы прочесывать

местность. А нам это надо? Такие площадки хороши для военных игр в пионерских лагерях. Хорошо, хоть ступеньки набили. Удобно забираться, – в тон ей ответил Костя.

- Забираться удобно.., - повторила Нефедова. И о чем-то задумалась. Вдруг вскинулась и обратилась ко мне: «Александр, не покажете ли ваши рисунки с летающими тарелками?»

Мы с Костей переглянулись: было непривычно то, что она назвала меня не по званию, как обычно, а по имени. Но я полез в полевую сумку. Достал и протянул ей свои рисунки. Она долго рассматривала их. Отошла. Присела на лапник, прикрывающий наши теплые лежанки. Но тут же в недоумении вскочила. Осмотрелась. Пожала плечами: «Тепло!? Но откуда?»

И я рассказал об изобретении Константина. О потаенном очаге для приготовления горячей пищи. Нефедова, внимательно слушая, не отрывала своего взгляда от меня. Я, грешным делом, даже немного смутился. И вдруг увидел, что жесткие, грубоватые черты ее лица изменяются, смягчаются. Даже становятся очень миловидными.

- Вы так увлекательно и увлеченно рассказываете об изобретениях своего друга, будто это не старший лейтенант, а вы придумали и смастерили, - улыбнулась Нефедова. Но тут же, что называется, натянула на лицо прежнюю сосредоточенность, некрасивость и суровость. Она встряхнула головой, словно отгоняла какие-то мысли. И миловидность...

А тут и Василий Васильевич с дерева подал голос: «Началось движение! К колодцу выгнали военнопленных. Они рубят тонкий ледок и выкидывают его на землю рядом.»

Нефедова мигом взлетела на сосну. Я посмотрел на Костю. Он развел руками: «Лезь ты, брат. Для четверых на дереве места не хватит. К тому же, я ведь на самом деле могу

нашу «комсомольскую богиню» ненароком... Как в песне: «И за борт ее бросает...»

Я забрался на сосну. Навел бинокль на один из колодцев. Там кипела работа. Опять под горой собрались генералы. Командовали старшие офицеры, как я понял, - по техническому обслуживанию испытаний. Опять на платформе привезли дисколет. Расчехлили. Установили в колодец. Опять к нему подошел нойда и поднял высоко над головой бубен и свою колотушку...

Я взглянул на Нефедову. Судя по всему, она пребывала в умопомрачительном состоянии. Я даже подумал, было, привязать ее к сосне. Губы ее дрожали. Ими она произнесла: «А я и не верила, что такие консервные банки могут по воздуху летать!»

- Могут-то могут... И, как уже говорил я, летают со скоростью три тысячи километров в час. А то и побольше! Но погодите! Еще неизвестно, взлетит ли сей летательный аппарат! Холод-то какой! И мелкие льдинки в колодце все-таки остались. Как все это подействует на запуск дисколета? - сокрушенно покачал головой Василий Васильевич.

Но вот нойда крикнул! Да так, что даже мы услышали! Нет! Это был не крик... Казалось, что звук, похожий на урчание в животе, только в сотни, тысячи раз увеличенный, исходит из-под земли.

- Что это? – не без опаски спросила Нефедова.

- Это нойда призвал духов преисподней запустить двигатели дисколета, - ответил профессор.

- И вы, ученый человек, в эту чушь собачью верите? Ай-ай-ай! Как нестыдно?! – засмеялась едва пришедшая в себя Нефедова

- Убедитесь сами.

В это самое время двигатели дисколета поначалу загудели. Потом зафыркали. Наконец, совсем заглохли.

- Я так и думал! Вода должна быть наичистейшей! Безо всякого мусора или мелких льдинок! – проговорил профессор и стал делать какие-то пометки в своей записной книжке.

- Вы хотите сказать, что без окрика этого местного шамана двигателя консервной банки не запустятся? – спросила Нефедова.

- Именно! И мы втроем можем под любой присягой подтвердить сказанное. И то, что видели собственными глазами. И вы сами тоже!

- А как же диалектический материализм? Куда против него погрешь? Никуда! – неуверенно говорила лейтенант государственной безопасности. А при этом прятала глаза.

Мы с профессором улыбнулись, вспомнив, что Костя начинал тоже с этого. Но здесь был явно другой случай. Как говорится, с первого раза «непробиваемый». Поэтому Василий Васильевич завитийствовал: «Видите ли, уважаемая товарищ Нефедова... Любая наука находится в развитии... И, конечно же, советские ученые работают, а точнее сказать, дорабатывают, если хотите, доразвивают диалектический материализм... Те его постулаты, которые нам еще неведомы. Полагаю, что результаты исследований нам доложат.»

Экскурсия не заладилась. Неинтересно, монотонно долдонила Августина Ильинична. Да и то, что она говорила, я знал. Но у всех экскурсантов загорелись глаза, когда мы попали в музей золотошвеек. Рассказ экскурсоводши опять был скучным. Но за нее говорили экспонаты. Красота! От икон, шитых золотом, невозможно было оторвать глаз! И такая красота не могла быть создана неправославными женщинами, которых-то уже на свете-то нет. А вот дела их рук, словно молитвы, живут!

Женская половина экскурсантов, полюбовавшись на экспонаты, кинулись к киоску, где продавались украшения. И стоили совсем не дорого. Лена, как всегда, оказалась в самом конце очереди. Но долго выбирала какие-то безделушки. Так что мы с ней получили еще и выговор от экскурсоводши за то, что, мол, припозднились и задержали всю группу. Я хотел, было возмутиться, но жена махнула рукой: «Не обращай внимания!»

И, уже сидя в автобусе, Елена еще долго любовалась большим кожаным кулоном и подушочкой под иголки, причудливо вышитыми золотом и серебром. На выезде из города Августина Ильинична сделала нам сюрприз. Сказала: «Я прощаюсь с вами. Так как наш Торжок всегда был пограничным городом Новгородской, а не Тверской губернии, следующая часть вашей экскурсии пройдет на ее территории. В городе Мышкине вас встретит другой экскурсовод. Будьте здоровы и счастливого вам пути.»

Надо признать, что эта новость, похоже, никого не огорчила. И если на прошлых выездах экскурсанты прощались с экскурсоводами благодарными рукоплесканиями, то в этот раз все, молча, отвернулись. Словно увидели за окнами нечто интересное и необычное.

Водитель включил телевизор висевший под потолком. По нему шла «бородатая» кинокомедия «Три плюс два». И я вынужден был смотреть виденное мною не один десяток раз. Зато Лена, что называется, отвела душу. Даже заметила: «Хорошо! Ни тебе готовки, ни тебе стирки, ни тебе уборки! Никто не отвлекает!»

В Мышкине нас разместили в гостинице без названия. Под номером один. Молодая, пухленькая, смешливая экскурсоводша, назвавшись «просто Таней», объявила программу экскурсии: «Музей водки», «Музей мыши», «Музей валенок» «Городок мастеров». Все это звучало занятно и забавно.

Ужинать нас повели в городской ресторан, где в отдельном зале были накрыты столы. Честно говоря, я проголодался. И салат из свежих огурцов, борщ с пирожком, котлета с картофельным пюре и чашка чаю были как нельзя кстати. Только я не понимал: обед это или ужин?

- Поздний обед, мягко перетекающий в ужин, - засмеялся кто-то из экскурсантов.

Гостиничный номер был небольшой, но как-то домашнему уютный. Теплый. Даже не с точки зрения отопления. Хотя и батареи были, как огонь. Я подумал, что горничные, наводящие здесь порядок, не могут не быть очень добрыми, православными женщинами. Я сказал об этом Елене. Она в ответ только передразнила: «...И непременно православными!»

Я выставил на холодильник насколько ламинированных иконок. Спросил Лену: «Помолимся?»

И начал: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...*

Но жена отреагировала по-своему: «Ты сам помолись. Я в ванной прочитаю краткое правило, когда пойду принимать душ. Как ты называешь его? *Серафимово*? Я помню, помню. Три раза читается *Отче наш*, потом тоже три раза *Богородице Дево, радуйся* и *Символ веры*. Правильно? - ответила она и уселась в кресло перед телевизором, по которому, как оказалось, показывали... все тот же «Три плюс два».

- Мы сегодня в автобусе этот фильм смотрели! - заметил я.

- Ну и что? Фильм-то хороший. Позитивный! Не то, что твой кровожадный «След». К тому же, других программ здесь телевизор не ловит. Не хочешь – не смотри. Сходи пока душик прими. Покури. На втором этаже есть «место для курения». Только после этого не забудь зубы почистить. А я с удовольствием еще раз посмотрю. А знаешь, эти актрисы в жизни – злейшие врагини! Одна у другой какого-то

космонавта отбила. Сейчас Фатеева еще молодо выглядит, но та, которая играет Наташу... Ее так разнесло, так разнесло, что любой космонавт убежал бы! А ты сходи! - засмеялась Лена.

Что я и сделал. На втором этаже в мягких креслах, вокруг опрокидывающейся урны в воде пингвина сидели несколько мужиков. Курили и попивали пиво.

«А их женщины млеют у телевизоров,» - подумалось мне. Что ж, это как-то оправдывало Елену. Она – не одна в своей жажде «позитива». Рядом с «курилкой» располагался и буфет. И надо же! Он работал, несмотря на позднее время. Я зашел. И сразу же в глаза бросилась красная этикетка на стограммовой бутылочке коньяка «Киноровский». Как раз, мой любимый коньячок-старичок! Однако, кусачая цена была раза в полтора больше, чем в Москве. Но я махнул рукой: «Если учитывать время суток и гостиничные наценки! Один раз на отдыхе можно и побаловать себя!»

Я купил коньяк и шоколадную конфетку. Тут же выпил, закусил и вышел в «курилку». Мужики допили пиво и разошлись. А я выкурил сразу две сигареты подряд.

Когда вернулся в номер, Елена досматривала фильм. Поэтому я сразу отправил с ванную. Умылся, почистил зубы. Приложив ковшиком ладошку к губам, дыхнул. Проверил: пахнет ли от меня коньяком. Подумал, что у нормальной жены муж не пьет и не гуляет. А тут приходится «тайнопитием» заниматься! В это время Елена постучала в дверь ванной комнаты: «У тебя все в порядке. Что-то ты притих!»

Я тут же вышел и она сменила в ванной меня. Но из-за закрытой двери, под шум воды, доносилась не молитва, а мелодия из недавнего фильма: «Все говорят, любовь это яд...».

«Твои «позитивные» фильмы – вот это яд против молитв», - в сердцах стукнул я кулаком по подушке. Когда

же Елена вышла из ванной, я спросил: «Ну, что? Помолилась?»

- Ой, забыла! Но я – лежа. Про себя! Времени-то сколько! А завтра рано вставать! – засмеялась она, как, наверное, делают все женщины, когда хитрят или лгут.

- Это опасно: «про себя»! Я где-то читал, что Господь за подобные опыты «про себя» может и рассудка лишить! – вздохнул я.

- Глупости! Ты же сам говорил, что Бог видит не язык, а сердце. Оно и молится! – возразила Елена

«Как же она изменилась! И далеко не в лучшую сторону. Возражает! Спорит о том, в чем не смыслит! И, похоже, даже не желает ни изучать Священное Писание, ни молиться! Чего же она от Георгия хочет добиться?!» - подумал я и отвернулся от жены. Елена выключила свет. Легла и тут же засопела.

«Про себя! Сердцем молится... Прости ее, Господи!» - еще горше вздохнул я. Поневоле вспомнилось, как Костя однажды сказал: «Разлад в любой семье начинается с непослушания жены мужу. Если она не слушается, спорит, дерзит, жди остальных бед! Ведь на Частном Суде Божиим первым вопросом замужней женщине будет: послушалась ли она мужу? И если нет, других вопросов уже не последует. Участь таковой плачевна! Не зря же кто-то из святых сказал, что злая жена – необузданное животное. Вот и Суд будет, как над животным. Но тогда и дети не будут слушаться родителей. Особенно матери! Ведь непослушанием рушится Божие домостроение. И это не я сказал. Так святые отцы учат. Вон, моя Наташенька! Три года в регентской школе при Лавре училась, И в первую очередь, училась послушанию! Она полы в семинарии и духовной академии мыла. В прачечной работала! Но и теперь, нет-нет, да и взбрыкнет! Но, слава Богу, после этого всегда прощения просит. Это же не она не слушается, а бес

подначивает. Так же, как змий соблазнял в Раю Еву попробовать яблочко познания добра и зла.»

Вспомнив это, я провалился в сон. Да и проснулся не в самом лучшем расположении духа. Но решил завести разговор о послушании после возвращения в Москву. А сейчас, позавтракав, мы отправились в Музей водки. И от «просто Тани» узнали, что легендарный винно-водочный «король» Смирнов родился чуть ли не в нищей семье и с малолетства вынужден был прислуживать в местном трактире, как тогда говорили, «половым» мальчиком. Разноцветные бутылочки, бутылки, бутылищи, штофы, шкалики перемежались с различными грамотами, с дипломами. Была здесь, в том числе, и копия грамоты, выданной Димитрию Иоанновичу Менделееву за его всем известное «изобретение» сорокоградусной. Были и старинные фотографии, присланные даже из Соединенных Штатов.

В завершение экскурсии нам преподнесли по три мензурки различных сортов водки. И конечно же предложили купить свои фирменные напитки «Вереск». Под этим общим названием мы с Леной взяли по бутылке смородиновой, анисовой и обычной водки и слегка навеселе отнесли покупки в автобус. Заняли свои места. А «просто Таня», заговорщически сузив глаза, в микрофон спросила: А знаете ли вы, из чей шерсти на самом деле валяют валенки в городе Мышкине?»

Выдержала паузу. Сама же ответила: «Только никому не говорите! Из мышиной!»

И так серьезно это было сказано, что мне, например, захотелось поверить. С разных мест автобуса раздались голоса: «Как же их стригут?..

- Это сколько же надо мышей на один валенок?..

- У вас что? Мышиная ферма?..

«Просто Таня», явно сдерживая улыбку, отвечала: «Мышей в Мышкине всегда было в избытке. У нас есть два больших элеватора, военные продуктовые склады, большие животноводческие хозяйства. А стригут мышей специальными машинками. Туда мышки приходят полакомиться сыром, который выпускается только для них. А для пары валенок вполне достаточно двухсот зверьков. Поэтому Машкинские валенки всегда получаются мягенькими, легонькими. Носи и радуйся. Кстати в магазине при музее валенок вы можете приобрести сувенирные валеночки. И настоящие! Даже валенные босоножки! С узорами и цветочками! Но сначала мы с вами посетим Музей мыши!»

И «просто Таня», уже не сдерживаясь, громко рассмеялась. А все экскурсанты поняли, что, как говорится, «купились» на валенках из мышинной шерсти. «Икарус» подъехал на центральную площадь города. И мы больше не садились в него. В маленьком районном городке все, что называется, было под рукой. «Музей мыши» оказался теремком из детской сказки. Здесь везде сидели его обитатели. За чайным столом с баранками и самоваром, в младенческой люльке, за письменным столом за печкой, под ней, даже в гардеробе, - отовсюду на нас тарачились милые зверюшки в одеяниях прошлых веков. Даже в стилизованных военных мундирах! И при оружии. А в магазине музея старушка, тоже похожая на мышку, среди разных «мышастых» сувениров предложила всем крохотных глиняных «кошельковых» мышей: «Если купите, деньги в кошельках не переведутся! Мышка-то все в норку тащит! Но только нужное и полезное!»

Эти слова подействовали. И наши экскурсанты принялись заговариваться двухрублевыми «кошельковыми» мышами: для родных и знакомых. Лена тоже купила десяток. Складывая их в отдельный конвертик,

определила: «Подарю Анюте, Тане Отборкиной, раздам на рабате женщинам, тетушкам! Будем другим гостям раздавать.»

- Это же суеверие! – усмехнулся я.

- Суеверие – не суеверие, а людям будет приятно от того, что о них не забывают! – возразила она. И с этим я вынужден был согласиться. Тут «позитив» сам просился на свое место. Но почему-то подумалось: «Не забыла бы ты меня! И все-таки нехорошо очеловечивать мышей. Впрочем, есть же «Щелнунчик» или сказка про корову, пестующую девушку-сироту... Как бишь ее название? Ах, да. «Крошечка-Хаврошечка!» Люди воспевали не скотину, а добро, которым по замыслу Творца, должен быть наполнен весь мир. И человек, как венец Творения, и даже животные.

»

Но вдруг почему-то вспомнился шлягер в исполнении «старика корня» про то, что «пора мне с этого двора». Мне пора? Вроде бы и не ко времени и не к месту! Тогда к чему? Я не знал, как ответить. Но сейчас же облегченно вздохнул: мерзкая песенка доносилась из открытого окна «Ауди», стоявшего рядом с автовокзалом, и кого-то ожидавшего.

«Слава Богу, сейчас это – не ко мне», - подумал я, вышагивая за экскурсоводшей. Она же привела нас к другому теремку с большим валенком, висевшим перед входом. Занятно было на самом деле увидеть валенные модельные туфельки или босоножки. Мы с Леной купили сувенирчик. Как говорится, обозначились! Но экскурсия в этот музей много времени не заняла. И скоро мы направились в «Городок мастеров», где увидели старинную кузницу. И где при нас молодой парень выковал саблю. Наверное, бутафорскую... Но кузнец, молча, показал на стенд с самым разнообразным оружием. Раскрыл его. Достал другую саблю, уже готовую, изукрашенную золотым орнаментом. Подкинул в воздух какую-то тряпицу. И

рубанул. Тряпица оказалась разрубленной пополам. Кузнец предложил сделать то же самое экскурсанту-здоровяку. Но у того тряпица только обмотала саблю. Кузнец усмехнулся: «Это – тоже искусство! Я сам несколько месяцев учился этому.»

- «Калаш» попроще! И посовременней будет. Да и понадежней! Дал очередь, и будь здоров! Не кашляй! – в тон ему ответил здоровяк. Он долго рассматривал экспонаты. Наконец, спросил: «А купить у вас что-нибудь можно. Конечно, из оружия?»

- Сувениры, украшения можете приобрести в соседней комнате. А вот на оружие специальная лицензия нужна. Однако хочу предупредить. Приезжал к нам один любитель оружия. Так его в местной милиции за покупку ободрали как липку, - вздохнул кузнец. И, заперев стенд, уже показывал нам рыцарские доспехи, кольчуги, двуручные мечи, боевые топоры, алебарды, арбалеты, сулицы. Пояснял: «Оружие все в рабочем состоянии. Хоть сейчас на охоту иди. На медведя, например, или на кабана.»

Я попробовал поднять такой топор. Оказался тяжелехонек! А кузнец засмеялся: «Им еще и рубить надо было врага. С разных сторон. Сверху вниз. Со стороны. Или даже снизу вверх. Вот какой силищей обладали наши предки! Мы им, увы, не чета! »

Я попробовал примерить рыцарский шлем с забралом. И не смог даже головы повернуть: таким тяжелым он был. И вдруг в голове вспыхнула мысль: «То ли дело русский шлем с бармицей, которую ты в пылу боя забыл застегнуть... Да-да... На поле Куликовом!»

К чему это было? Почему? Я силился вспомнить и бармицу, и шлем, и Куликово поле, но Лена отвлекла меня. Взяв под руку, увлекла за остальными экскурсантами.

В соседней комнате женщины из числа экскурсанток, глядя на украшения «под старину», зашебетали, словно

канарейки. А девушка-мастер принялась рассказывать. Но цены, что называется «кусались». Однако несколько женщин тут же создали очередь. Я попробовал убедить Елену купить то, что понравилось. Но она воспротивилась: «Мы итак потратились сверх меры! А вдруг что-нибудь еще увидим.»

И в самом деле, нас ждало еще одно чудо. В другом помещении мужчина и женщина, о чем-то весело переговариваясь, сидели за гончарными кругами. А пальцы их, словно живущие отдельно, делали свое дело. И передавали свою жизнь будущим, пусть нехитрым, творениям, рождающимся в эти минуты на гончарных кругах. А рядом на полке ожидали обжига уже сработанные вазочки, тарелки, миски, чайники, чашки, блюдца, кружки, маленькие горшочки и большие горшки, кринки и что-то еще.

При нашем появлении женщина встала, вытерла от глины руки и начала рассказывать об истории гончарного искусства на Руси. Да так, словно ничего другого мире не существовало. Нет! Вру! Существовало и существует. В восточном углу мастерской я увидел большую икону Спасителя. А на маленьком столике перед нею – молитвослов, Псалтирь и Святое Евангелие. Значит, гончары молятся! Помогите им Бог! А ведь я даже не обратил внимания, была ли икона в кузнице. Но мне так захотелось, чтобы была!

В завершение своего рассказа женщина-гончар предложила приобрести свои изделия. И опять экскурсанты создали очередь. Долго и тщательно выбирали и, наконец, покупали. Теперь Елена тоже не осталась в стороне. Ей приглянулся маленький, - на одну чашку, - чайничек. Безо всякого орнамента, что называется, декоративный.

Обедали мы в том же ресторане. И опять всё было очень просто и очень вкусно. А выйдя в фойе гостиницы, «просто

Таня» вдруг заметила, что совсем недалеко от города находится тот обрыв, с которого бросилась Катерина из «Грозы» Александра Николаевича Островского. И тихо, словно для самой себя, добавила: «Так бывает, если по Венчания люди блудят... «Луч света», уводящий в преисподнюю и гаснущий там.»

После обеда, посчитав нас «по головам», она провожала экскурсию в Москву. И мы долго аплодировали ей в знак благодарности. А я, обернувшись уже из окна автобуса заметил, что она вслед перекрестила нас. Чужих, собственно, людей... Незнакомых. Может быть, даже кого-то неверующих.

«Вот она, сокровенная Русь! Вот он – настоящий позитив!» - подумал я. Сказал об этом Елене. Она пожала плечами: «У тебя позитив – только то, что связано с Богом.»

- А что может быть не связано с Богом? Даже его противоположность и то дело его рук! – теперь пожал плечами я.

- Сатана?

- Он, вражина! – перекрестился я.

- Тогда почему Бог не уничтожит его?

- Нам в назидание. И в первую очередь – женщинам. Ведь не Адам, а Ева послушала «змия». А вы женщины все свое «гнете». Кое-кто в гордыне своей до одержимости доходит. Ну, как можно назвать эсерок-террористок или анархисток, убивавших лучших державных мужей Российской Империи. Одержимые! Даже, пожалуй, бесноватые!

- Ну, вот! Вам, мужикам, обвинять бы во всем бедных женщин! А ведь мы и работаем, и детей рожаем и воспитываем, и домашнее хозяйство на себе тянем! А вы, мужики?.. И не уводи, пожалуйста, в историю. Сейчас никто никого не убивает. А женщины все работают! Наравне с мужчинами.

- Вот именно: ра-бо-та-ете! Как ты, например, - на руководящих должностях! Вместо мужчин! Вы, женщины, сами захотели равноправия с мужчинами, забыв, что кроме прав есть еще и обязанности, которые определены не руководством свыше, не собственным тщеславием, а Самим Господом Богом. Тогда, как некоторые права вы присвоили себе сами. В то же время, сбросили с себя некоторые обязанности. Сколько всяких эмансипаток делали революцию?! Вместо того, чтобы у сохраняемого ими очага рожать и воспитывать детей, ублажать мужей, вести домашнее хозяйство.

- Ох, и закрутил ты! С вывертом! Сел на любимого конька! Замолчи, а то поссоримся! – проворчала Елена и отвернулась к окну. А я откинулся на спинку кресла и задремал.

Но вдруг вспомнил, что уже в понедельник начинается Масленица. Сказал об этом Елене. На что она сокрушенно вздохнула: «Что же ты раньше не напомнил. У нас холодильник забит мясом!»

- Георгий съест, - пожал я плечами, и подумал, что виноватым, в конечном итоге объявили меня. А женщина-жена-хозяйка было не причем. Как бы мимо проходила

- Мясного много! Он не успеет! Всё испортится! Ты бы хоть о таких событиях предупреждал заранее! - качала она головой.

- Значит, мы будем доедать. Продукты выбрасывать – грех! Хотя ты, как хозяйка, женщина должна была загодя подумать об этом и рассчитать продукты! – досадливо заключил я.

Лена надулась и опять отвернулась к окну. Потом вдруг повернулась ко мне и прошептала сквозь зубы: «Значит, я – плохая жена. И значит, нам на самом деле, нам с тобой надо развестись!»

Теперь прошипел в раздражении я: «А тебе не приходило в голову, что мы венчаны, и Церковь нас с тобою не разведет?»

- Разведемся через ЗАГС.

- Ты неисправимая материалистка! И атеистка! Венчание - не штамп в паспорте. Это отметина в наших душах! – сказал я. Хотя мне очень хотелось назвать ее просто дурой. Но я опять задавался вопросом: почему же Лена так резко изменилась? Постоянно талдычит о разводе? Почему? И я другого ответа, кроме как обвинить теток в колдовстве не находил. Но мне стало почему-то жалко ее. И я добавил: «Разве трудно тебе самую малость измениться? Разве трудно быть помягче, менее прогматичной, что ли?»

- Уж какая есть! Тебе надо было брать в жены православную женщину, - дрогнувшим голосом проговорила она и опять отвернулась к окну. А я с горечью подумал: «Как легко можно испортить хорошее настроение и общее впечатление от всей нынешней поездки!»

До самой Москвы мы ехали, молча и отвернувшись друг от друга. А столица нас встретила мокрым снегом с дождем.

- Небо плачет! – вздохнул я.

- Что ты сказал? – спросила она так, словно между нами и не было ссоры, не было разговора о разводе.

«А здорова ли она психически?» - вдруг подумал я. И опять мне на ум пришли мысли об одержимости, - если не бесновании, - насланным на нее, бедную, «стариком-корнем» и тетками. «Кроме молитвы, здесь ты помочь ничем жене не сможешь» - подсказывал мне кто-то незримый со стороны. И я, приехав домой, нашел в интернете *Молитву задержания*. А пока Лена была в ванной, принялся читать ее:

Яко неплодную смоковницу, не посети мене, Спасе, грешнаго, но пождание ми даруй, да плод покаяния принесу Тебе, Многомилостиве...

Милосердный Господи, Ты некогда устами служителя Моисея, Иисуса Навина задерживал целый день движение солнца и луны, пока народ израильский мстил врагам своим.

Молитвою Елисея пророка некогда поразил сириян, задерживая их, и вновь исцелил их.

Ты некогда вещал пророку Исайи: вот, Я возвращу на десять ступеней солнечную тень, которая прошла по ступеням Ахазовым, и возвратилось солнце на десять ступеней по ступеням, по которым оно сходило.

Ты некогда устами пророка Иезекииля затворил бездны, останавливал реки, задерживал воды.

Ты некогда постом и молитвою пророка Твоего Даниила заграждал уста львов в рву.

И ныне удержи и замедли до благовремения все замыслы вокруг стоящих мя о моем перемещении, увольнении, смещении и изгнании.

Так и ныне разруши злые хотения и требования всех, осуждающих мя, загради уста и сердца всех клеветующих, злобствующих, рыкающих на мя, и всех хулящих и унижающих мя.

Так и ныне наведи духовную слепоту на глаза всех восстающих на мя и на врагов моих.

Не Ты ли вещал апостолу Павлу: говори и не умолкай, ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла.

Смягчи сердца всех, противоборствующих благу и достоинству Церкви Христовой. Поэтому да не умолкнут уста мои для обличения нечестивых и прославления праведных и всех дивных дел Твоих. И да исполнятся вся благая начинания наши и желания.

К вам, праведницы и молитвенницы Божие, наши дерзновенные предстателие, некогда силою молитв своих

сдерживающие нашествие иноплеменников, подход ненавидящих, разрушившие замыслы людей, заграждавшие уста львов, ныне обращаюсь я с молитвой моей, с моим прошением.

И ты, преподобный великий Елий Египетский, некогда оградивший в круге крестным знаменем место поселения ученика своего, повелел ему вооружиться именем Господним и не бояться отныне демонских искушений. Огради дом мой, в коем я живу в круге молитв твоих и сохрани его от огненного запаления, воровского нападения и всякого зла и страхования.

И ты, преподобный Поплие Сирийский, некогда своею непрестанною молитвою десять дней демона державший неподвижным и немогущим идти ни днем, ни ночью, ныне окрест келии моей и дома моего сего удержи за оградою его вся сопротивныя силы и всех хулящих имя Божие и презирающих мя.

И ты, преподобная девственница Пиама, некогда силою молитвы остановившая движение шедших погубить жителей тоя деревни, где жила, ныне приостанови все замыслы врагов, хотящих изгнати мя из града сего и погубити мя; не допуская им приближаться к дому сему, останови их силою молитвы своей: «Господи, Судия Вселенной, Ты, которому неужодна всякая неправда, когда придет к Тебе молитва сия, Пусть Святая Сила остановит их на том месте, где постигнет их.»

И ты, блаженный Лаврентий Калужский, моли Бога о мне, как имеющий дерзновение пред Господом предстательствовать о страждущих от козней диавольских. Моли Бога о мне, да оградит Он меня от козней сатанинских.

И ты, преподобный Василий Печерский, соверши свои молитвы запрещения над нападающими на меня и отжени и отжени все козни диавольские от мене.

И вы, вси святии земли Российстей, развейте силою молитв своих обо мне все бесовские чары, все дьявольские замыслы и козни – досадити мне и пугубити мя и достояние мое.

И ты, Великий и грозный страже архистратиже Михаиле, огненным мечем посекай все хотения врага рода человеческого и всех приспешников его, хотящих погубити мя. Стой нерушимо на страже дома сего, всех живущих в нем и всего достояния его.

И Ты, Владычице, не напрасно именуемая «Нерушимой Стеной», буди для всех, враждующих против меня и замышляющих пакостная творити мне, воистину некоей преградой и нерушимой стеной, ограждающей мя от всякого зла и тяжких обстоятельств.

Вокруг раздалось какое-то капашение, негромкий рык, шелест, словно комкали газету. И мне все стало понятно. И в прихожей лопнула лампочка. Я поневоле вспомнил подобные случаи. Опытный священник сказал бы: «Вышел враг!»

Осколки от лампочки пришлось подметать и даже включать пылесос. Я успел все окропить Крещенской Святой водой. Поблагодарил Бога. А тут и Лена вышла из ванной. С улыбкой. Даже поцеловала меня в щеку. Сказала: «Сходи в душ, а я приготовлю что-нибудь на скорую руку и поставлю тесто для блинов. Завтра же – Масленица!»

Георгия дома опять не оказалось. Так что, мы спокойно поужинали и отправились спать. Спал я глубоко, но не спокойно. И увидел... Позади Елены стояла уродина. Вместо рук у нее были ноги, а вместо ног – руки. Так что она находилась в каком-то перевернутом положении. Своей рожей безобразная тварь походила на крысу и какую-то хищную птицу одновременно. По-моему, на грифона. Из ее ушей выставлялись розовые в черную крапинку змеи. Причем каждая держала в пасти наливное, прозрачное

яблоко, - даже косточки их были видны. «А ведь это грех праматери Евы!» - подумалось мне.

Сначала уродина держала Лену сзади за плечи. Но вдруг отшатнулась. Задергала руками, словно обожглась. Стала дуть на них. А по ее телу, если его можно так назвать, пробежали искры, похожие на разряд электрического тока. И я понял, что Святая вода подействовала. Плюс – *Молитва задержания!* Но, должно быть, мразь тут же пришла в себя. И, не приближаясь теперь к Лене, принялась раскланиваться с появившимся откуда-то «стариком-корнем». И как же уродливо она это делала! Потом обе нечисти, взявшись за руки, пустились в пляс. Вульгарный, с отвратительными, откровенно похотливыми движениями! И еще припевали: «От нас не избавишься! Не избавишься! Не избавишься! Разведем! Разведем!»

А я подумал, что это – бесовка, приставленная врагом рода человеческого к Елене, точно так же, как и «старик-корень» приставлен ко мне. Но тут увидел, что в двух шагах от «плясунов» стоят Георгий и обе тетки. Они весело хлопали в ладоши в такт скрежещущей музыке, похожей на опусы то ли Шостаковича, то ли Шнитке, то ли Кабалевского, то еще кого-то, построенные на диссонансах. И сами даже пританцовывали. Бр-р-р!

«Вот и познакомились! Не иначе, как Молитва задержания сработала. Хотя бы увидел ту, которая изводит Елену. И узнал противоядие, которое от нее отгораживает. Слава Тебе, Господи! Слава милости и силе Твоей!» - подумал я о воздействии на бесовку. И начал молиться. Во сне! Причем читал даже те молитвы, которые, казалось бы, не помнил. Наверное, Ангел-Хранитель помогал. А может быть и сам за меня молился!

Утром, за завтраком, Лена, испытующе глядя на меня, спросила: «Тебе что, сон дурной приснился? Ты что-то

всю ночь бормотал, даже постанывал. Ворочался беспокойно.»

«Рассказать бы ей! Так ведь не поймет! Не поверит! Назовет фантазией! – подумал я. А вслух сказал ее тоном: «Не обращай внимания. Должно быть, просто переутомился. А снилось мне нечто из моего романа. И представляешь, не запомнил! А тебе что снилось?»»

Елена еще раз испытующе взглянула на меня. Помедлила с ответом. Пожала плечами: «Какие-то глупости. Но какие, я тоже не запомнила. Что-то вроде фантастики. Или даже твоих любимых «фэнтэзи». Хотя ими я никогда не увлекалась. Я тоже плохо спала. Тоже беспокойно. Наверное, погода дурно влияет. Снег, дождь, ветер. Промозгло!. Сувениры из Торжка и Мышкина я сама вечером разложу. А ты пока ничего не трогай.»

«Плохо спала... Фэнтэзи...» И я понял, что ее *они* мучили. А Лена посмотрела на часы, вскинулась и засуетилась: «У-у-у, времени-то сколько! Опаздываю! Еще «перышки почистить» надо!»

И она стремительно ушла собираться в нашу комнату. А я взялся за мытье посуды. Потом, когда Лена ушла, сел за рукопись романа. И просидел над ней до самого обеда. Даже не слышал, как Георгий пришел. А понял только тогда, когда он громко хлопнул дверцей холодильника. Ни тебе «здравствуй», ни каких-либо других слов. Не то, что обидно... Как-то не по-людски. Но я вдруг вспомнил недавний сон и роль Георгия в нем. И мне вдруг подумалось, что сын Владимира Высоцкого не признавал отца, когда тот был жив. А теперь строит из себя чуть ли не сподвижника «любимого папочки».

Я оделся и решил пройтись по магазинам. Купил разную «молочку», два сорта сыра. Даже разорился на баночку красной икры. Потом съездил на рынок, затоварился несколькими сортами рыбы, селедочкой. Как

раз, на всю неделю Масленицы. А вернувшись домой, доложил по телефону о покупках Елене. Но услышал от нее: «Ты же грозился мясное доедать! Егорке-то одному не осилить. Надо помочь! А то, говорю же, испортится! Колбаса, пельменей килограмм, отбивные, куриные бедрышки, ветчина!»

- И мясное доедим! И рыбное! Широ-о-окая Масленица! – пропел я два последних слова.

- Ну-ну! Посмотрим! Давай закругляться, а то у меня тут лежит важный документ «на контроле». Столько ошибок! Даже грамматических! «Училку» начальных классов из меня сделали. «Во-первых» и «во-вторых» без дефиса написали! Грамотеи! А ведь начальник службы бумагу составлял! - невесело вздохнула она. И повесила трубку.

А я отправился на кухню тереть для салатов сыр, морковь, отбивать и замачивать в яйце с майонезом мясо. Но когда пришел, Георгий уже отрезал два толстенных куска сыра, - с палец толщиной! – и, положив их на два тонких ломтика хлеба, выходил из кухни.

- Ты бы нормально поел. Отвари пельменей. Пожарь яичницу. Отрежь сала, - предложил я ему.

- Сам разберусь, - пробурчал он и вышел из кухни.

Мне ничего не оставалось, как пожать плечами и заняться ужином. В это время позвонил Костя.

- Санечка, - услышал я, - приезжайте с Леной в субботу заговляться. В воскресенье мы почти весь день будем на службе. К тому же, надо отдохнуть от возлияний, чтобы уже войти в Великий пост с трезвой головой. Ведь сам знаешь, что на Масленицу, кроме стакана и блинов ничего поднимать нельзя. Так что, часиков в четырнадцать ждем вас! Дорогу-то ко мне не забыл?

- Нет, конечно. Разве такое забудешь?! Лена придет с работы, и я передам твое приглашение, - засмеялся я.

Потом позвонил Игорь и тоже пригласил. Только в пятницу. И опять я сослался на жену. А когда она вернулась, то тут же, с порога объявила: «Анюта приглашает на блины в пятницу. К шести часам. В пять я освобождаюсь, и мы как раз успеваем.»

Я сказал ей о приглашениях Игоря и Кости. На это, подавая мне свое пальто, она ответила: «Давай поступим по справедливости. В пятницу поедем к моей подруге Анюте, а в субботу – к твоему другу Косте. А разве он не пригласил Игоря? Вы ведь – неразлучная «троица»! И встретиться можете у одного из вас. К тому же, у себя дома Игорь опять весь вечер будет читать свои стихи. А ты же знаешь, что я их не люблю и не понимаю. Не стихи Игоря конкретно, а стихи вообще. Тем более – патриотические. Там сплошной негатив! А у Кости в гостях, я очень надеюсь, он постесняется весь вечер посвящать себе, любимому.»

Хотелось мне напомнить Елене про «позитивные» песенки «походников», но я не стал делать этого, потому как наши с ней отношения, похоже, только опять стали налаживаться. И обострять их, ой, как не хотелось. Я тут же позвонил Косте. Спросил про Игоря.

- Навряд ли он просто физически сможет до меня добраться, ежели в пятницу будет праздновать Масленицу. Наш «великий и могучий».., хм.., и стакан-то в дрожащих руках будет с трудом удерживать. Но я все-таки позвоню ему сегодня. Приглашу. А вы-то с Леной приедете? Наташе так не хватает мирского женского общения! - засмеялся Костя.

- Непременно приедем! – ответил я и обрисовал наши планы.

- Добро, - ответил Костя.

Я пересказал Лене разговор с Константином, и она, что-то напевая, отправилась на кухню печь блины. А у меня вдруг откуда-то, - непонятно, - зримо всплыло в памяти... Несколько нарядных девушек звонко, задорно пели:

*Уж ты Масленица-полизуха,
Люлюшки-лели, полизуха,
Протянись ты хоть до Духа.
А мы Масленицу дожидали,
Сыром горочку посыпали,
Люлюшки-лели посыпали...*

Другие же, как бы задиристо наступая на них, при этом приплясывая, отвечали:

*Масленица, обманщица,
Обманула, провела,
Дала редьки хвост
На Великий пост.
Пошли по миру
С кузовами на боку, -
Всякий фиг казал:
Ничего не ели
До Святой недели...*

Откуда это, - я не мог вспомнить. Но сами песни, точнее их исполнение, явственно видел и где-то слышал. Но где? Когда? Я вышел на балкон покурить, но в ушах моих звучали слова и других Масленичных песен, полузабытых мною и большинством Русских людей. И странно! За балконом не увидел ни «старика-корня» ни его уродины-«подружки»!

Мы вчетвером пока решили не уходить с наблюдательного пункта. И, похоже, правильно сделали. Только Нефедовой предложили отдохнуть на нашей теплой лежанке. Василий Васильевич заботливо накрыл ее полушубком и на другой «печке» улегся сам. А я забрался на сосну. Но никакого движения у колодца не увидел. Да и не станут фрицы в ночное время ничего испытывать. Поди, дрыхнут сейчас генералы, что называется, без задних ног.

Испив шнапсу. Немецкий порядок и распорядок они соблюдают во всем. Даже если и днем темно. Полярная ночь!

Поэтому мы с Костей устроились у его потаенного очага и запивали трофейные галеты горячим травяным взваром.

На следующее утро гитлеровцы подкатили к колодцу сразу четыре тепловых пушки и принялись растапливать лед. А в это время поднялись и наши лежебоки. Мы с Костей на смогли сдержать улыбок, глядя Нефедову. Такой она выглядела раскрасневшейся от сна, неуверенной в себе, беззащитной, словно школьница старших классов. И вдруг, улыбнувшись, даже призналась: «Как же сладко я поспала!»

Но, вскинувшись, растерла лицо снегом и натянула на него обычную суровость. Не терпящим возражений тоном, изрекла: «Вам, Александр, со старшим лейтенантом сейчас - отдыхать. А мы с профессором понаблюдаем за фашистами с их летательным устройством.»

Надо же, она опять назвала меня по имени! С чего бы это? Но откинув всякие посторонние мысли, я доложил Василию Васильевичу о тепловых пушках и, накрывшись полущубком, завалился на свою лежанку. Заснул мгновенно. Безо всяких видений и сновидений. Только видел сквозь навалившийся сон, как профессор и Нефедова полезли на сосну.

А проснулся я от того, что Костя тряс меня за плечо: «Ну и здоров ты спать, Алесашка! Поднимайся! Дисколет - уже около колодца. Профессор сказал, что похоже, сейчас запускать начнут!»

Я мигом вскинулся. И вскарабкался на дерево. Василий Васильевич протянул мне бинокль: «Полюбуйтесь на наших лучших врагов. Похоже, у них дело-то налаживается. Господи, не дай вселенскому злу восторжествовать. Спаси, помилуй, пронеси.»

Нойда крикнул. Даже с дальнего расстояния мы с профессором, поминутно передавая бинокль друг другу, увидели, как вода закипела в колодце, аж через край заплескалась! И опять где-то в недрах земли раздался гул, переходящий в рык. Я посмотрел на Нефедову. Спросил: «А что вы, товарищ лейтенант, скажете на этот неприятный звук?»

Товарищ лейтенант опустила глаза: «Профессор же сказал, что советские ученые работают над этим явлением. С точки зрения диалектического материализма...»

И добавила, переходя на шепот: «Меня, Александр, между прочим, Аллой зовут.»

- Смотрите, смотрите! – прильнул к окулярам на миг Василий Васильевич. И тотчас передал бинокль мне. В свете прожекторов я увидел, как дисколет оторвался от земли, повисел несколько секунд в воздухе и мгновенно скрылся с наших глаз. Профессор делал какие-то пометки в своей записной книжке. Нефедова переводила недоуменный взгляд с него на меня и обратно. Плаксиво спросила: «А куда летательная машина девалась?»

- Три тысячи километров в час! Если не больше... Согласно моим расчетам. Это – не шутка! Какие же нагрузки должен испытывать пилот! Эх, сюда бы сейчас медицинского специалиста! - не отрывая взгляда от своих записей, задумчиво произнес Василий Васильевич.

А в это время гитлеровские генералы зааплодировали кому-то из их свиты. Стали пожимать ему руки, хлопать по плечу. Я пригляделся и увидел несостоявшегося тестя нашего Максима. Дернул головой в сторону поздравляемого. Пояснил Нефедовой: «Поздравляют изобретателя!»

Она же, не отрываясь от бинокля, произнесла: «Надо его брать! А мы ему быстро язык развяжем!»

- Брат? Ни в коем случае! Во-первых, дисколет еще не доработан. Если хотите, не доиспытан. Во-вторых, нам не

дадут до него добраться. В-третьих, как, если захват удастся, вы планируете переправлять его в Москву? Поведете через линию фронта? Или вызовите самолет? Для этого очень грамотные специалисты нужны. Нам не чета! Психологи, физиологи, даже гипнотизеры. Мы с отцом Валерием уже обсуждали разные варианты переправки его в Москву. Не ладятся они, - покачал головой профессор.

- Что-то не нравится мне ваша пораженческая позиция! Кто это нам не даст? Да мы... Да они... – вздернула подбородок Нефедова...

«В сорок первом уже «закидали шапками», повоевали «чужой» территории!» - подумал я, но говорить ничего не стал. А Василий Васильевич уже показывал рукой в сторону горы. Там повис над колодцем вернувшийся дисколет. Сел... И вдруг он завалился на бок.

- Стойка не выдержала. Но это – не вина изобретателя. Нагрузки-то какие! Неслыханные! Скорее всего, «смежники» нахимичили. Здесь, я полагаю, нужна особенная сталь. Или другой материал. Скажем, композитный. У немцев его пока нет. У нас ведутся разработки... А может быть, слава Богу, саботаж на заводе, - пояснил Василий Васильевич.

- У фашистов немало наших – в подполье. Во французском, чешском, даже в немецком. Товарищи делают свое дело, даже не боясь гильотины! - с пафосом продекламировала Нефедова.

- Пока в «аненербе» рассчитают и сработают новую стойку, пока привезут ее сюда, пока заново установят. Не менее недели у нас есть для пассивного наблюдения, - зевнул Василий Васильевич.

- Я еще понаблюдаю, - сказала Нефедова. А мы с профессором спустились с дерева. Уселись около потаенного очага. И стали дожидаться смены. Я спросил Василия

Васильевича: «А какой новый материал вы давеча упомянули?.. Ком-по-зиторский, что ли?»

Профессор засмеялся: «Композитный... Но это, голубчик Александр, - Богу весть, болтать не велено! Военная тайна в материаловедении! Я и сам только понаслышке о нем знаю. Уж простите! Скажу только, что сам «отец народов» контролирует эти разработки. И давайте не будем при Нефедовой об этом толковать! Все-таки – «государственная безопасность». А что нам от нее ждать? Даже думать об этом не желаю!»

Мы дождались смену и отправились в лагерь. Нефедова о чем-то сосредоточенно думала. Даже лоб смешно наморщила. Я не выдержал и сказал: «Зачем вы так морщите лоб, Алла? Вам это совсем не идет. Раньше времени морщины будут.»

- Да? Хорошо, не буду, - как бы очнулась она от своих мыслей. Даже улыбнулась. Я ответил улыбкой: «Вот так-то лучше! Когда вы улыбаетесь, то вся светитесь!»

- Да? Хорошо. Постараюсь почаще... упобляться лампочке Ильича! - как будто удивилась Нефедова моим словам.

Но в лагере случилось чрезвычайное происшествие. Оказывается Иосиф с Илией-«муромцем», будучи в «секрете» у моря, выследили белого медведя. Сделали себе по рогатине. Илия, привыкший в одиночку охотиться в своих Муромских лесах на бурых, русских мишек, решил, что и здесь справится. Однако, не тут-то было. Илия насадил зверя на рогатину, но подскользнулся. И медведь немного помял его и потрепал. Иосифу пришлось идти на помощь. Воткнув рогатину, он топором зарубил хищника. И на волокуше привез неудачливого охотника в лагерь. Я как раз, не найдя отца Валерия в штабе, зашел к сестрице в санитарную землянку, когда она перевязывала раны Илии. От нее и узнал о случившемся. А тут вошел и батюшка.

Долго смотрел на «муромца». Наконец перекрестился и сказал: «Ты нужен в отряде, как боец с врагом, а не со зверьем. А подобные поступки в армии могли бы расценить, как умышленное членовредительство. И расстрелять! К тому же, я вынужден был людей отрывать от дела, посылать за медвежье тушей. Да и сам впрягся в волокушу. Тебе прощается только потому, что ты хотел заготовить мясо на весь отряд.»

- И жир! Он полезный внутри и снаружи. Например, при обморожении или от ожогов. Так бабушка меня еще учила, - вдруг подал голос наш «богатырь». И начал оправдываться: «Мишка-то был совсем молодым. Почитай, отче, взрослеющим подростком. Я бы заломал его, если бы не оступился. Прости, Христа ради за то, что навык с этой войной потерял!»

- Он еще и перечит! Ладно. Бог простит, и я – туда же, - спрятал улыбку в усы и бороду отец Валерий и вышел из санитарной землянки. Я перед тем, как последовать за батюшкой для доклада, услышал, как сестра пожурила Илию-«муромца»: «Ну, скажи мне на милость! На носу – Рождественский пост, а ты добыл столько мяса!»

- Не пропадет на морозе. Нарубим. Развешаем на деревьях. А на Рождество Христово аккурат сгодится. Да и жир тебе, Агния Александровна, в лечебных целях – первое дело. А раны мои – тьфу. К утру заживут, как на кошке! – пробубнил разведчик.

...Мы вчетвером явились к батюшке на доклад. Выслушав, он отправил нас отдыхать. Но меня подзадержал. Когда Костя, Василий Васильевич и Алла ушли, тихо сказал: «Возьми, Александр придорожные «секреты» под свой присмотр. Подчиненных Нефедовой в них не ставь. Сдается мне, что «наш» изобретатель в Берлин вылетит. За этой штуковиной... Которая сломалась... Так до большого аэродрома добраться еще надо. А ежели наша лейтенант

государственной безопасности, не дай Бог, узнает, что он едет, самочинно дров наломать может. Ведь – без царя в голове. И пока – без Царя в сердце. Так что, отдохни часика четыре, и Бог да благословит тебя.»

- А Юрок? – спросил я.

- Он сейчас мне нужен для другого дела, - был ответ.

...Наступил Рождественский пост. На уже на него Илие-«муромце» и вправду все зажило, как на кошке. И чуть ли не на третий день, после поединка с медведем, он попросился в «секрет». Но Агнюша воспротивилась, мол, рановато еще. Швы могут по дороге разойтись. Мол, пусть лучше пока под ее присмотром побудет. Отец Валерий засмеялся в ответ на просьбу Илии: «Вот, былинный богатырь, и будет тебе наказание: две недели помогать на кухне. В другой раз без благословения и молитвы на медведя в рукопашную не пойдешь.»

Потом мы праздновали Введение во храм Пресвятой Богородицы. Подчиненные Нефедовой ежедневно по несколько часов день метали ножи, топоры, саперные лопатки и «звездочки». Последние, как я узнал, назывались цурикенами, брошенные умелой рукой, пробивали насквозь сантиметровую доску. Да что там доску?! Марик с десяти метров расщеплял «звездочкой» сосновую ветку с руку толщиной. И как раз посередине. Партизаны поневоле любовались, как «немтыри» в одних кальсонах на морозе прыгают назад через голову, вбок, вперед. Как бегают, когда на плечах стоят два, а то и три «товарища»... Акробаты. А еще и пар от них шел! Но более всего наших заинтересовала борьба с какими-то мгновенными резкими ударами и звериными движениями. Но когда кое-кто из партизан попросил их научить хотя бы некоторым приемам, «немтыри» всякий отрицательно крутили головами: мол, нет. А Нефедова пояснила: «Все равно ни у кого из вас не

получится. Этому они обучаются с детства. И тренируются ежедневно. Без выходных и праздников.»

И только Никита хмыкнул: «Это японская борьба. Не помню, как называется. Мне дед рассказывал. Он в девятьсот пятом в пластунах служил. Аккурат под Ляояном. Так японские рукопашники, нинзи, кажется по-ихнему, - ну, да, - наших пластунов побаивались.»

Он опустил голову. Но тут же вскинул. Заулыбался: «А хотите, братие, байку расскажу времен Русской-японской войны?»

Все отвлеклись от зрелища. А Никита продолжил: «Возвращается пластун и из разведки. Взопревший весь, потому как на плечах кого-то несет. Хорунжий поглядел и поясняет, что, мол, нинзя «языком» оказался. Спрашивает пластуна, мол, зачем же ты его на себе тащишь? А казак, мол, - ваш бродь, пришлось! Кто ж знал, что он, баранья башка, голый пяткой на шашку полезет! Порезался!.. Ха-ха! Голый пяткой - на вострую шашку! Дед много таких баек порассказал.»

Партизаны дружно засмеялись. Но вмешалась Нефедова. Она подошла почти вплотную к Никите. И тихо, но строго сказала: «Я бы попросила больше не упоминать никаких национальностей при Марике. Да и при других моих бойцах тоже. А то врагов наживете. Он по губам читать может. Хорошо, что сейчас отвлекся и не видел. У меня ведь в подразделении и чукча есть. Стрелок отменный. Есть в группе и башкир. У нас ведь – интернационал. Впрочем, как был и у вас, в исправительном лагере. Так что попрошу...»

- Как прикажете, товарищ лейтенант государственной безопасности! – вытянулся и козырнул Никита.

- Ирония, товарищ партизан, здесь неуместна, - вдруг мягко сказал Алла. И ушла в уже обжитую, вырытую для

нее одной маленькую землянку. А Никита вслед ей пробурчал: «Гусь свинье не товарищ.»

...Нефедова вместе с Василием Васильевичем и Костей продолжали ходить на наблюдательный пункт. А когда черный «хорьх, в сопровождении пяти мотоциклистов и бронетранспортера проехали в сторону большого гитлеровского, аэродрома, батюшка облегченно вздохнул: «Теперь можешь присоединиться к Василию Васильевичу и иже с ним. Юрок выполнил мое задание, и теперь будет ставить «немтырчиков» в «секреты. Только, конечно, в паре с нашими, «товарищами зэками». Но опять же, до времени. Полагаю, в Берлине конструктор прогостит не менее двух недель. И на обратном его пути в бесовскую гору глаз да глаз нужен.»

- «Немтырчиков»? Но там есть и говорящие! – заметил я.

- Говорящие они со слов своей командирши.

- А она, как мне показалось, помягче в общении стала. Несколько раз меня даже по имени назвала!

- По имени? – вскинул брови батюшка. Но, больше ничего не сказал. Только испытующе посмотрел на меня. А я предложил: «Батюшка, но почему нам не ставить, как вы назвали, «немтырчиков» в «секреты», расположенные подальше от дороги?»

- Я так и делаю. Их - двенадцать человек. А сколько у нас секретов? Посчитай! То-то. Ладно, ступай отдыхать с Богом, - широким крестным знаменем благословил меня отец Валерий.

Началась привычная служба на наблюдательном посту. Не забывала Нефедова проверять и «секреты», когда в них дежурили ее подчиненные. Однако, всякий раз обращалась ко мне: «Александр! Вы проводите меня! А то Георгий, насколько я поняла, недолюбливает государственную безопасность.»

Конечно же, я соглашался. И она всякий раз шла рядом, чему-то улыбаясь. Но лицо ее суровело, стоило нам только дойти до очередного «секрета». Она как будто нарочно искала недостатки и просчеты там, где их не было и, вобщем-то, не должно было быть. Но выговоры делала только своим подчиненным. наших партизан, что называется «не трогала», если для этого не было веских причин. Я однажды спросил, для чего она это делает. Так она ответила: «Чтобы они были постоянно в напряжении. Повышенная бдительность дисциплинирует. Заставляет быть начеку. Так нас в нашей школе педагог по психологии учила. Марта Моисеевна... Профессиональная революционерка во втором поколении. Совсем девчонкой участвовала в разгроме «Антоновского» мятежа эсеров. Только представьте! Вместе с Тухачевским! Правда потом вынуждена была разоблачить и его. Но ведь революционная правота – дороже!»

- Антоновский мятеж? По-моему, на Тамбовщине? В военном училище это нам по «истории КПСС» преподавали. А потом я узнал, что там восставших крестьян с женами и детьми ипритом травили? – спросил я.

- А что было делать?! Жены и дети, воспитанные на классовой вражде к революции и советской власти, не поняли бы, и не простили бы нас. И сами бы пошли по пути мужей и отцов. А классовый враг опаснее любого другого. Опаснее и коварнее даже гитлеровцев! И если враг не сдается, преступно не уничтожить его, - стальным тоном проговорила Алла.

- Ну-у-у, - протянул я, - эсеры, особенно максималисты, как говорит батюшка, всегда были главными террористами. Так, может быть, за это и получили «вышки». Жалко только полуграмотных в политическом отношении крестьян. Эти-то не ведали, что творят!

- Причем тут террористы?! Мы, большевики, тоже в свое время, объявили «красный террор»! И даже сейчас выкорчевываем тайных врагов народа. Троцких, тухачевских и прочую нечисть. Это, - что тогда, что сейчас, была и есть политическая необходимость! - почти выкрикнула Алла

Честно говоря, слушать это было мне крайне неприятно! Но изменения, происходившие в самой Нефедовой, чувствовались по едва уловимой неуверенности ее тона.

«Бедная ты, бедная. Окрошка у тебя в голове, перемешанная с манной кашей! Вразуми ты, Господи!» - подумал я.

- Ой, - как ни в чем не бывало, воскликнула Нефедова, - как посветлело. Словно утро наступило. Рассвет. Но какой-то он, зеленоватый, голубоватый! Даже снег разноцветится!

Я показал на небо. Там полыхало северное сияние. И Алла застыла, задрав голову, разведя в стороны руки, восторженно, совсем по-детски улыбаясь чуду природы. В свечении небесном я увидел, как преобразилось, расцвело, похорошело лицо девушки. Сейчас она не была «лейтенантом государственной безопасности»! Тогда я сказал: «Чудо Божие!»

Алла восторженно кивнула. Шепотом повторила за мной: «Чудо. Чудо Божие!»

Но явно смутилось моему согласию. Даже испугалась своих слов. Поникла головой. Сделала шаг и... подскользнулась. Чуть было не упала. Я едва успел поддержать ее. И она вдруг покраснела. Прошептала: «Зачем же вы? Я бы сама... Но все равно, спасибо.»

...Выйдя рано утром на проверку «секретов», мы тогда вернулись только к обеду. Хотя «рано утром» наступило только по наручным часам. Над Кольским

полуостровом стояла полярная ночь. А вот теперь полыхало и красовалось северное сияние.

Василий Васильевич, сидевший с нами за столом и прикованный взглядом к небесам, вдруг сказал, как выдохнул: «Мы видим трубы! Трубы небесные! Архангельские! Кипящие неземным золотом. И кажется, они грянут сейчас, через секунду Гимн Творцу!»

Все, сидящие за столом, молчаливо согласились. И тут вдруг Нефедова произнесла стальным голосом: «Вам бы, профессор, не наукой заниматься, а стишки кропать. Но лучше, чем у Маяковского, все равно не получится... «А вы ноктюрн сыграть смогли бы на флейтах водосточных труб?» А вы – «трубы небесные»! Да еще и «архангельские»! Опиум для народа! Наверняка, ученые да-а-авно объяснили данное природное явление.»

Я смотрел на Аллу и не узнавал ее. А она громко отодвинула миску от себя. Скривила губы: «Опять рыбный суп! Каждый день рыбный суп! Сколько можно?! И на второе – наверняка тоже рыба! Вон, мяса на деревьях висит сколько! Или наши кухарки разучились готовить?!»

- Во-первых, мы - не кухарки, а фельдшер и радистка. Настоящие кухарки у нас страной управлять пытаются. Да что-то у них не получается! А вы, милочка, взяли бы, как женщина, да и помогли бы! - начала, было, Агнюша. Но ее перебила Машенька, от возмущения и обиды вспыхнувшая лицом: «Во-вторых, это – не суп, а уха. А в-третьих, на дворе – Рождественский пост! Мясное, молочное, яйца не вкушаются! Не будем же мы с фельдшером Агнией Александровной для тринадцати ваших бойцов против восьмидесяти постящихся партизан отдельно мясное готовить! Наймите настоящую кухарку! И Василий Васильевич очень красиво, поэтично и художественно сказал! Северное сияние – это не водосточные трубы вашего Маяковского. Никогда его рубленых, словно

непрожаренные, тухлые котлеты, стихов, не любила! А прекрасное, как сказал великий Александр Сергеевич Пушкин, должно быть величаво. Вы-то хоть читали его стихи. Навряд ли! Ведь ваш Маяковский, вкупе с алтаузенами и демьянами бедными, предлагал национального нашего гения Пушкина расстрелять. Посмертно! А памятник князю Пожарскому и гражданину Минину снести! Недоумки! Пушкина-то убили враги. А Маяковский сам застрелился! Непрощаемый грех!»

Нефедова вскочила из-за стола и, низко опустив голову, не притронувшись к обеду, убежала в свою землянку.

- Ну, девка! Огонь! Уела ты ее! – крутанул головой Никита. Улыбнулся, одобряя Машеньку.

- И поделом! – отозвался Николай Макарович.

- И-и-и, братие, по-хорошему пожалеть бедняжку надобно. Тоже ведь девушка! - вздохнул Игорь.

- А может быть и вправду помолиться за нее соборно? – предложил еще кто-то.

- А крещеная ли она? С папой – заслуженным чекистом? Эти-то все – атеисты-богохульники... - ответили ему.

- Да-а-а... Сколько священников, монахов, матушек в расход пустили. Так что и наша лейтенант государственной безопасности с таким папашей – тоже, похоже, нехристь, - вздохнул какой-то бывший военнопленный.

- Сама виновата! Сбавила бы гонор-то. А вообще, все они, бабы, лживые! - заметил Максим.

В это время к столу подошел батюшка. Внимательно оглядел собравшихся. Спросил: «О чем спорите, братие?».

К нему тут же подошли Агнюша и Машенька. Принялись наперебой рассказывать о происшествии. Отец Валерий слушал, опустив голову. Часто крестился. Шевелил

губами. А выслушав, направился к землянке Нефедовой. Постучался в дверь. Вошел...

Как он говорил с Аллой, о чем, никто, конечно, не знает. Но в это время к столу подошел Марик. При виде рыбы у него даже глаза загорелись. Он ел, восторженно причмокивал. Качал головой. Что-то мычал. А съев второе, сузил в улыбке глаза. Плотно погладил себя по животу и поднял вверх большой палец: «М-м-м-м!»

- Понравилось! Я слышал, что для японца рыба – наилучшее лакомство, - пояснил Николай Макарович. А Марик, должно быть, прочитав по губам, одобрительно замычал и закивал.

Но в это время из дверей землянки показался отец Валерий. Он подошел к Агнеше и Машеньке. Громко сказал: «Поставить бы вас на поклоны! Человек только начинает оттаивать от безверия. А бесы не хотят отпускать. Разве не понятно? Диктуют всякие гадости. Вам бы помочь Нефедовой, а вы принялись осуждать, отчитывать и поучать. Выволочку устроили! Кстати, она крещеная в детстве бабушкой. Говорит, что когда отец узнал об этом, чуть было не пристрелил старушку. Хотя сам-то – тоже крещеный. Так что, братие, будем сугубо соборно молиться за рабу Божию Аллу.»

Он посмотрел в булькающие на костре котлы. Попросил Агнешу: «Налей-ка мне ушицы. И в кашу хвостик положи. С детства люблю почему-то именно рыбы хвостики. А сами обе пойдите к Нефедовой. Отнесите обед. Не будет же она с красными от слез глазами перед подчиненными ходить. Да не забудьте по-христиански прощения попросить. Даже ежели сами не виноваты. Посудачьте по-женски. Ступайте с Богом!»

- Но... - попыталась возразить сестра.

- Ба-а-тюшка! – воскликнула Машенька.

Однако отец Валерий перебил их. Даже опустил голову и замахал обеими руками: «Ничего, ни-че-го не хочу ни знать, ни слышать! Примите, Агния Александровна и ты свет-Мария мои слова, за священническое благословение на послушание.»

Потом он подошел в партизанам, притихшим за столом. Покачал головой. Вполголоса проговорил: «И-и-и! Православные христиане! Мужчины! Ведь у кого-то, у самих есть дети, жены, матери. Их тоже принародно обсуждаете и осуждаете? А тут – вчерашняя девочка, женщина! К Богу только первые полшага сделала. Даже не шаг! После «государственной безопасности» и папы – заслуженного чекиста. Или подзабыли, как силен бес? Горами колышит, а людьми, что вениками трясет. Или сами все – без греха?! Молиться за рабу Божию Аллу надо всем миром. О спасении ее душеньки. Полюбить, как заблудшую сестру во Христе. Как своих ближних любите! Бог-то есть Любовь! А вы, как старухи на базаре, косточки ей перемываете! Грешно! Стыдно!»

Отец Валерий явно без аппетита похлебал ухи, поковырялся в каше, обсосал рыбный хвостик. Встал. Перекрестился. Обвел партизан укоряющим, но одновременно и жалеющим взглядом. Развернулся и, как бы рассуждая сам с собой, зашагал в штабной землянке. Пристыженные партизаны, молча, тоже стали расходиться.

Через час-полтора после этого из землянки Нефедовой выпорхнула Машенька. Но тут же вернулась с вещмешком на плече. А когда я постучался туда, потому как, по слову отца Валерия, захотел подбодрить, поддержать Аллу, то сразу три голоса мне ответили: «Нельзя-нельзя-нельзя!»

Конечно же, это кричали Агнюша, Машенька и Алла. И, конечно же, две первые примеряли что-то из своих небогатых нарядов на третью. Поэтому я отошел к костру, присел на бревнышко и закурил. Но вскоре из землянки с

грязными мисками в руках показались сестра и Машенька. Проходя мимо меня, Агнюша улыбнулась. Повела подбородком в сторону земляки Нефедовой: «Слава Богу, задремала.»

- Еще бы! После такого нападения вражьего! – поддержала Машенька.

- Одно смущает. Вместо икон она, неразумная, в Красном углу закрепила портреты Ленина и Сталина. Не к ночи будь она помянута! Прости, Господи! Спаси нас и сохрани! Как бы с этим пархатым вождем мировой революции бесы к нам не налетели! – вздохнула Агнюша.

И она вместе с Машенькой пошли топить снег, чтобы нагреть воды для мытья посуды. Но не успел он растаять в котле, как из землянки выскочила Алла. И, засучив рукава своего «комбеза» встала рядом с сестрой и Машенькой. Засмеялась: «Пока отец уходил на службу, я должна была до школы успеть вымыть посуду. Так что мне не внове. Он у меня любил порядок! Аккуратист! И представьте только: за уборкой ли, за стиркой ли заставляя меня петь «Интернационал» и другие революционные песни. Особенно любил «По долинам и по взгорьям», «Тачанку», «Мы красные кавалеристы.»

- «По долинам и по взгорьям» - переделанный марш белогвардейского Дроздовского полка «Из Румынии походом»... Точнее, Царского, монархического, совершившего многокилометровый переход из Румынии во время Гражданской войны. А на чужбине дроздовцы выполняли, как сейчас говорят, свой интернациональный долг. Та же тачанка – изобретение генерала фон Келлера. И песня о ней – родилась в четырнадцатом году, в его соединении, - подал голос я, хотя и сам совсем недавно узнал об этом. На что Агнюша ответила мне за Нефедову: «Алексаша! Ты бы шел по своим делами и не слушал бы женские разговоры. Некрасиво это! Да и тебе - бесполезно.»

- Алекса-а-аша.., - словно эхо отозвалась Алла.

Агнюша же, как бы оправдываясь, засмеялась: «Да я – его родная сестра! Старшая! И мы чудом, Божией милостию встретились здесь, когда он выпрыгнул из самолета. Говорю же: ста-а-аршая сестра. Потому и журю, наставляю иногда. Воспитываю!»

Я, уже уходя, обернулся. И увидел, как в глазах Аллы вспыхнули разноцветные звездочки. Машенька с Агнюшей многозначительно переглянулись. Наша радистка даже хихикнула.

...А когда мы в очередной раз шли вчетвером к нашему наблюдательному пункту, Алла, вдруг приотстав от Кости и Василия Васильевича, подзадержала меня на тропе. И взяв под руку, спросила: «Александр, вы тоже осуждаете меня за ту мою выходку по поводу ухи и жареной рыбы? Хотите, я у всех наших партизан принародно попрошу прощения?»

Я погладил ее по ладонке, обхватившей мою руку, и ответил: «Об этом не спрашивают. Просто просят прощения... или не просят только по своему решению. Как на сердце лежит. Ну, разве что, еще в прощенное воскресенье, накануне Великого поста. Слышали про такое? Женщины-то, поддавшиеся на ссору, вас давно простили. А мужики – тем более. Даже виноватыми перед вами себя чувствуют: мол, им в самую пору просит прощения у вас. Но о собственно об акте и силе прощения спросите лучше у батюшки. Я не силен в вопросах богословия. Или как еще эта наука называется. А что касается меня... Как я могу вас осуждать? Других грехов – по самую макушку!»

- Спасибо! – сжала она мой локоть. И, отпустив его, догнала Василия Васильевича и Костю. Что-то весело защebetала профессору. Костя же с недоумением и удивлением то и дело оборачивался на Аллу. Потом с таким

же выражением лица посмотрел на меня. А я засмеялся и махнул на него рукой: иди, мол!

Изменений в наших наблюдениях не было. Должно быть, конструктор-изобретатель решил в Берлине, в семье отпраздновать Рождество Христово, пусть даже не веруя в него.

...А мы уже начинали готовиться к Святым дням. Агнюша, Алла и Машенька шили из заячьей кожи кисеты и нехитрыми узорами вышивали их. Юрка я однажды застал притавшимся между землянок. Он, сидя на чурбаке, что-то выстругивал. А мне пояснил: «Рябиновую трубочку для Николая Макаровича вырезаю. Пусть порадуете старик!»

Со всеми остальными партизанами была та же история. Даже Марик, должно быть, для наших женщин, из прошлогодней травы сплетал небольших куколок, наряжал их в обрывки тряпок. Поднимал над головой. Разглядывал на свет. Довольно улыбался. Иосиф, высунув от усердия кончик языка, сшивал из заячьих шкурок крохотных, тоже кукольных зайчат, волчат, песцов. Несколько партизан мастерили складень. На бересте пытались изобразить Господа нашего Иисуса Христа, Его Пречистую Матерь Пресвятую Богородицу и Пророка, Предтечу и Крестителя Господня Иоанна. И надо же! Получалось! Словно над складнем сидели профессиональные иконописцы. Другие из веточек, щепочек, и иного подручного материала сооружали *Вертеп*. Святые фигурки праведного Иосифа, Богородицы и Богомладенца, а также различных животных вырезали из трофейных картонных коробок из-под продуктов. Кто-то даже ножницами по металлу из самых тонких частей сгоревших гитлеровских мотоциклов вырезал и красил травяными отварами, перемешанными с машинным маслом, елочные игрушки. Но это все делалось в свободное от дежурств время.

А я ломал голову, не зная, что же подарить сестрице, Машеньке и Алле. Даже молился, чтобы Господь вразумил меня. И Он подсказал. Я выстругал из деревяшек три маленьких самолета. Такие же, на которых летал сам. Покрасил. Но вместо звезд нарисовал на фюзеляжах и хвостах Двуглавых Орлов. И очень остался доволен своей придумкой. Своей? Божией подсказкой! А я-то, олух Царя Небесного, чуть было не позабыл поблагодарить Господа. Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Господи! Слава Тебе!

И я прочитал благодарственные молитвы. А утром опять, в привычном составе отправился на наблюдательный пункт. Но на этот раз генералы и старшие офицеры в сопровождении двух десятков мотоциклистов, бронетранспортера и двух танков колонной выехали из горы. Алла даже губу закусил: «Эх! Заложить бы на дороге пару хорошеньких фугасиков и всем скопом поднять эту гоп-компанию на воздух! У нас ведь имеются фугасы?»

Константин покачал головой. Показал на небо: «Как бы нам, товарищ лейтенант государственно безопасности самим не оказаться в указанном вами месте! Нам даже близко не дадут подойти, а не то, что выйти на дорогу и что-то заложить. К тому же, на головном танке каток-миноискатель установлен. Так что, идея с фугасами – не самая удачная»

И в самом деле, над горой воздух «прошивали» несколько «мессеров», изредка попадая в перекрестья своих же прожекторов. Но они легко угадывались по звуку. Когда же колонна тронулась, истребители выстроились на малой высоте для ее сопровождения.

- Свое Рождество и Новый год отправились праздновать, - вздохнув, заметил Василий Васильевич.

- А что, если именно сейчас при уменьшенном гарнизоне нам штурмовать гору?! – не унималась Нефедова.

На этот раз покачал головой Василий Васильевич: «А вы уверены, голубушка, что мы найдем техническую документацию? Сие дело не одного-двух часов, а нескольких дней. Гитлеровцы успеют радировать о нападении, и помощь им не заставит себя долго ждать.»

- Да-да, - задумавшись, кивнула Алла, - нам в школе говорили, что фашисты даже минируют свои сейфы, чтобы сберечь секреты. А копии документов хранятся в рейх-канцелярии.

- Или еще где-нибудь. Скажем, в подвалах замка, в котором находится штаб-квартира «аненербе», - кивнул профессор.

...Возвращались мы в лагерь, как говорится, не солоно хлебавши. А в нашей штабной палатке застали уже знакомых «товарища Акима», племенного комсомольца, положившего глаз на Машеньку, и еще третьего, незнакомого нам. Разговор опять шел на повышенных тонах. «Товарищ Аким» стальным голосом вещал: «Ваш отряд безо всяких возражений должен влиться в партизанскую бригаду, которой командую я.»

Комсомолец и другой «гость» снисходительно кивали. А первый, взглянув на Аллу, даже вскинул брови, когда она вдруг жестко спросила: «Чей это приказ?»

«Гости» с недоумением посмотрели на нее. Комсомолец даже сделал вопросительный жест, мол, эта еще кто такая? Должно быть, от неожиданности «товарищ Аким» ответил: «Политбюро ЦК ВКПб».

- Если я не ошибаюсь, вы – товарищ Аким. Я вас узнала. Выйдем на минуту из землянки, - не меняя тон потребовала Нефедова. И партийный функционер безропотно подчинился. А вернулся побледневшим. Разведя руками, он промямлил: «Я и не знал. Что же вы в штаб нашей бригады не заглянули?! Ведь наверняка ведаете ее расположение.»

- Не было времени, - отрезала Алла.

- Ну тогда вопросов к командиру отряда больше нет. Покормите нас с дороги? – спросил «товарищ Аким». И они отправились в нашу трапезную под открытым небом.

- Что вы ему сказали? – спросил я Нефедову.

Но она со смешком только махнула рукой: «Хм... Так, поговорили о своем, «о девичьем». Лучше, Александр, доложите командиру о результатах наблюдения.»

Что я и сделал. Не забыл сказать и о предложениях Аллы, и об опасениях Василия Васильевича. На что отец Валерий вздохнул: «Не знаю, какое решение принять... Давайте-ка, помолимся вчетвером! Господь и вразумит. И подскажет. И наставит!»

- Помолиться? Я? Я не знаю слов, которыми молятся. Бабушка учила в детстве. Но я тогда была совсем маленькой. И конечно же, все позабыла., – растерялась Алла. Даже покраснела. Но я подсказал: «А вы повторяйте за нами! И Господь сам будет молиться за вас. И ваш Ангел-Хранитель - тоже. И ваша Небесная Покровительница, святая Алла.»

- Да? Правда? А у меня есть таковые? И даже Алла? Хотела бы я хоть одним глазком посмотреть на них... Хорошо. Я попробую. Если ты... Если вы сказали... Только в это время, пожалуйста, не смотрите на меня, - неуверенно, все еще растерянно ответила Алла.

И мы, по слову батюшки, встали на молитву. Краешком глаза я видел, как Нефедова, шевеля как бы через силу губами, переминается с ноги на ногу, краснеет, бледнеет, вытирает испарину со лба.

В среду Лена поехала на работу со своими блинными. Даже баночку красной икры с собой купила. И предупредила: «Мы в отделе сегодня Масленицу отметим. Так что, я подзадержусь. Но долго засиживаться не буду. А

вы с Егоркой ужинайте без меня. Блинов я на вашу долю оставила. А икру у Анюты в гостях есть будем. Я еще баночку на распродаже прикупила.»

Проводив Елену, я, как всегда, отправился по магазинам, чтобы заготовить продукты уже на Великий пост. Заодно купил себе фляжку коньяку, рассуждая, что раз жена собралась выпивать, то мне сам Бог велел! А вернувшись, отпраздновал в одиночку. Прилег на часик. Но вдруг вспомнил, что уже с нынешней среды читается молитва святого преподобного Ефрема Сирина. Поэтому поднялся с дивана, встал на колени. Прочитал:

*Господи и Владыко живота моего!
Дух праздности, уныния, любоначалия
и празднословия не даждь ми.
Дух же целомудрия, смиренномудрия,
терпения и любви даруй мне рабу Твоему.
Ей, Господи, Царю! Даруй мне зрети моя
прегрешения и не осуждати брата моего,
яко Ты благословен во веки веков.*

Аминь.

Поднявшись с колен я сделал двенадцать земных поклонов. И сел за рукопись. Удивительно, но после коньяка работа заладилась! Или после молитвы?.. Так что, поспать часик у меня не получилось.

...С работы я встретил Елену на трамвайной остановке напротив дома. Веселенькую. Она что-то щебетала. Как будто рассказывала о масленичной вечеринке отдела. Я слушал в пол-уха. И все думал о своем романе, о том, как легко пишется после молитв, которые, честно говоря, я нередко забывал читать. В лучшем случае, ограничивался кратким Серафимовым правилом. И в который раз давал себе слово вычитывать полное Молитвенное Правило. Утреннее и вечернее. Теперь

возмечталось прибавить к нему главу Святого Евангелия и хотя бы один Псалом. Дай-то Бог!

Придя домой, Елена принялась показывать фотографии с вечеринки. Оказывается кто-то из сотрудниц принес «на блины» «Полароид», - или «Поляроид», шут его знает, как правильно, - и сделала несколько «мгновенных» фотографий. А Лена объясняла, кто есть кто. Рассказывала что-то забавное про каждого и каждую. Мне, собственно, было не очень интересно, но я внимательно слушал, даже кивал и смеялся рассказанному.

Я спросил жену: «В пост телевизор будем смотреть? Игорь, например, даже разворачивает его экраном к стене. А Костя смотрит только «последние известия» Но детей к телевизору не подпускает.»

- Уж этот твой Игорь! Непризнанный гений! А стихи он тоже во время Великого поста не пишет? И ведь хвалишь ты его, потому что он хвалит твой роман! Как в басне Крылова! «Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку!» - хмельно всплеснула руками Елена.

- Почему же непризнанный? Читатели любят его стихи. Только те читатели, которые не равнодушны к России, к ее истории, к ее современной судьбе. К тому же, если бы ты читала его стихи, то знала бы, что в них Игорь прославляет Бога, - опустив голову, чтобы скрыть обиду, ответил я. Накануне Великого поста мне совсем не хотелось ссориться с женой.

- А телевизор во время Великого поста я смотреть буду. Единственная радость в жизни! Позитив! Буду смотреть! А ты – как знаешь! Можешь не смотреть! Хотя по первому каналу каждый день священники проповеди читают, – проговорила сухо Елена и ушла в ванную. А вернувшись, словно демонстративно, сразу уселась в кресло перед своей «единственной радостью».

«Опять мы подвержены демоническим страстям! Представить невозможно! Не муж, не сын – ее единственная радость, а те-ле-ви-зор! Оболванивающий ящик! – со скорбью подумал я. Но решил на следующий день утром, когда Лена уйдет на работу, все-таки послушать проповедь священника, «дежурного» по первому каналу. А теперь сел рядом с ней в кресло. Взял жену за руку. И так захотелось мне передать ей частицу своей энергии, своей веры. А она наслаждалась «Операцией Ы и другими приключениями Шурика». Неплохой, веселый фильм! Но ведь он совсем недавно шел по другой программе! И Лена с тем же увлечением смотрела его. Зомбированность какая-то на определенные фильмы. И она не желает видеть что-то другое. Ведь в помойке современных западных лент изредка попадаются неплохие картины! По-настоящему русские! Даже с намеками на православие. Тот же «Остров», или «Поп».

Лена оценила мой жест и ответно сжала мне ладонь. А все-таки я люблю ее! Лю-у-блЮ!

Но на следующий после ухода Елены на работу я все-таки включил телевизор, с экрана которого вещал довольно молодой священник. Но он с покровительственным видом, даже как-то снисходительно, говорил такие прописные истины, которые и полуграмотные старушки знают. Я послушал-послушал. Подумал: «Для кого он «америки» открывает? Для молодежи? Но она вся или на работе, или учится. Да и может ли такой молодой священник «учительствовать»? Тем более, поучать людей воцерковленных, кому уже за пятьдесят, таких как, например, Игорь, Костя или я? Кто-то из святых отцов поучал, что прежде чем учительствовать и окормлять прихожан батюшка должен не менее восьми лет набираться духовного опыта. О проповедях я и не заикаюсь! А этот вещает на всю страну! Или это опять – чистой воды

профанация? Даже насмешка какая-то! Боже упаси осуждать священника! Нет, я просто рассуждаю. Ведь даже кто-то из святых Апостолов призывал испытывать епископов, не то что иереев.»

Думая так, я выключил телевизор и ушел в нашу с Леной комнату работать над своей рукописью

...В пятницу мы, опять с блинами и с красной икрой, поехали к Анюте. Но оказалось, что ни она, ни другие «походники» не постятся. На столе опять была курица, колбаса, сало. Я сказал об этом Елене. Она махнула рукой: «Не пойдем же мы в чужой монастырь со своим уставом! Для приличия съедим по кусочку мясного. А будем налегать на рыбу. Не будем же просить Анюту положить нам пустую картошку! Неприлично! А потом, как ты говорил? А? Что-то вроде того, мол, любовь выше поста? Правильно? Вот по нашей любви к Анюте и оскоромимся. Потом ты сходишь в церковь и покаешься за нас двоих. Мы же с тобой, опять же с твоих слов, - единое тело.»

А я вспомнил, что несколько лет назад, на поминках соседа тоже во время Великого поста, ел индейку. Вдова, хотя и в церковь каждое воскресенье ходила, не спрашивая, просто положила мне ее на тарелку сразу вместе с картофельным пюре. Потом, когда я покаялся отцу Александру, еще не изверженному из сана, он наложил на меня епитимью: три сотни земных поклонов. За неделю до Пасхи! Но слава Богу, - теперь праздновалась всего лишь Масленица. К тому же исповедоваться я ходил теперь к незнакомым священникам. Там, - шапошно, - знакомым был только отец Сергей, соборовавший тестя, Василия Андреевича, - Царствие ему Небесное...

И этот вечер у Анюты был, что называется «близнецом-братом» подобных посиделок. Пелись те же песни, говорились те же шутки, мечтательно упоминались те же воспоминания походов. Как будто на проигрыватель

ставили заезженную, старую пластинку. Но гости веселились, охали, ахали, искренне удивлялись, словно делали друг для друга открытия. Я с жалостью посмотрел на Елену. Она, похоже, поддавалась общему настроению. А я несносно скучал. Но терпел. Часто выходил курить на кухню. Но, слава Богу, мы с Еленой наконец-то откланялись. Но настроение у жены не изменилось. Она продолжила рассказывать уже не раз слышанные мною случаи из однодневных походов. А рассказав, напевала что-то из Визбора. Но в метро, конечно, замолчала. А я радовался: «Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало!»

- Ох, как хочется хотя бы на день съездить в лес под Подольск или в Раздоры! Вся компания Анюты на будущие выходные собирается..., – прижавшись ко мне в вагоне метро, вздохнула Лена.

- Пост, матушка! А под Подольском или в Раздорах надо будет пить водку, есть шашлыки, сало, колбасу, петь песни, играть в футбол или в волейбол. К тому же, помнится, ты грозилась пойти в храм в воскресенье на Торжество Православия. Чин Анафемы должен возглашаться, – ответил я. И честно говоря, если бы мы поехали, я опять скучал бы.

- Ну, вот! Опять рано вставать! Может быть, ты один сходишь? – поджала она губы и даже отодвинулась от меня.

- А в Раздоры или под Подольск рано вставать разве не надо? Ты же сама только недавно говорила, что мы с тобой – единое тело! Так давай же, не будем разрываться!

- Да-да... Разрываться..., - промямлила Елена и прикрыла глаза. Как будто даже задремала. Но по выражению лица я понял, что блаженное настроение ее испортилось.

Дома Елена, осмотрев содержимое холодильника, удовлетворенно хмыкнула: «Слава Богу, Егорка хоть пельмени съел!»

- А то что? – спросил я.

- А то позвонил бы тетушкам! Наябедничал бы, что его здесь голодом заморили! Перед тем, как мы завтра к Косте поедem, надо бы ему блинчики с печенкой пожарить. А то ведь пропадут с этим постом! И не забыть сказать, чтобы колбасу доедал, – в сердцах хлопнула она дверцей холодильника. И принялась за мытье посуды, оставленной сыночком в раковине после его ужина. А я отправился в душ. Но, когда вышел, застал Лену задремавшей перед телевизором. А по нему показывали «Сердца четырех». Я едва не плюнул. Сколько же можно?! Ведь неделю назад его показывали по «культуре». Но вслух заметил: «Кстати, Сталину этот фильм очень не понравился!»

- Тоже мне, эталон киноведения! Драматургии! Отец народов! И во всем-то он разбирался! И обо всем-то он мог судить, как истина в последней инстанции. Как в анекдоте! Ты сам рассказывал, как на выставке авангардистов перед одной из картин стоял пессимист. А за ним – два оптимиста в штатском!.. Может быть, он еще и стихи, музыку писал, картины рисовал? – вдруг вскинулась Елена.

- По поводу музыки и картин не скажу. Но стихи Иосиф Виссарионович писал очень даже неплохие. И в них поминал Господа Бога! погоди! Сейчас принесу! – засуетился я и убежал в нашу с Леной комнату. Порылся в своих бумагах. Нашел нужное. Вернулся в большую комнату. И продекламировал:

*Поговорим о вечности с тобою,
Конечно, я во многом виноват!
Но кто-то правил и моей судьбою,
Я ощущал тот вездесущий взгляд
Он не давал ни сна мне, ни покоя*

*Он жил во мне и правил свыше мной.
И я, как раб вселенского настроя,
Железной волей управлял страной.
Кем был мой тайный высший повелитель?
Чего хотел он, управляя мной?
Я словно раб, судья и исполнитель,
Был всем над этой нищею страной.
И было все тогда непостижимо,
Откуда брались сила, воля, власть?
Моя душа, как колесо машины,
Переминала миллионов страсть.
И лишь потом весною, в 45-м,
Он прошептал мне тихо на ушко:
«Ты был моим послушником, солдатом,
И твой покой уже недалеко.»*

Лена покрутила головой: «Не знаю, не знаю. Я стихи не люблю и не понимаю. Но по школьной программе помню. У Пушкина, по-моему, в «Маленьких трагедиях» сказано, что «гений и злодейство не совместимы». Так почему же ты решил, что эти стихи посвящены Богу? А вдруг – самому сатане? Или кому-нибудь из бесов?»

- Как же ты не понимаешь?! Сталин мистически был бичом Божиим для вразумления народа российского за нарушение клятвы, данной Господу о верности нашего народа на верность Дому Романовых в шестьсот тринадцатом году и до скончания века. Всего народа! Я, к слову, покаялся за своих предков, участвовавших в революционных безобразиях или не вставших в защиту Самодержавия. В то же время, с именем Сталина наш народ такую войну выиграл! Сломал машину, покорившую всю континентальную Европу. Победил не физического, а мистического врага! Как метко написал Игорь, вошли в войну наши соотечественники советским народом, а вышли из нее победительным русским народом! – возразил я.

- Ах, оставь, пожалуйста! Ты опять какую-то мистику сюда приплетаешь. Войну выиграл наш народ, а не единолично Сталин! Выиграл реальными танками, пушками, самолетами, автоматами. Каким-то там еще оружием... Я в нем не разбираюсь. Во всяком случае, - не мистикой! Что ж ты так закомплексовался на этом своем негативе? Вроде бы и детство твое счастливым, позитивным было. Хм... Будь попроще, и народ потянется к тебе! Ладно! Фильм закончился. А ты так и не дал мне его досмотреть! Я пошла в ванную. А ты тоже ложись. Хоть немного выспимся, - зевнула и тут же засмеялась она.

И на этот раз Лена плескалась под душем так долго, что я не дождался ее. И, засыпая, недоумевал: нарочно, что ли? Ждет ли, чтобы я заснул и не трогал ее? Как же она изменилась!

...На следующий день Лена так увлеклась приготовлением завтрака, обеда и ужина для Георгия, что ее пришлось постоянно торопить. В итоге мы вышли из дома только около часа дня, а не так, как планировали накануне. Не в полдень. Добираться-то за город надо было больше двух часов. На трамвае, в метро с пересадкой, наконец, на автобусе! Тем паче, что последний ходил довольно редко и по расписанию. А когда мы подходили к дому Кости, Елена испуганно взвизгнула и спряталась за меня. Прямо на нас неслась огромная немецкая овчарка. Она подбежала и чуть не свалила меня с ног. Положив лапы на мои плечи, принялась вылизывать мне лицо.

-Дюран! Дюрашка! Узнал, мой хороший! А ведь столько времени прошло! – даже не отворачивался я. А Елене сказал: «Не бойся! Это – Дюран, собака Кости. Представляешь, три года прошло, а он узнал! Мне тогда пришлось некоторое время жить у Кости с Наташей. Я частенько играл с Дюраном. Бросал ему колесо от детской

коляски, палочки. И вот теперь он, умничка какой, узнал меня! Не бойся! Подойди, погладь.»

Лена с опаской сделала так, как сказал ей я. Тогда Дюран, мельком взглянув на меня, лизнул и ей щеку.

- Ой! А вдруг у него глисты или еще какая-нибудь гадость?! – принялась тереть носовым платком свое лицо Лена.

- У Дюрана?! Да Костя за ним, как родным следит! Обихаживает! – Засмеялся я и подхватил жену под руку. Так мы втроем подошли к воротам, когда из дверей дома появился Костя. Должно быть, вышел покурить. Но увидев нас, он широко распахнул руки для объятий. Мы похристосовались. И он объявил: «Вы как раз вовремя! Моя малышня уже натрескалась блинов, и я «загнал» их на второй этаж играть. А я хочу рыбку на углях испечь. Горбушечку купили по случаю! Лена, ты иди к Наташе. Посудачьте о своем, о девичьем. А мы с Сашей покурим и займемся рыбой.»

- А почему детей из-за стола ты отправил играть? – удивилась Елена.

- А потому, что им бесполезно вместе со взрослыми сидеть за праздничными столами, - вдруг строго ответил Костя и жестом пригласил меня к мангалу, в котором дрова уже превратились в угли. Там, когда Лена скрылась в дверях дома, он откуда-то достал бутылку коньку, стопки и блюда с нарезанным уже лимоном. Подмигнул мне: «Потренируемся? На свежем воздухе? А потом за столом «догонимся». А?»

Когда мы выпили и закусили. Я спросил: «Ты Игоря пригласил сегодня? Как он настроен?»

- Я утром позвонил ему. Но он сам признался, что проснулся в глубоком похмелье и сказал, что у него нет сил куда-то идти или ехать. А способен он поднять только не

стакан даже! Полстакана! Наш «великий и могучий» пребывает в глубокой скорби!» - засмеялся Костя.

- Как это – в скорби? – удивился я, раскладывая горбушу на решетку над уже прогорающими, но еще несносно жаркими углями.

- Тогда знай! Когда-то к русским купцам даже кредиторы иной раз не заходили. Не хотели беспокоить, потому как на воротах красовалось объявление, что мол, Иоанн Иоаннович «скорбит». Это означало, что купец находится в запое или, в лучшем случае, – в глубоком-глубоком похмелье! Кто из нас без греха?! Но сегодня – пей, веселись, душа! Широкая Масленица хо-ороша! – почти пропел и опять засмеялся Костя. Мы выпили и закусили лимончиком. А тем временем, рыба уже пропеклась.

Костя убрал куда-то бутылку, и мы с ним с духмяной рыбой на решетке пошли в дом. Там стол уже был перенакрыт после детей. Но в комнатах первого этажа никого не было.

- Наташа пошла знакомить детей с твоей Еленой, - пояснил Костя. И в самом деле, вскоре наши жены появились. А перед тем, как сесть за стол, хозяин дома предложил: «Ну что? Помолимся?»

И первым затянул: *Отче наш, иже еси на небесех...*

Мы подхватили. Даже моя Елена. А усаживаясь за стол, она удивленно шепотом спросила: «А что? У них лампы перед иконами все время горят? Круглые сутки? Это не пожароопасно? И запах ладана? Разве им можно дымить, как, скажем, в церкви?»

- Лампады в каждом нормальном православном доме горят круглосуточно. Костя раз в две недели покупает для них масло. А ладаном не дымят, а кадят. Это тоже очень полезно. Мистически! – улыбнулся я, вспоминая наш последний разговор с женой.

- Да-да... Круглосуточно... Это какой же расход? Немыслимо! - задумчиво произнесла она.

Голос Кости прервал наш потаенный разговор: «Я предлагаю выпить во благодарение Господу за сегодняшнюю трапезу, которую Он послал. И вообще, во *благодарение Богу за всё!*»

Наташа пила сок, из чего я понял, что она опять беременна. И порадовался за нее и за Костю. А он, выпив, продолжил: «А тебе, Лена, я не могу не сказать, что стихи твоего мужа мне нравятся больше, чем даже стихи Игоря. Я не отрицаю, что последние прекрасны. Бьют, как говорится, наповал! Но стихи Саши – более вдумчивы. Интеллектуальнее, что ли. Лиричнее! Я – технарь. В стихах не разбираюсь. Но они мне ближе! А чего стоит его поэма «Александр Невский»? Дети в нашей гимназии ее по ролям читали на одном из праздников! И как читали! А тот же «Август» или «Сон Тамерлана»? Или, как сейчас помню... «Ночь в сторожке. Сретенье. Мороз... Кто-то скажет: «Ветер», Я отвечу: «Ангелы звонят в колокола!» Поверь, эти стихи, в хрестоматии будущих православных школьников войдут! О вкусах, конечно, не спорят. А о прозе я уже не говорю! Наташа первую книгу «Найденных во времени» прочитала, на самом деле, что называется, запоем! Как так можно писать?! Только от Бога! Игорь может подтвердить мое мнение.»

Мне стало как-то неловко, и я, чувствуя, что краснею, проговорил: «Захвалил... Захвалил... Лопатки начали чесаться в ожидании прорастания крылышек! А ведь сие не полезно! Совсем ты меня, брат, в краску вогнал. Так, давайте выпьем за грядущего Царя православного! Многая ему лета! И спаси его Господи!»

- А что? Я высказываю не только свое мнение! И тост за грядущего Русского Царя тоже поддерживаю! Ура! Ура! Ура! Женщины могут сидеть, – Костя даже встал. Я

последовал ему. И мы спели «Боже, Царя храни!...» Но тут Наташа не могла не встать. Моя жена последовала ей.

А мы с Костей пели. Наташа тоже подпевала. И от них я вдруг, кроме привычного, услышал:

*...Воинство бранное
Славой избранное,
Боже, Боже, храни!
Воинам-мстителям,
Чести спасителям
Миротворителям долгие дни!
Правды блюстителям,
Боже, храни, Боже, храни!
Жизнь их примерную, нелицемерную...
...Будь нам заступников,
Верным спутником,
Нас провожай, нас провожай
Светло-прелестная
Жизнь поднебесная,
Сердцу сияй, сердцу сияй...*

И у Кости, и у Наташи я заметил слезы на глазах. Да и меня самого защипало под ресницами. Однако у Елены в глазах было только недоумение. Интересно, умиляется ли она, когда ее друзья-походники поют про «солнышко лесное» или про «комсомольскую богиню»?

А когда мы выпили, Елена спросила: «Но Царя, как и всю семью, убили? Расстреляли! Как же можно обращаться к Богу с просьбой хранить его? И разве в его правлении не было негатива?»

- Речь идет о будущем Царе! Господь его обязательно даст России. Но сейчас он скрыт сокровенно! От врагов нашего Отечества! – даже с некой торжественностью ответил Костя.

- Но вы пели о мстительности. А месть – не христианское дело! – возразила Елена.

На это я ответил: «А святитель Филарет, митрополит Московский еще почти два столетия назад наставлял: «Возлюби врагов своих, гнушайся врагов Христовых и бей врагов Отечества». Так что, это - не мстительность, а воздаяние «по заслугам» тем же монголо-татарам, польским интервентам, французским, или хотя бы гитлеровцам. А сейчас? Нас принуждают пожалеть тех же бельгийцев, благодаря которым в Россию в девятьсот пятом году поступало оружие для террористов. А теперь они страдают от азиатов и африканцев, устроивших на их территории бойню. То же самое происходит в Франции, Германии, Швейцарии и так далее, приютивших Ленина с его камарильей. Бог-то не «тишка»! За все надо расплачиваться!»

- Но страдают, как правило, невинные люди! Обыватели! – покрутила головой Елена.

- А откуда ты знаешь? Может быть, у этих «невинных» бабушки или дедушки были демократами или хуже того революционерами, торговцами оружием? – возразил я.

- Давайте не будем говорить о плохом. На дворе – Масленица! Праздник! Печалиться будем в Великий пост! Но опять же, - печалиться будем о своих грехах, - - весело перебила нас Наташа. Встала, подошла к пианино. И, сев за него, запела калядки, которые я почему-то узнавал. Потому, что слышал? Только где? И когда? И, на удивление, стал подпевать.

И Лена, и Костя присоединились к нам. Слова-то были несложными. И угадывались чуть ли не с первого раза.

Мы гостили часов до восьми вечера. Костя пошел провожать нас с Леной на остановку автобуса. И когда мы отъехали, жена вдруг сказала: «Вот, я же не критикую вас за вашу приверженность Царю. Хотя и не во всем могу

согласиться с нею. Я ведь терплю! А ты? Сколько раз ты попрекал меня моими друзьями? Дружбой и общением с ними? И увлечениями, и песнями, и поездками в лес?»

- Просто я хочу, чтобы мы с тобой были единомышленны. Скажу больше, - единокоренны, как муж и жена. А ты почему-то бегаешь этого! – ответил я и отвернулся к окну автобуса.

- Что-то у нас с тобою не получается! Тогда бы нужно было тебе искать себе жену, как Маша у Игоря или Наташа у Кости. Поди, как хорошо! Единодушно! Тогда бы вы вместе и пели «Боже, Царя храни», а не Визбора или Окуджаву. А вообще тебе следовало бы считаться и с моими интересами. увлечениями и друзьями, - тоже отвернувшись от меня, пробурчала Елена.

- Любовь зла! - попробовал пошутить я. Но, повернувшись к жене, увидел, что она уже дремлет. «А вот и пришли искушения перед началом Великого поста! Надо терпеть!» – подумалось мне.

А когда мы вернулись домой, кто-то позвонил по телефону. Лена, на ходу раздеваясь, смеялась, что называется, ворковала. А когда повесила трубку, вдруг заявила: «Таня устраивает завтра девишник по случаю Масленицы. И приглашает меня к себе.»

Я только пожал плечами: «Поезжай, конечно. Только не забудь, что послезавтра начинается Великий пост. А еще завтра прощенное воскресенье. Надо у всех просить прощения с земными поклонами. И, конечно пойти на службу в церковь.»

- Не за-бу-ду! Только в церковь я так рано не встану. А ты сходи, конечно. Помолись и за меня! – весело ответила Лена. И, напевая что-то под нос, направилась в ванную. А я подумал: «Вот так и начинается разделение супругов. Хотя оно, похоже уже давно началось. Хорошо же тетки молятся

за нашу семью. Только кому молятся? Прости, Господи! Опять осудил! И это – накануне Великого поста!»

...Когда я вернулся из храма, Лена суежилась на кухне с выпечкой блинов. Крикнула мне: «Еще не разделся? Не сходишь ли за сметанкой, рыбной нарезкой и красной икоркой в наш магазин? Там по случаю Масленицы – очень приличные скидки! Вот народ как хорошо жить стал! Только мы за одну неделю уже пятую банку красной икры покупаем!»

Я, конечно же, тут же согласился. Благо, магазин был пристройкой к нашему дому. Но вместе с икрой, нарезкой и сметаной взял себе фляжку коньяку, рассчитывая, после ухода Елены, выпить ее. А что?! Ей можно выпивать отдельно от мужа, а мне нельзя?

В два часа по полудни Елена засобиралась. Чмокнула меня в щеку: «Пока-пока!»

Мне захотелось сказать, мол, «усвистела». Но я подумал, что опять впадаю в осуждение. И я опять встал на колени. Опять прочитал покаянную молитву Ефрема Сирина. И уселся с фляжкой коньяка перед телевизором, по которому показывали «В бой идут одни старики». Почему-то вспомнились мои военные будни... Осетия... Приднестровье... Сербия... Эх! Да что там?! Прекрасное было время! Старики ходили в бой. И как?! Заломив офицерские фуражки с Царскими кокардами и казачьи папахи! Весело! С посвистом! Поливая свинцом из «калашей» американских и английских масонских прихвостней под зелеными знаменами. Да-а-а, господин поручик! Каким был таким ты, таковым и остался... «Клен зеленый, лист резной...» Люблю я этот фильм!..

Но после него показывали какую-то «лобуду» с участием Петросяна и других «хохмачей». Зрители в концертном зале не смеялись, а именно «ржали». Прости,

Господи, опять осудил! Осудил за то, что люди веселятся! Ведь, как сказала Наташа, - праздник! Масленица!

Но тут же вспомнился «Ревизор» Николая Васильевича Гоголя с его пророческим: «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!..»

Елена позвонила от станции метро около полуночи. И я, конечно же, пошел встречать ее. Когда же она вышла из трамвая какой-то азиат пристроился к ней сзади. Но, увидев меня и услышав мое приветствие, тут же развернулся и зашагал в другую сторону. А жена даже не заметила его. И я не стал ей говорить об опасности. Зачем? К тому же, она была хорошенько навеселе и в прямом, и в переносном смысле слова. Взяв меня под руку, весело щебетала, что «девчонки» тоже принесли свои кулинарные «шедевры», и что все они были, что называется, с изюминкой. И что все они наелись на неделю вперед

- А кто из мужиков был? – спросил я.

- А-а-а, - махнула рукой она, - только муж Тани. Но он, набрав себе блинов и налив полстакана коньяку, ушел в другую комнату и там смотрел «В бой идут старики». Ты ведь тоже наверняка его смотрел! Витя-то, муж, много лет служил прапорщиком.

- Прапорщик – это испорченный солдат и недоделанный, безграмотный офицер. Хотя бывают исключения. Надеюсь, что твой Витя входит в их состав, - заметил я. Но Елена, похоже, меня не услышала. И засмеялась: «А уж мы-то с «девчонками» наболтались вволю! Таня нас еще отпускать не хотела! Ночевать оставляла!»

- Еще не хватало! У тебя свой дом и свой муж есть! – крутанул я в сердцах головой.

- Не занудствуй, пожалуйста Это тебе не идет! Будь попроще! Побольше позитива! Кстати, Таня сама позволяет себе иногда остаться ночевать у кого-нибудь из подруг! А

если вдруг ругается на мужа, по какому-нибудь поводу, так он отвечает всегда, мол, но я же люблю тебя! – в голосе Лены даже прозвучала какая-то обида. Но я «списал» ее на нетрезвость жены. Но почему-то в голове мелькнула недобрая мысль: «Вот муж-прапорщик тебя бы вполне устроил. Или сантехник. Или какой-нибудь телевизионный мастер! Но ты бы сама ни за того, ни за другого, ни за третьего не вышла бы замуж!»

Конечно я тут же отогнал эту мысль. И прочитал про себя, одним языком молитву Ефрема Сирина. А может быть, я на самом деле занудствую? Что-то совсем заосуждался! А ведь тоже – искушение! Привык, что называется, для статей и фельетонов «рыть» один «негатив».

Войдя в квартиру, Лена сбросила мне на руки пальто и тут же убежала в ванную. А ночью, уже в постели, вдруг сказала: «Ума не приложу, чем ребеночка с завтрашнего дня кормить?! На два разных стола готовить у меня ни сил, ни времени не хватит!»

- А ты готовь для него то же, что и для нас с тобой. «Ребеночек» нигде не учится, нигде не работает. Это в двадцать-то пять лет! Пусть, как говорится, теперь пожинает плоды своего «труда». Как в Священном Писании сказано! У кого хотя бы из твоих сегодняшних подруг дети ведут себя подобно ему? – уже засыпая, проговорил я.

- Ага, - вздохнула Елена, - а ты представь, какой ор тетушки поднимут?! Мол, ребенка голодом заморили! А ему, как растущему организму, мясо нужно! Ведь он даже рыбу не ест!

Сон, как рукой, с меня сняло. Я возмущенно вскинулся на постели: «Растущему организму? В его возрасте уже не растут! Рыбу он не ест! Как же? А уже готовую рыбную нарезочку? Семушку? Палтус? Форельку? Красную икорку? К тому же, ветчинку, карбонатик, сырокопченую колбаску и другие мясные деликатесы, во-о-

он, как «хомячит»! И – на халяву! Рыбу не ест... Потому что косточки из нее лень доставать! Опять «за рыбу деньги»! Ты – мать! И сама можешь и должна решать, чем кормить и как этого бездельника! Пусть тетки по своей любви устраивают его на работу, на учебу! Говорил же тебе, что надо, жизненно необходимо ограничить общение Георгия с тетками до минимума! Ты не послушала! Мало того, они еще и настраивают его против меня! Так сказать, культивируют его безделие, хамство и вседозволенность! Да ты и сама знаешь! Только молчишь. И этим потакаешь их душегубству, камуфлированному под любовь. А я в четырнадцать при отце-полковнике ходил на овощные базы вагоны с картошкой разгружать! Не из-за денег, а чтобы узнать, что такое труд. И как денежки зарабатываются!»

- А ты тетушек во всем этом убеди! – чуть ли не плача, ответила жена и отвернулась от меня.

- Почему мы должны кого-то убеждать в решении наших с тобой и сыном семейных проблем? - тоже отвернулся я от Лены. И понял, что и этот разговор с ней у меня не удался. И, не умея заснуть, долго еще ворочался. Вот так у нас начался Великий пост! Искушения!

...Однако утром пришло утешение. Позвонил Игорь и сообщил, что в пятницу мне предоставлен целый час эфира «Народного радио», чтобы в интервью с ним рассказать о своем романе.

- Не только о написанном уже, но и о тех книгах, которые пишешь и собираешься написать! Так что, готовься! Продумай хорошенько, что будешь говорить. А потом, часа за два до выступления, вместе обсудим, – торжественно провозгласил он.

У меня даже дыхание перехватило! После звонка Игоря я тут же перезвонил на работу Елене. Сообщил. Но она вяло прореагировала: «Вот как? Это даже интересно. Послушаем. Я и «девчонкам» своим скажу. А на каких, ты

говоришь, волнах это «Народное радио» вещает? Я запишу. Но сейчас у меня на столе лежат контрольные документы. Так что, пока.»

- Погоди-погоди! А ты разве не пойдешь на Великий покаянный Канон святого Андрея Критского? В восемнадцать часов... – зачастил я, чтобы успеть доспросить.

- Ты что? Смеешься? Кто же меня с работы раньше восемнадцати отпустит? Пожалуйста, помолись сам за меня тоже. И за нашего Егорку. И... за тетушек! Ты же не просил у них прощения. К тому же, помнится, говорил еще, что этот канон читают целых четыре первых дня Великого поста. Отпрашиваться с работы все четыре дня? Нет-нет! Меня в отделе не поймут. Да и сама я не могу позволить себе такого удовольствия. К тому же, помнится, ты говорил, что во время этого канона надо постоянно лоб в поклонах расшибать. Я итак на работе наломалась. А дома хозяйство ждет! Вас-то с Егоркой чем-то кормить надо! – даже хмыкнула она при этом.

- Тетушки? А они просили у меня прощения? А ты у них просила прощения? Они же не веруют!

- А ты мысленно попроси. Про себя. Ты же считаешь себя истинным христианином! Тетушки – старенькие! А мне у них просить прощения, представь себе, не за что. Я их искренне люблю и почитаю. И все-таки советовала бы тебе вечером на Каноне помолиться за тетушек. И свечку непременно поставь об их здравии. И о здравии тетушек. Я буду тебе очень благодарна. Как ты поучал меня когда-то? Как говорил, что если простишь ты, то и Бог тебя простит. Ладно... Некогда болтать. У меня – работа, - опять хмыкнула Лена. И повесила телефонную трубку. А я почувствовал себя каким-то прибитым, опустошенным, что ли. Конечно же, и речи быть не могло о том, чтобы сесть за

рукопись. И тогда я встал на колени, чтобы прочитать покаянную молитву Ефрема Сирина. На душе полегчало.

Мы заседали в штабной землянке. Нефедова горячилась: «Враг сам идет к нам в руки! Начальство «аненербе» будет наверняка после Рождества возвращаться с большого аэродрома всем скопом. Я предлагаю подкараулить всех и одним махом уничтожить! Этим мы затормозим разработку и испытания гитлеровских летательных аппаратов, ой, как надолго! А «красная армия» - на подходе. Пока еще фашисты найдут замену своим генералам?! Но это – серьезная и очень ответственная операция! К ней можно и нужно привлечь другие партизанские отряды. А ведь без генералов другие эсесовцы – беспомощны, как кутята без сучьей сиськи! Всю же техническую документацию, схемы, чертежи мы силой возьмем. Повторяю: при помощи других отрядов. Я уполномочена своим руководством привлечь их! И «товарищ Аким» это хорошо знает. Надо только сей же час разработать план операции и послать вестовых за подкреплением! Эх, голова кружится от предвкушения!»

И отец Валерий, и Василий Васильевич, и Костя, и я задумчиво крутили головами. Предложение было заманчивое. Но нас прервал Юрок, ввалившийся в землянку. Он, сдвинув шапку на затылок, продекламировал: «Четыре сбоку, и ваших нет!..»

- Доложи, пожалуйста, как положено, на нашем военном совете, - покачал головой батюшка.

- Докладываю. Не четыре сбоку, а двадцать фрицев, возглавляемых двумя офицерами... нетути! В самом деле, они шли сменять караулы, и в самом деле, сбоку от бесовской горы. Но тут – мы. Оська из лука тут же отправил четверых на тот свет. Трех насадил на гарпун Ильюшамуромец. Он перенял эту охоту у того же Иосифа. И наши

немтырики постарались! Марик своими «звездочками» аж восьмерых уложил. Прямо в лобешник метал! Он ведь тоже стоял в дозоре. В одном из тех, который я пошел сменять. Фрицы сами напоролись на нас и ничегошеньки не успели понять! Оставшихся гитлеровцев мои ребятки, как водится, пустили «в ножички», - довольно ухмыляясь, вытянулся по стойке «смирно» Юрок.

- Вот это я понимаю! Вот это – по-нашему! - воскликнула Алла и даже несколько раз прихлопнула в ладоши.

- Постой-постой! Гарпун... Стрелы... А ты не задумался над тем, что фрицы припишут такое нападение местным жителям? Не задумался над участью мирных саамов? – крутанул головой батюшка.

- Да какие они мирные местные жители? Вместо того, чтобы Родину защищать, охотой и рыбалкой занимаются! Предатели они! – с ответным движением головой возмутилась Алла.

- Не соглашусь, отче! Мы их всех снежочком в ближайшей балке присыпали. До весны их фрицы не найдут. Если, конечно, что-нибудь от них и останется... Лисы, знаете ли, волки, песцы, медведи тоже жрать хотят. А для облегчения зверюшек мы подраздели гадов до исподнего. Зима еще длинная. А наши многие в сменных теплых вещах нуждаются.

- Это же мародерство! – перебил Юрка Костя.

- Мародерство? Мародерство – это то, что творят в России гитлеровцы! А мы всего лишь возвращаем себе награбленное ими! Наше! Кровное! – даже повысил голос Юрок.

- А что? Я считаю, что он прав! Мы возвращаем свое. Народное. Но вероломно захваченное у нас. И не важно, в каком виде! – вдруг вступилась за разведчика Нефедова. И

вдруг сама улыбнулась Юрку. А я с удивлением отметил, что это было почему-то приятно мне.

- На голосование ставить не будем. А лучше спросим мнение раба Божия Георгия, что он думает по поводу предложения лейтенанта государственной безопасности Нефедовой? – тоже улыбнувшись, как бы подвел черту под докладом Юрка отец Валерий. И когда Алла повторила сказанное ранее, командир разведчиков даже скривил губы: «Здесь и думать нечего! Ведь только так мы сможем ликвидировать это бесовское гнездо. А то ведь неровен час, эти изобретатели доведут свое сатанинское дело до конца! Взлетят и пойдут крошить нас в окрошку! Прости, Господи!»

- Кукушка хвалит петуха, за то, что хвалит тот кукушку! – пробормотав, даже отвернулся от всех нас Костя.

- Брат, ты не прав! – шепнул я ему.

- Поживем, увидим, - махнул Костя рукой.

- Ну-у-у, ежели вы мне даете гарантии в том, что достанете техническую документацию по дисколетам, то я сам готов принять участие в операции по уничтожению местной верхушки «аненербе»! – даже с каким-то азартом развел руками Василий Васильевич.

- Гарантируем, гарантируем, профессор! – засмеялась Алла.

- Итак, начинаем разработку операции. Но прежде, как перед началом всякого дела, давайте, помолимся. Попросим Божиего благословения на борьбу с врагами Христовыми и с врагами нашего многострадального Отечества, - подвел итог совещания отец Валерий.

Что мы и сделали. А еще раз с удивлением и удовольствием отметил, что Алла шевелит губами. И с повлажневшими вдруг глазами. Подготовка операции началась обыденно. Но, как сказал батюшка, Рождество

Христово никто не отменял. Даже предстоящая боевая операция!

На праздник отец Валерий торжественный и радостный отслужил Божественную Литургию. Даже как бы пританцовывал при возгласах *Христос Рождейся!*

- *Воистину Рождейся!* – звучало ему в ответ. Все партизаны причастились Святых Таин. Даже Алла и некоторые из ее подчиненных подошли к Чаше. И тут я вдруг заметил, что была она облачена не в свой обычный «комбез»! Под ее полушубком виднелось шерстяное платье с рюшечками. Ноги ее в валенках обтягивали чулки. А на голове, вместо привычного летного полярного шлема был повязан платок! Дивны дела Твои, Господи! И я вдруг почувствовал, как защипало у меня под ресницами.

Подходя к Чаше, Алла вдруг обернулась на меня, как бы испрашивая моей поддержки и одобрения. В ответ я, уже причастившись Святых Таин, улыбнулся, кивнул и перекрестился.

После службы в штабной землянке были накрыли столы. Правда, подходили к ним по очереди: по пять-шесть человек. Перекрестившись на самодельный «вертеп», прикладывались к шнапсу. Закусывали медвежатиной, зайчатиной и кабанятиной. И тут же выходили на воздух, дабы освободить место для следующей «смены». Некоторые добровольно уходили подменить стоявших в «секретах». Оделяли друг друга загодя заготовленными подарками. И при этом по-детски радовались.

У костра даже завели трофейный патефон. Правда, пластинка была у нас только одна: «Рио-Рита». Тоже трофейная. Но ее оказалось достаточно. И все партизаны, чинно раскланиваясь, принялись наперебой приглашать Агнюшу, Машеньку, Аллу и двух других наших «партизанских» девушек на танец. А те, даже немного

кокетничая, пытались неумело присесть в реверансе. И со смехом шли танцевать.

- А ты... То есть вы... Алексаша!.. Наконец, пригласишь меня на танец? – вдруг услышал я голос Аллы. И увидел, что она, отмахнувшись от кого-то, стоит рядом.

- Просто залюбовался твоим танцем, - нашелся я.

- Льстец лукавый! Я совсем не умею танцевать! Говорю же, что меня воспитывал отец. А он у меня – тот еще танцор! Так пригласишь? – уже требовательно спросила она.

...- А ты хорошо танцуешь! – даже крутанула головой Алла, когда мы с нею прошли пару кругов.

- В военном училище научили. – усмехнулся я.

- У тебя там осталась девушка?

- Никого у меня там не осталось. Девушка, с которой я встречался, вышла замуж за Костю. Впрочем, я – совсем не в обиде. Так что у меня есть только два близких человека: бабушка и старшая сестрица Агнюша, которая и нашлась-то совершенно случайно. Что это я? Случайностей в этом мире не бывает! Нашлась по воле Божией!

- А не пойти ли нам прогуляться по лесу? Ты расскажешь мне про свою бабушку, - вдруг сжала Алла мою ладонь.

- А ты не озябнешь?

- Что ты? Две пары шерстяных чулок... К тому же – Гольфстрим. Я – закаленная. Папа каждый день заставлял меня даже зимой обливаться холодной водой! Бр-р-р! Он-то сам, будучи восемнадцатилетним парнишкой в ссылке под Туруханском, в шестнадцатом году выжил только благодаря этим обливаниям. А я в – в него! – засмеялась она.

- Ну что же? Тогда пойдём.

- Но если ты не хочешь, тогда скажи прямо. А то выходит, что я как бы напрашиваюсь.

- Нет-нет! Но ты всегда была какой-то неприступной... Ершистой... Колкой... Лейтенантом государственной безопасности...

- Это – для всех остальных. Но не для тебя. Наверное, трудно представить, но я все-таки женщина! А теперь, если Бог даст дожить до победы, я после войны уволюсь из органов.

- Зачем же? Ты могла бы спасти тысячи людей, именно на службе в органах. Таких например, как моя сестрица Агнюша.

- Алексаша! Я – женщина! И хочу ею быть! Быть женой! Любить мужа! Любить до безпятства! Любить до умопомрачения! И хочу рожать именно от мужа детей! А мужчины? Пусть они играют в свои игры! И эта мысль мне только сейчас в голову пришла, – вдруг с надрывом прошептала она.

Мы оба и не заметили, как уже шли по лесной тропинке. Она - впереди, я – за ней. А над нами полыхало северное сияние.

- Ты мне обещал рассказать про свою бабушку, - как будто успокоившись, сказала Алла. Но в это самое время она вскрикнула и крепко прижалась ко мне. Мимо нас отчетливо промелькнуло несколько теней. Низко, словно они двигались ползком. Но почему-то очень быстро.

«Фрицы!» - вспыхнула у меня в голове мысль.

- Волки! – выдохнув, как бы ответила на нее Алла.

Я, поставив ее спиной к дереву, и сам встав перед, нею, достал пистолет. Но, словно по чьей-то подсказке, опустил его. Даже засмеялся: «Глупые мы, глупые! На дворе – Рождество Христово! Кто же в такой Святой праздник без соизволения Божия нападать отважится? Даже бесы свои рожи в снег поглубже зарывают на Святках!»

- Бесы?! Скажешь тоже, Алексаша! Кто их видел? Бесов-то? – со смешком прошептала Алла.

- Я...

- Ты и в правду так считаешь? Завидую я тебе! Как мне хотелось бы иметь такую же веру! Давай возвращаться, а то сестрица твоя тревогу по отряду объявит – вздохнула Алла.

Возвращаясь, мы долго смеялись, заметив, как волки прыгают и даже падают в снег, словно играют в какую-то непонятную людям игру. При этом так были увлечены, что даже не заметили нашего приближения. Но Алла скоро догадалась. И пояснила: «Это они пытаются достать мясо, развешенное нами на деревьях. Покормить бы их из рук!»

- Не будем рисковать, - покачал я головой. А в трех десятках шагов от нас веселье переливалось через край. То, что у Никиты была гармошка, я знал. Оказывается, у кого-то нашлись мандолина, гитара и балалайка. И теперь под их квартет партизаны, выкаблучивая друг перед другом, речетативили Рождественские колядки.

*Коляда, коляда
Накануне Рождества...
Коляда пришла,
Отворяйте ворота,
Доставайте сундучки,
Подавайте пяточки...*

И тут вступал другой:

*Воробушек летит,
Хвостиком вертит,
А вы, люди, найдите,
Стол застилайте,
Гостей принимайте,
Рождество встречайте!...*

А третий уже подхватывал:

В день Христова Рождества

Многая лета вам желаем...

А я поневоле подумал: «Разве кто-нибудь сможет осилить Русский народ, коли он умеет в любых условиях радоваться и славить Господа нашего Иисуса Христа? Никто!»

Алла смеясь и радуясь, то и дело оборачиваясь, прижалась ко мне спиной. Но с другой стороны, я заметил оч-ч-чень неодобрительный взгляд сестрицы Агнюши. И решал серьезно поговорить с нею. В конце концов, я не младенец, а взрослый мужик! Зато отец Валерий, как раз наоборот, прикрыл глаза и одобрительно улыбнулся.

Часа в четыре по полуночи все разошлись по своим землянкам. А утром я с Сергуней-малым уходил на встречу с другими партизанскими отрядами. Но перед этим Нефедова отозвала меня в сторону. Дала мне патрон: «Передашь. В патроне шифровка... Ой! Передадите товарищу Акиму. Если попадете в засаду, незаметно выкинешь. Только... Не надо бы в засаду... Я очень ждаль буду тебя. То есть, вас, товарищ старший лейтенант. И молиться буду за тебя. То есть, за вас. Как умею.»

И она погладила меня ладошкой по груди. А я улыбнулся: «Помилуй мя, Господи! Даже к Богу мы обращаемся на Ты. Не пора ли и нам с тобой перейти на «ты»? Когда мне близкий человек «выкает», то мне кажется, что он повелевает, чтобы я вышел вон.»

- Ты назвал меня близким человеком? Это правда? – вдруг непривычно зарделась Алла.

- Правда! – погладил я ее пальцем по щеке. Хотя захотел... поцеловать на прощание. Крепко! Но я не посмел.

...На лыжах до передовых постов «... Мурманска» мы дошли всего за сутки. Я едва успевал за Сергуней-малым. И даже подготовка в военном училище не помогала. Он шел, как заведенный. А в штабной землянке «смежников» мы застали «товарища Акима» и «комсомольца». Последний,

увидев нас, ухмельнувшись чему-то, промолвил: «Ну вот, и товарищи зэки пожаловали. А мы уж думали, что вы сами справились с эсэсовцами.»

Я ответил: «Попросил бы учесть, что, между прочим, я – гвардии старший лейтенант морской авиации регулярной армии. Был сбит в бою над Баренцовым морем. Могу предъявить удостоверение личности. И еще попросил бы всяких штатских обращаться ко мне соответственно. По моему воинскому званию. А бойцы нашего партизанского отряда давно перестали быть «зэками», так как искупили свою, с позволения сказать, вину кровью.»

В ответ на это «комсомолец» даже дернулся. Встал. Но «товарищ Аким» умирительно прихлопнул ладонью по столешнице: «Что это вы вдруг? Ишь! Распетушились!»

Но тут же в разговор вмешался Сергуня-малый: «Вы, уважаемый, хоть и высоких чинов достигли, но не забывайте, пожалуйста, кого на всех зонах «петухами» кличут.»

- Ладно, ладно, товарищи. Оставим эти взаимные «любезности» до времени. Все мы под одним свинцовым дождем ходим! Все мы одной Родине служим. И товарищу Сталину. Так что, всякие амбиции излишни! Говорите, старший лейтенант, за каким делом пришли? – еще раз прихлопнул по столешнице «товарищ Аким».

Я, молча, протянул ему патрон, данный мне Аллой. Он выдернул пулю, вынул свернутую записку. Глянул в нее. Повернул голову в сторону «комсомольца». Строго скомандовал: «Собирай бригаду. Через три дня выступаем к этой чертовой горе. Будто своих дел нету...»

А повернувшись к нам с Сергуней-малым, с дружелюбной улыбкой предложил: «Пообедайте. Отдохните. Вас проводят в свободные землянки. Они натоплены.»

Я посмотрел на кислую физиономию «комсомольца». Переглянулся с Сергуней. Ответил: «Пообедать не

откажемся. Но отдыхать?! Нам приказано немедленно возвращаться.»

- Ну-у-у... Приказы не обсуждаются.

...В обратный путь мы отправились отяжелевшими. К тому же, явно недоваренная гороховая каша давала о себе знать. Непривередливый Сергуня-малый разворчался: «Не умеют ихнии поварихи готовить! Тем более – горох. К тому же, без мяса! Тьфу!.. А к гороху-то как кабанятинка пошла бы! Любо-дорого! Не хозяева они. Не умеют! Не понимаю, как эти партизаны из «Советского Мурманска» сейчас в «секретах» стоят. Наверное, всю округу... оглашают! Прости, Господи! К нам бы ихних теток-кухарок! А еще Российской Империей, по словам этого картавого сифилитика, править собрались! Поучились бы у Агнии Александровны и Машеньки, как варить горох. А впрочем, что я говорю? Коммуняки! Без молитвы! Без благословения! Нет! Не будет ничего толкового из советской власти!»

- А почему «картавого сифилитика»? – спросил я.

- Почему картавого, - это ясно. Ленин, не к ночи будь он помянут, как и любой жид, не все буквы выговаривал. А вот почему «сифилитика», лучше спроси у батюшки. Он пояснял, да я запомнил. Но отцу Валерию верю на слово! – приостановился и перекрестился Сергуня.

Конечно, до лагеря мы на этот раз добирались медленнее. Сказывалась усталость и невысыпаемость. Но тем сильнее было желание побыстрее вернуться. К тому же я поймал себя на мысли, что очень, просто даже невыносимо хочу увидеть Аллу. И... поцеловать ее. И как я не пробовал отогнать это желание, оно не проходило!

Алла же стояла на тропе, на которой провожала нас. Точно с нее и не уходила двое с половиной суток. Но теперь она была своим привычным «комбезе» и в десантном шлеме.

- Быстро вы обернулись, - только и заметила она. А когда Сергуня проскользнул на лыжах мимо, прижалась ко

мне всем телом. Но при этом спросила: «Как дошли? Как вернулись? Без приключений?»

- Так точно, товарищ лейтенант государственной безопасности! Партизанская бригада товарища Акима через два дня должна выйти к горе. Точнее – к дороге, ведущей к оной, - улыбнувшись, отрапортовал я. И уже хотел, было, поцеловать ее в щеку. Но в это время на нас обернулся Сергуня-малый. И я, изобразив поклон, принялся снимать лыжи.

Войдя в штабную землянку, я первым делом доложил отцу Валерию о выполнении задания, на что он, странно покачав головой, заметил: «Дай-то им Бог в праздник Крещения придти.»

- Да что вы, батюшка? До праздника, насколько я знаю, почти половина недели осталась. А генералы немецкие могут явиться со дня на день! - возразила Алла. И при этом добавила: «Я своих ребяток в дополнительные «секреты» вдоль дороги поставила. Лишним не будет!»

- А почему без моего ведома? Неровен час, твои и мои перестреляют друг друга! – вскинулся отец Валерий.

- Но это уж навряд ли. Мои школу маскировки на «отлично» прошли. И своих, ежели увидят, то не тронут. Хотя простите меня за самовольство, - опустила глаза Алла.

- Бог простит, и я туда же. Однако замечу, что в партизанском отряде должен быть один командир. Впредь для пользы общего дела прошу не самовольничать. И о всех своих действиях ставить меня в известность. А то ишь, многовластие, демократию развели! Демократия-то, голубушка, - в аду. А на земле должно быть Ца-а-арство! Если бы была «власть народа», то звалась бы она «демосократией». А демократией, я считаю, слуги врага рода человеческого прикрывают «демонократию». Власть демонов! Потолкуйте на эту тему с Агнией Александровной,

- поначалу вспыхнув лицом, но тут же взяв себя в руки, заключил отец Валерий.

- Есть потолковать с Агнией Александровной и не самовольничать более, - снова опустила глаза Алла. Но тут же мельком взглянула на меня. Должно быть, ожидала молчаливого одобрения. А когда мы вышли из штабной землянки, шепнула: «Прости, я тут без тебя тоже посамовольничала. Стирала свой «комбез», другие вещички. Решила и твое белье постирать. Прости меня за то, что без разрешения вошла в твою землянку»

Я погладил ее по руке: «Спаси Господи!»

- А я как должна ответить?

- Во славу Божию...

Я все-таки решил поцеловать Аллу. Но тут опять появился Сергуня-малый. Сладко зевнул и сказал мне: «Александр, отец Валерий благословил нас с тобой отдыхать. А вас, товарищ лейтенант, батюшка просил вернуться в штабную землянку.»

...Пока суть да дело, в нашем отряде готовились к празднику Крещения Господня. На ближнем лесном озере выпилили в виде Креста Иордань, сделали сходни. Подходы выложили еловыми ветками. В Сочельник, кроме дозорных, все постились, исповедовались, причащались Святых Таин. Первым вошел в озеро отец Валерий. Прямо в подряснике и своей самодельной епитрахили. Погружался и поднимался, весело отфыркиваясь и отирая ладонью бороду. Я, хоть и был достаточно закален, но при третьем Крещенском возгласе, выпрыгнул из воды вверх на половину тела, словно мячик, опущенный на дно. Но почему-то вдруг мне нестерпимо захотелось еще раз спуститься в Иордань. Я и мороза-то не замечал! А от раскрасневшегося тела моего, впрочем, как и от тел моих соратников шел густой пар. Пока окунались мужчины, Агнюша и Машенька пели тропари и кондаки. А Никита, Максим, Николай

Макарович и еще несколько партизан, уже окунувшихся, вдохновенно подпевали:

*Во Иордане крещающуся Тебе, Господи,
Троическое явися поклонение.
Родителей бо глас свидетельствоваше Тебе,
Возлюбленного Тя Сына именуя,
И Дух в виде голубине,
Известовавшие словесе утверждение.
Явлейся Христе Боже
И мир просвещай, слава Тебе...*

После мужиков в Иордань шли женщины. В длинных белых рубахах, сшитых к этому празднованию. Трогательно было смотреть, как это делала Алла. Как со слезами на глазах медленно, даже торжественно, скрестив руки на груди, входила она в прорубь. Как твердым голосом звонко провозглашала: *Во имя Отца! Аминь! И Сына! Аминь!... И Святаго Духа!.. Аминь!*

И медленно с головой погружалась в воду. Машенька же, как раз наоборот, окуналась, повизгивая, захлебываясь возгласами. Агнюша тоже чинно, но, охая и крестясь, неспешно погружалась в озеро.

Наконец, все собравшиеся сунув ноги в валенки, накинув полушубки и, словно наперегонки, кинулись назад в лагерь. А переодевшись в своих землянках, собрались у большого костра. Процедура, с позволения сказать, застолья повторилась так же, как была и на Рождество Христово. Опять с богатыми мясными яствами, с тремястами граммами шнапса в штабной землянке, с песнями под гармонь, мандолину, балалайку и гитару. И опять мы с Аллой танцевали, а потом пошли прогуляться по лесу.

Я что-то весело рассказывал ей о своих курсантских буднях. Но она, вышагивая впереди меня, вдруг остановилась, обернулась ко мне и со слезами на глазах

спросила: «Алексаша! Я хоть немножко нравлюсь тебе. Как девушка? Как женщина?!»

Я поначалу вдруг опешил. На это она вздохнула. Опустила голову. Всхлипнула. Сквозь слезы пролепетала: «Ну вот... Опять сама напросилась! Дрянь такая!»

Тогда я крепко обнял ее и... наконец-то поцеловал. Алла вся как-то беспомощно обмякла. И словно втекла в меня всем своим существом. Не только телом, но и, как мне показалось, душой: ведь она послушливо делала все, что я говорил. Оторвавшись от ее губ, я прошептал: «Не немножко! А очень! Даже более того. Я просто не знаю, как это сказать...»

- А ты не говори ничего! Пока не говори! Я хочу сердцем своим почувствовать! – прошептала она и сама потянулась своими губами к моим. И опять я целовал ее. А она счастливо улыбалась, подставляя мне губы под мои поцелуи. Я даже не помню, сколько времени мы так простояли... Но Алла, взяв себя в руки, предложила: «Может быть, вернемся? Нас, наверное, обыскались. Особенно твоя старшая сестра! Похоже, я ей пришлось не по нраву. К тому же, служба обязывает. Только, не сердись, пожалуйста!»

- Агнюша – добрейшая женщина. Жизнь, конечно, изрядно потрепала ее. Вот она и беспокоится за меня. Но и ты поставь себя на ее место. Она просто присматривается к тебе. Хотя бы с точки зрения нашей с тобой дальнейшей совместно жизни, - ласково покрутил я завиток, выбившийся из-под шерстяного платка.

- Хорошо. Если ты говоришь, я попробую. Ты представить себе не можешь, какое это удовольствие подчиняться тебе. Последние годы ведь командовать мужиками приходилось мне. А теперь тебе подчиняюсь, словно ландриночку сладкую сосу.

- Не подчиняться, душа моя, а послушаться. Как это написано в Священном Писании. Но ведь ты тоже подчинялась твоему отцу, потом начальникам в своей школе государственной безопасности.

- Это другое подчинение. Солдатское. Сколько себя помню, я жила именно в нем. Даже будучи в первом классе.

- А маму свою не помнишь?

- Смутно... Отец даже фотографий ее дома не оставил. Поэтому, как я, кроха, могла помнить?

- ?

- Он говорил, что она была врагом народа и революции. И меня сизмальства воспитывал на таком отношении к матери. Больше отец ничего никогда не рассказывал. Даже ругался на меня, когда я вспоминала про мать. Вот поэтому, наверное, я и хочу, чтобы у моих детей были и отец, и мать. И хочу этим детям отдать все, что недополучила сама. И чтобы мой муж восполнил недополученное мною от отца. Правда-правда! И я сейчас рассказываю тебе то, чего никому и никогда не рассказывала.

- Тем более, ты должна понять и принять Агнюшу! Ведь твоя жизнь была не слаще, чем у нее в лагере! – воскликнул я.

- Тише-тише! Мы уже подошли к нашему расположению! – Алла даже приложила свою ладошку к моим губам. А я поцеловал ее. И в последний раз за Крещенскую ночь саму Аллу.

Увлечшись веселием, никто из партизан не заметил ни нашего ухода, ни нашего возвращения. Разве что Агнюша и отец Валерий. Но теперь они оба улыбнулись.

«Значит, у батюшки с сестрицей был какой-то очень серьезный разговор!» - подумал удовлетворенно я. А партизаны уже опять выкаблучивались друг перед другом. Но уже с частушками. Один, хлопая себя по груди, бокам, по сапогам, выводил:

*Гитлер вздумал угоститься
Чаю русского напиток
Зря, дурак, позарился,
Кипятком ошпарился.*

Другой тут же подхватывал:

*Ехал Гитлер на Москву
На машинах-таночках
А оттуда от Москвы
На разбитых саночках.*

Третий подпевал:

*Скоро Гитлеру могила,
Скоро Гитлеру капут
Наши русские машины
По Берлину побегут*

Четвертый вступал:

*Ночка темная настала
На полях стоит туман,
Гитлер смазывает пятки
Да от русских партизан*

И тут же неслоь:

*На осине две веревки,
Любо-дорого смотреть,
Скоро Гитлер с Муссолини
Будут рядышком висеть.*

... И еще, и еще:

*Эх ма, наша мать,
Горькая Рассея
Научилась воевать
Долбанем злодея.*

И еще:

*Ай, ду-ду. Ай, ду-ду
Сидит фюрер на дубу,
Я из снайперской винтовки
Ему пестик отшибу...*

Вот смеху-то было! Мы, все остальные, в такт исполнителям дружно хлопали в ладоши. Алла, привалившись ко мне спиной и смеясь, опять, как и Рождественскую ночь, все время оглядывалась на меня. Как бы делилась своей радостью. Или ждала от меня одобрения? И глаза ее блестели опять. А я, приобняв ее за плечи, подумал про частушечников: «Откуда же эти люди берут такие слова? Словно сами, на ходу придумывают... Великие Русские и одновременно простые люди! Непобедимые!»

К утру все разошлись. Я еще раз поцеловал Аллу и отправился в свою землянку с предчувствием чего-то нового в моей жизни, хорошего, еще незнакомого. Но оказалось, что я ошибся...

Поднявшись и войдя в штабную землянку, я не поверил своим глазам и ушам. Просто не узнал вчерашнюю Аллу. Она хлопала своим десантным шлемом по ладони и шипела, разбрасывая из глаз злые искры: «Допраздновались свое Крещение! Добрагодуетствовались! Допелись! А колонна-то с генералами проходит! Поди, уже на подъезде к нам! И сомневаюсь, что мы успеем перехватить ее! Через лес по снегу! Сорвали такую операцию! Я буду об этом докладывать по команде! А где, хотела бы я знать, подкрепление партизанской бригады «товарища Акима»? Об их вредительстве и саботаже я тоже буду докладывать в Москву. А может быть и никто не ходил на встречу с ней?..»

Тут она недобро зыркнула на меня: «И что это ты, старлей, себе навывдумывал про меня? Ха-ха... Купила я тебя! Наболтала невесть что. А ты и поверил! Губы раскатал! И фашистские обноски сестрицы твоей и этой Машки мне нужны. Я им швырнула их! Радистка! Меня учить вздумала!»

- Алла.., - начал, было, я.

- А вам, товарищ старший лейтенант морской авиации, я не Алла, а лейтенант государственной безопасности, - повысила она голос.

- Бог не попустил эту авантюрную, даже преступную операцию, которая могла бы стать всего отряда самоубийством. И как верно вы заметили, партизанская бригада товарища Акима не подошла вовремя. А что бы мы делали без нее с танками, бронетранспортерами, вооруженными до зубов пулеметчиками на мотоциклах и с тремя самолетами сопровождения? Нас всего – шестьдесят бойцов. Или прикажете снимать остальных с боевого охранения и из «секретов»? И послать весь отряд на верную смерть? - поднявшись из-за стола, сухо и жестко проговорил отец Валерий.

- Да, прикажу! И сама пойду! – в тон ему ответила Нефедова.

- Это – преступный приказ! – теперь повысил голос батюшка.

- Так ты, поп продажный, отказываешься его выполнять? Так ты, на самом деле враг народа! Устроился тут, как на курорте! Да я тебя за это.., - выхватила Алла из кобура пистолет.

Но Юрок, до сих пор молчавший, сидевший неподвижно, вскочил, распрямился, словно сжатая пружина. И ловко вывернул его из руки Аллы и проговорил: «Вы, барышня, не очень... Это все-таки – боевое оружие. К тому же, в чужой монастырь со своим уставом не ходят!»

- К тому же, командир отряда здесь я. А вы лейтенант Нефедова со своими бойцами прикомандированы нам. И попрошу впредь оставить свои истерики и соблюдать дисциплину. А то посажу под арест, - вздохнув сказал отец Валерий, и было заметно, насколько трудно ему даются все слова. Ведь он, как и я, и даже Агнюша поверили в недавнюю искренность Нефедовой.

Батюшка повелел Юрку: «Георгий, отдайте оружие лейтенанту государственной безопасности.»

- А она палить здесь не начнет? – хмыкнул в ответ тот.

- Не начнет. Все могут быть свободны

Георгий протянул Нефедовой ее пистолет. Алла же на это подняла голову. В ее глазах стояли слезы.

- Простите меня все... Я просто хотела поскорее уничтожить эту распроклятую гору со всей ее начинкой. Простите! Погорячилась! Простите Христа ради, - всхлипнула она.

На это отец Валерий перекрестился и даже улыбнулся: «Бог простит, и мы – туда же.»

- Ничего себе, «погорячилась», - буркнул Костя и первым вышел из штабной землянки. Я – следом. Все во мне пылало негодованием. Но уже на улице меня окликнула Нефедова: «Алексаша! Простишь ли ты меня когда-нибудь за мой бабий треп?»

- Уже простил. Но я теперь для вас – гвардии старший лейтенант морской авиации. Хм... С раскатанными губами! А вы для меня лейтенант государственной безопасности. И только!

Я видел, как она заплакала и убежала в свою землянку. А я подсел к Юрку и Никите на бревнышки. Мы закурили. Первый крутанул головой: «Вот бабу закрутил бесяра!»

- Они, когда влюбляются, себя не помнят. Бзик в голове какой-то происходит. Что делать-то будешь? К сосне-то все одно вместе с Нефедовой придется ходить, - вздохнул Никита.

- Наше дело воевать. Первым делом – самолеты и дисколеты! Будь они неладны.., - усмехнулся я.

Но в это время к нам подошли несколько незнакомых мужиков. Хотя, приглядевшись, в одном я узнал «комсомольца» из партизанской бригады «товарища Акима». И тут же проводил его к бабушке.

- Что ж так подзадержались? - спросил отец Валерий.
- Так получилось, - махнул рукой «комсомолец».
- Дорого яичко к Христову дню. Генералы уже проехали.
- Все равно наша бригада завтра только подтянется. Будем штурмовать осиное гнездо.
- Идите отдыхайте. Завтра и потолкуем с комбригом.
- А меня вы не хотите посвятить в свои планы? Предварительно? – даже надул губы «комсомолец».
- Непременно. На завтрашнем военном совете. Идите, - сухо ответил отец Валерий.

Ну и разволновался же я накануне своего выступления по «Народному радио»! Ночь не спал! Обдумывал ответы на вопросы, которые планировал задать мне Игорь. Долго не мог решить, какую главу, из какой по счету книги прочитать вслух. В сокращении, конечно. Вставал. Курил. Пил воду. Просто вышагивал из угла в угол то кухни, то большой комнаты...

А во время завтрака Елена, угадав мое состояние, пошутила словами «хохмача» Жванецкого: «Жора, не изводите себя... Вы еще прошлый срок не отсидели!»

А я вдруг почему-то вспомнил клевету Анны Егоровны, которая в разговоре с соседкой по даче утверждала, что я – убийца и уголовник, «мотающий» срок. Именно «срок»! Но Елена серьезно добавила: «Я обзвонила всех подруг, друзей и просто знакомых, которые пообещали послушать твое интервью. Кстати, и на моей работе, в нас в отделе тоже заинтересовались. Представляешь, за счет официального перерыва на обед?! Ты говорил, что выступать будешь не более часа? А в какое время? Только назови, пожалуйста, точно. И на каких волнах? Я и Егорке скажу, чтобы тоже слушал.»

- Спасибо, - улыбнулся я.

- Не волнуйся! Ты же - опытный журналист!.. У-у-у! Ну, я побежала, - и она, взглянув на часы, залпом допила свой кофе.

А когда я пошел провожать жену в прихожую, и она стояла уже в пальто, все-таки спросил: «Ты, помнится, грозилась сообщить «сыночку» о моем выступлении на радио?»

- А-а-а... Он все равно еще спит. Зачем будить человека. Позвоню с работы, - махнула Елена рукой. Вскользь чмокнула меня в щеку. И выскользнула во входную дверь. Уж и не знаю, выполнила ли она свои «благие намерения», которые ведут в известное место. А я помыл посуду и принялся звонить Игорю. Так сказать, сделал контрольный звонок.

С Игорем мы встретились в метро. Поднялись от «Националя» по Тверской улице. И напротив Центрального телеграфа вошли в подъезд роскошного, так называемого, «Сталинского ампира», - или «вампира», - с изваяниями, пародирующими древнегреческие или древнеримские скульптуры. Строгая консьержка за стеклянной перегородкой оглядела нас с головы до ног. Но должно быть, узнав Игоря, улыбнулась и кивнула. А мы поднялись на самый верхний этаж и вошли в помещение редакции с ее многочисленными клетушками кабинетов всяческих переходов и ступенек.

Игорь на ходу спросил: «Ты решил, какой отрывок из романа в заключение нашей беседы будешь читать?»

- Да. Последнюю главу из второй книги «Приделы поля Куликова», описывающую собственно битву, - кивнул я.

- В десятку! – поднял большой палец Игорь. Посмотрел на часы: «Только учти: времени у нас с тобой на все про все пятьдесят минут. Мне же надо самому представиться слушателям, представить тебя, сказать

вступительные слова про твой роман. У тебя текст описания битвы с собой? Эфир нам дадут через тридцать минут. Так что сейчас присядь в пустом кабинете и немного сократи главу из расчета, что читать ее ты будешь не более десяти минут. А остальное время уйдет на беседу с тобой о первой книге и других. Написанных и задуманных. К слову, это тоже должно заинтересовать потенциального слушателя и читателя. Не будем сейчас попусту тратить время.»

Что я и сделал. Однако, все остальное происходило, словно не со мною. Я от навалившегося волнения ничего не понял и не запомнил. Что говорил? Что читал? Только, когда вышел из операторской звукозаписи, увидел, как звукооператор поднял над головой оба больших пальца. А когда мы с Игорем одевались в кабинете, туда вошел главный редактор «Народного радио», пожал мне руку и сказал: «Мы все в редакции оставили свои дела, чтобы послушать главу вашего романа про Куликовскую битву. Жаль, что мы не книжное издательство... Определенно жаль!»

На этом мы с ним распрощались. А подойдя к лифту, Игорь вдруг достал из внутреннего кармана чекушку «Перцовки». Подмигнул мне: «Твой дебют надо обмыть! Даже не смотря на Великий пост! Я видел, как ты волновался. И предлагаю снять этот стресс.»

И в кабине медленного, «допотопного» лифта под шоколадную конфетку на двоих «раздавили» чекушку. Удивительно, но «Перцовка» мне показалась чуть ли не водой. И я подумал: «На самом деле, - стресс!» А вслух, вдруг вспомнив, спросил: «Чью память ты почтил в самом начале передачи? Какого-то поэта?»

- И-и-и, брат! Это – не какой-то поэт. Это – Поэт с большой буквы! Русский поэт! - даже крутанул головой Игорь.

- ?

Тем временем мы вышли из лифта и, закурив, медленно спускались к станции метро «Охотный ряд». Игорь рассказывал: «Николай Алексеевич Мельников родился в самой простой семье. Он был даже младше нас с тобой. Закончил по моему, режиссерский в ГИТИСе... Писал прекрасные стихи. Самая знаменитая поэма его называлась «Русский Крест». За нее, должно быть, его и убили в Козельске, на автобусной остановке. В две тысячи шестом году. И еще за то, что он ставил фильм о русских солдатах, героях современности.»

- В Козельске? – переспросил я.

- Там...

- Святое место! Батый назвал его «злым городом». В обороне-то Козельска участвовали все женщины и даже малые дети. И захватчики истребили поголовно всех его жителей, включая младенцев. К тому же рядом находится Оптина Пустынь. А вокруг святого места всякая нечисть так и кишит. Помнишь, как там сатанист зарезал троих монахов? А еще я знавал такого профессора Троицкого. Дочка его была, по моему, художницей. Православной христианкой. Поселилась рядом с Оптиной. Так ее тоже убили. Причем, ритуально. Двенадцать уколов цыганской иглой или же чем-то вроде ее – вокруг сердца, а тринадцатый – прямо в сердце. Царствие им Небесное!.. Но мы отвлеклись от Мельникова. А ты не помнишь что-нибудь из его стихов?

- Так, как говорится, на вскидку сразу и не вспомню. Посмотри в интернете..., - на минуту задумался Игорь. Но тут же процитировал:

*Мы не сгубили молодость свою,
И цинковых гробов не просили,
Но если здесь не выстоим в бою,
То завтра потеряем всю Россию...*

Это - про русских мальчишек, погибавших в Афгане, в Чечне в других «горячих точках». Придумают же... Или вот еще, так сказать, программное стихотворение:

*Есть Вера, Бог, Отечество и ты!
Лишь это русским делает народом!*

А как лирично звучит:

*Я тихо в храм вошел, перекрестясь,
И думал я о тайне мироздания,
И не было в душе моей роптанья,
Была молитвы сладостная вязь...*

То, что запомнилось само собой. Врезалось в память! Впечаталось, образно говоря.

- Наверное потому, что стихи по духу близки нам обоим. Удивительно, но и мне они как-то сразу запомнились, впечатались, как ты сказал, в память, - в тон Игорю ответил я.

- Поэму «Русский Крест» я тебе, конечно, процитировать не смогу. Говорю же, посмотри в интернете. А теперь давай прощаться. Моя Машенька попросила меня не задерживаться. Она хотела сегодня шторы поменять на более плотные и темные, - сказал он, когда мы вошли в метро. И всю дорогу домой стихи Николая Мельникова не выходили у меня из головы. А вернувшись, я увидел Георгия, как всегда, за компьютером. И услышал, как он переговаривается с кем-то в игре «он-лайн». Переговаривается матом... «Для связки слов». И я со скорбью подумал: «Значит, он не слушал мое выступление по радио. Бедный мальчик!»

Но сам, раздевшись, тоже сел за компьютер. Только для того, чтобы почитать стихи Николая Мельникова. И зачитался. Даже не успел приготовить ужин к приходу Елены.

А она вошла возбужденная, веселая. И еще не переодевшись принялась делиться впечатлениями о моем

выступлении: «Наш начальник умотал куда-то. А Елена Владимировна, его заместитель, даже зааплодировала тебе. Весь отдел смотрел.»

- Как смотрел? – удивился я.

- На «Народном радио», оказывается, транслируют все передачи по компьютеру. Другая моя знакомая, - ты ее не знаешь, - тоже смотрела. Только удивлялась тому, что вы с Игорем слишком часто крестились. Особенно тогда, когда ты читал отрывок из книги про битву на Куликовском поле. Я сказала, что вы оба волновались.

- Крестились? А что мы должны были делать, поминая, например, святого благоверного Великого Князя Димитрия Иоанновича Донского, Александра Пересвета, или князя Серпуховского Владимира? Или других, положивших души свои за други своя?

- Саша! К чему этот твой пафос?.. Звонили еще и Анюта, и Таня, и Галя. И другие. Хвалили. Только смотри, не задирай нос! А то зазнаешься! – в шутку погрозила пальчиком Елена.

- Уже зазнался. Даже ужин не успел приготовить! Зачитался. Прости уж, - в тон ей ответил я.

- Ладно-ладно! У тебя сегодня праздник. Я сама что-нибудь придумаю, - махнула она рукой. Но вдруг добавила: «Мне, правда было немножко стыдно перед коллегами, подругами и друзьями, когда Игорь говорил про эпичность твоего романа. И даже сравнивал тебя по мастерству, образности и глубине повествования со Львом и Алексеем Толстыми и с Михаилом Шолоховым. На всю страну! Не слишком ли?»

- Стыдно? А ты исключаяешь это? – удивился я

Но в это время из своей комнаты появился Георгий. Скривил губы: «Ма! Когда ты что-нибудь нормальное приготовишь? А то пельмени и сосиски осточертели! Жрать хочется!»

- А что ты подразумеваешь под нормальным питанием? – спросила Елена. И даже с каким-то недовольством посмотрела на меня. Да что там с недовольством?! С осуждением!

- Ну ладно, вы на пару с ума сходите со своим постом. Но мне-то и щец, и борщечку хочется. Но только с мясом! И отбивных с картофельным пюре на молоке. И куриных грудок. Придумай сама, в конце-то концов. Ты – мать или кто? А то я опять сегодня к тете Кате обедать ходил. И, кстати, целую куриную грудку сожрал с картофельным пюре. Впрочем, вы ты все рано не умеешь готовить! – вещал «ребеночек».

Хотелось мне спросить сына: «А ты заработал на эту куриную грудку, на щи и борщ с мясом, чтобы старуху-пенсионерку объедаешь? С ее микроскопической пенсией?»

Но я не захотел портить себе настроения в этот неплохой для меня день. Поэтому промолчал и ушел в нашу с женой комнату. Включил компьютер. И по электронной почте получил звукозапись своего выступления с фотоснимками оного. Оказывается, Игорь постарался. Спаси Господи!

Я еще раз прослушал звукозапись. И обнаружил несколько откровенных «ляпов» в своих словах. Ну что же было делать? Выступал на радио я в первый раз. И, как говорится, «поезд уже ушел».

За ужином Елена спросила сына: «Ты слушал выступление отца по «Народному радио». Ведь я тебе напоминала.»

- А мне это надо? Мне - как-то фиолетово! Наверняка, ему это вы-ступ-ле-ни-е устроил кто-то из его друзей-журналистов. У них ведь как? «Петушка хвалит кукуха за то, что хвалит тот петушку» - извратил слова басни Крылова Георгий. И сам, брызгая прожеванным омлетом на сале с колбасой, засмеялся своей, с позволения сказать,

шутке. Елена опустила глаза в тарелку. Тихо проговорила: «А многим моим знакомым выступление понравилось.»

- Я уже говорил тебе! И не раз! Все твои подружки – дебилки! А стало быть, им нравится все по их умственному развитию. А друзья и знакомые, с которыми я незнаком, думаю, не лучше. Налей-ка лучше мне чаю, - рыгнув и, затем икая, проговорил «ребеночек».

Я встал и вышел из-за стола. Однако, вспомнил, как Игорь однажды сказал по поводу подобной хулы: «Это – лучший твой, самый щедрый гонорар! Как война Христова на передовой линии огня. Значит, ты правильно все пишешь! А враг рода человеческого недоволен. Мстит тебе через самых близких людей! Как и другим талантливим людям. Например, через начальство. Через «собратьев по перу». Через лжесобратьев. А по сути – графоманов. Я даже с Костей спорил. Помнишь, он говорил как-то, мол, причину всех собственных бед, болезней, несчастий нужно искать в самом себе, в своих грехах. Но это не касается людей по-настоящему творческих. Последних, если не убивают, как Пушкина, Лермонтова, Есенина, Рубцова, многих иных, то истязают через ближних. Через жен, детей, других сродников. Это – мистика. И очень трудно устоять перед кознями лукавого. Но уж, ежели ты дал обет Богу на талант, то страшно изменить данному обету. Надо идти до конца! Все мы, конечно, не без грехов. Но оными мы позволяем снять себя гигантское напряжение, которому подвержены своим творчеством. А Костя? Я очень люблю и ценю его. Но в нем творческие начала борются с технарским прогматизмом. Поэтому, давай не будем впредь спорить с ним, а с любовью принимать его таким, каков он, - наш брат во Христе, - есть. Лучший брат. Ближе родного!»

Вспомнив это, я вернулся за стол, однако Георгия там уже не было. Но Лена сидела какая-то отрешенная, чужая, непонимающая. И смотрела куда-то в пространство мимо

меня. Встала. Собрала и поставила в мойку грязную посуду. И вдруг сказала: «А может быть, он прав?»

- Кто прав? В чем? – недоумевая спросил я.

- Егорка... Может быть, он прав в том, что Игорь устроил твое выступление только потому, что вы – друзья? Так сказать, по благу! А мои подруги и знакомые восхищались твоим романом тоже только потому, что не хотели обидеть меня? – стоя ко мне спиной, проговорила жена. Она словно вылила на меня, стоявшего на морозе, ведро холодной воды. Я даже чуть не задохнулся от этих оскорбительных сомнений, охвативших ее. Но сын-то – какая подлость! И ведь как-то сумел внушить ей эти сомнения! «Что ж, - горько усмехнулся я мысленно, - нет пророка в своем отечестве!»

Однако взял себя в руки. И холодно ответил: «А может быть, он прав в том, что твои подруги и знакомые – дебилки и дебилы? Тогда ты кто такая? По поговорке «скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты»? А может быть, он тоже был прав, когда называл своего дедушку, твоего отца, инженера, изобретавшего легендарную «тридцать четверку», старым дураком, козлом и сумасшедшим? Тогда кто ты, его дочь? И кто он сам? Кто он, доживший на халяву за наш счет до двадцати пяти лет? Нигде не работающий? Окончивший девять классов вечерней школы рабочей молодежи? И то... Вспомни, как ты чуть ли не за руку привела его туда. Великовозрастного инфантильного недоросля-недоучку, который только и умеет, что играть на компьютере! А еще говоришь, что не поддаешься чьему-либо влиянию! Или у теток научилась? Мол, что он, - то есть я, - там пишет? Мол, лучше бы шел работать в завод!»

- Не смей оскорблять мою родню и сына! Кстати, я заметила, ты его совсем не любишь! Равно, как и тетушек! И моих друзей, подруг! – повысила она голос.

- Чему ты можешь доброму научиться у этих хронических разведенков? Выгонять мужей? А отцовская любовь определяется сыновней любовью. Это – два! И не я это сказал! Вспомни *Притчу о блудном сыне!* Не отец пришел с покаянием к сыну, а сын к отцу. Не отец перед сыном упал на колени и просил прощения, а сын у отца! К тому же, мужская отцовская любовь определяется не бабьим сюсюканьем и тем более вседозволенностью, яблочками, апельсинками, шоколадками, печенюшками, как младенчику! А про твоих старых безбожниц я вообще не говорю. Пусть их судит Господь! Так что, и ты запрети твоей родне и твоему сыну, в том числе, оскорблять меня! И я не желаю ходить у них в прислужниках. Были бы достойными! – в том же тоне ответил я жене.

- Моему сыну?! Разве ты не признал отцовства? Или до сих пор претворялся? Не-э-эт! Нам все-таки надо разводится! Я с самого начала подозревала, что история с нашей свадьбой ни к чему хорошему не приведет! И тетушки мне это говорили... – уже прошипела Елена.

- Ах, «тетушки говорили» тебе?! Так вот, откуда рога растут! Ладно... Уже поздно. Поэтому предлагаю тебе успокоиться. Ложиться спать. Тебе завтра рано вставать в твою таможню. А я еще немного поработаю на кухне, - примирительно сказал я.

- Можешь работать в маленькой комнате. Я лягу в большой. И мне, на самом деле надо успокоиться, - с проходящей дрожью в голосе сказала Елена. Ушла, но тут же вернулась с початой бутылкой «Русского стандарта». Налила рюмку. Опрокинула ее. Ополоснула в мойке. И ушла, унося с собой бутылку. Я не поверил своим глазам! Но в сердцах подумал: «Ах, вот ты как? Напоказ! При мне! Назло! Что называется, в одно горло! Научилась у своих «вольных» подружек-разведенков. Это что? Называется примирением?»

Но пока она была в ванной, я успел выскочить на балкон, достать из «тайничка» фляжку коньяку. И тут же выпил ее половину. Остальное припрятал в письменный стол.

Конечно же, не написалось ни строчки. В голове и на сердце была пу-сто-та! Поэтому, не раздвигая диван, я расстелил постель. И при потушенном свете допил коньяк. Подумал: «На дворе – Великий пост, а мы? Целый «букет» искушений! Прости, Господи!»

...Удивительно, но утром Елена вела себя, как ни в чем не бывало. Даже поцеловала меня щеку. Я спросил: «Ты что, не помнишь нашего вчерашнего разговора? Ты говорила про наш развод. Кричала, мол, я не люблю Георгия!»

- А я забыла об этом. И ты за-абей! Побольше позитива! – неожиданно, рассмеявшись, ответила она.

«Забыла? Вот они, рога лукавого беса и вылезли! Бедная-бедная! Как же она не понимает, что именно враг искушает нас обоих?! Сталкивает! Внушает! Диктует свою звериную волю!» - со скорбью подумал я, но ничего не сказал. Лена же, мурлыкая что-то под нос, убежала на работу. А я опять не смог работать. Стоял перед иконами каким-то опустошенным. Слова молитв першили в горле, словно по нему провели наждачной бумагой. Казалось бы, надо встать на колени, прочитать молитву Ефрема Сирина. Но память замутилась! Поэтому я пошел по магазинам. Какая-то безысходность окутала меня, словно паучьем коконом. И теперь безжалостным жалом высасывала душу. Жутко захотелось выпить.

Я зашел в ближайший универсам. Купил фляжку коньяку. И хотя кто-то извне убеждал меня, что этого в пост делать не надо, другой голос вдалбливал мне в мозг: «Махни-махни! Сам ведь знаешь, что полегчает на душе! Проверенный, надежный, дедовский, - ха-ха, - метод!»

И я, возвращаясь домой, уже в лифте ополовинил фляжку. Словно назло убеждавшему первому голосу. И только после того, как выпил, вдруг осознал, что никто иной, как мой Ангел Хранитель пытался удержать меня от греха. Тогда, как во втором голосе я узнал картавость старика-корня. Но рассуждать и понимать что-либо было уже поздно. Оставалось только каяться на ближайшей исповеди. Но сейчас же прошептал: «Каюсь, Господи! Но не я первым «поднял меч»!

Мне даже показалось, что перед глазами сверкнули две скрещенные шашки, высекающие друг из друга ослепительные искры.

А из чьего-то окна на полную мощь динамиков доносилось: «Война! Идет гражданская война!»...

В храм Божий на *Торжество Православия* Елена, конечно же, не пошла. Опять почти поплакалась: мол, я так рано не встану! Да и я сам на службе расстроился: Чин Анафематствования в нашем храме, как впрочем и в других, московских, не провозглашался. А как хотелось услышать: *Помышляющим, яко православнии государи возводятся на престолы не по особливому о них Божию благоволению, и при помазании на царство дарования Святаго Духа к прохождению великого сего звания на них не изливаются: и тако дерзающим против их на бунт и измену: Анафема! Анафема! Анафема!*

Поневоле подумалось, что «высокое» церковное начальство, образно говоря, - духовные наследники тех, кто предательски присягал «благоверному временному правительству». Посылали ему приветственные верноподданические телеграммы. А затем впадал в ересь обновленчества. И теперь в своих потомках остается верны этой лжеприсяге. Даже после того, как во всем православном мире Святой Царь великомученик и искупитель Николай Второй Александрович со всем

Августейшим семейством и верными слугами прославлен в лике святых! Что ж?! Бог – Судия всем этим архиереям и иереям. Поэтому я после *Отче наш* сразу отправился восвояси.

Вечером, за ужином я попробовал рассказать обо всем Елене. Даже заметил, что, не к ночи будь помянутым, Бланк-Ульянов-Ленин тоже предан Анафеме Русской Православной Церковью за рубежом. Как и все подельники его, начиная от того же Троцкого и завершая самым последним, рядовым гонителем веры христианской.

- Разве так можно? – удивилась жена. А, подумав, продолжила: «Ведь Православие призывает всех любить и прощать. Молиться за врагов, как Христос молился за распинателей Своих. К тому же, у нашего народа принято о покойниках говорить либо хорошо, либо ничего!»

Я, уминая манную котлету с клубничным вареньем, засмеялся: «Это – чистейшей воды «толстовщина». Не противление злу насилием. Вредная теория! И придумана для того, чтобы враги, - духовные ли, физические ли, - легче могли взять нас, русских, православных в оборот. А про покойников? Так нам внушили эту поговорку без последних слов. Посмотри в Словаре Великорусского живого языка Владимира Иоанновича Даля! Там поговорка, упомянутая тобою, приводится полностью. И звучит она так: «о покойниках говорят либо хорошо, либо ничего.., кроме правды». Только надо быть очень твердо уверенным, что ты излагаешь правду.»

- В самом деле? Я как-то не думала, даже не предполагала этого. И не слышала конца поговорки!

...После праздника Торжества Православия Великий пост в моей семье проходил мирно. Без искушений. Даже Георгий не так буйствовал, не так злобно хамил и не так громко матерился за своим компьютером, переговариваясь с друзьями. Тетки тоже как бы притихли и даже не

появлялись у нас. Только изредка названивали сыну. Лена сама была приветлива и заботлива. Несколько раз даже приносила мне за рабочий стол кофе. Я удивлялся: не отказался ли от Господь от меня? Но тут сам же пугался таких мыслей: зачем призывать искушения на свою голову?

Тем не менее, несмотря на все страхования, роман мой писался легко и быстро. За один присест я мог осилить половину главы. А это – страниц шесть-семь. К тому же, раз в неделю я ездил по архивам, сидел в бывшей Румянцевской библиотеке, «лазил» по сайтам. Одним словом, работал. И это было лучшим подтверждением того, что Господь не отступился от меня, что Он идет рядом, а время от времени и Сам несет меня!

Да-да! Я вспомнил, наверное, неканоническую притчу, как одному рабу Божию приснился сон, в котором шел он по берегу бушующего моря житейского. По песку. А рядом с ним шел Господь наш Иисус Христос. Но обернувшись, этот счастливец то и дело видел только одну цепочку следов на песке. И он спросил Господа, мол, почему ты в это время оставлял меня? *Нет*, - ответил Спаситель, - *в это время, в дни твоих греховных падений, уныния, отчаяния и ропота Я нес тебя на Себе.*

Как же сладко думать так и помнить эдакое!

На Пасху мы с Еленой отправились в церковь. Однако я не мог не заметить, как жене было не уютно. Как стояла она, что называется, через силу. Крестилась невпопад. А ведь вместе мы живем не первый год! Могла бы и научиться. Если бы хотела! Но, должно быть, Бог не соизволяет.

Хор пел: *Христос воскрес из мертвых...*

А мне казалось, что в ушах ее звучит что-то из Визбора или про «никитинского» резинного ежика «с дырочкой в правом боку», или хуже того, «окуджавское»: «поднявший меч на наш союз, достоин будет худшей

кары...» Наверное, я на самом деле в очередной раз ошибся. Что ж, по грехам!

...Дежурные милиционеры с улицы заходили греться. Дети бегали по храму, наступая взрослым прихожанам на ноги. У свечного ящика, громко переговариваясь, столпились нетрезвые взрослые. Подавали записки, покупали самые дорогие, толстенные свечи. А потом, уподобляясь детям, шли по ногам прихожан у иконам. Эти пришли, как говорится, «из интересу». А, может быть, их привели в храм Божий души-христианки и молитвы почивших прабабушек и прадедушек? Дай-то Бог! Ведь Господь наш Иисус Христос пришел спасти не праведников, а грешников! И, как знать, может быть, кто-нибудь из «интересующихся» станет святым угодником Божиим, как тот же солдат Женя Родионов, пострадавший в Чечне.

Елена явно скучала. Переминалась с ноги на ногу. А поэтому я спросил: «Ты хочешь в туалет? Тебя проводить?»

- С чего ты взял? – скривила губы она.

- Исповедаться бы сейчас! Покаяться! Я давненько на исповеди не был. А ты не хочешь ли подойти в отцу Сергию, который соборовал Василия Андреевича? – вздохнул я

- Мне не в чем исповедоваться и не в чем каяться, - пожала Лена плечами. И даже передернула ими.

- А в непослушании мужу? Ведь самый первый вопрос, который Господь задаст тебе на Частном Суде, будет «послушалась ли ты венчанному мужу?» И если не послушалась, других вопросов не будет. Будет ад! Во всяком случае, так многие святые отцы пишут.

- Да ладно тебе! Не пугай! Сказала же: не в чем мне каяться: не убивала, не воровала, аборт не делала. И тебя слушаю. Как говорится, в меру. В чем каяться-то? Не буду!

- А я пойду...

Отец Сергей не поучал, не попрекал, а просто кивал головой, повторяя: «Прости, Господи...»

Накрыл епитрахилью. И вдруг сказал: «Причащайтесь!»

- Батюшка! Я не готовился!

- Постились? Сегодня Господь всех принимает, - ответил он и помахал рукой, призывая следующего на исповедь.

Я поспешил к Елене сообщить о такой возможности. Но она опять только помотала головой: «Не буду! Ты же говорил, что мы с тобой – единое тело. Значит, если причастишься ты, причащусь и я.»

Часа в три ночи мы возвращались пешком домой. Идти-то – минут тридцать! Пустынная улица. В окнах всех, за редким исключением, многоэтажек нет света. Какая-то необъяснимая радость переполняла меня. Было такое ощущение, что она выплескивается из души через край! Я на ходу изобразил что-то вроде чечетки. Взял Елену за руки. Попытался покружиться с ней. Но она воспротивилась: «Хватит мальчишествовать! Солидный человек! Немолодой! Журналист! Писатель! А ведешь себя, словно тебе лет пятнадцать!»

«Вот и причастилась через меня!» - грустно подумалось мне.

Удивительно, но Георгия дома мы застали спящим, хотя он, по обыкновению, в это время все еще играл на компьютере. Мы разговелись куличом, моим любимым «Рокфором», сырокопченой колбаской, крашенными яйцами, заливным языком и парочкой рюмок коньяка.

Когда я проснулся часа в три по полудни, Лены уже не было рядом. Зато с кухни доносился звон посуды и недовольный голос Георгия. Я не стал прислушиваться, а напрямик шмыгнул в ванную. Когда же вышел из нее, сына на от кухне уже не было. Зато на столе валялась яичная

скорлупа и большие крошки кулича. За завтраком, - или обедом, - Елена поздравила: *Христос Воскресе!*

- *Воистину Воскресе!* – весело ответил я. Тогда она предложила: «Давай завтра съездим на дачу? Строительство идет полным ходом. Посмотрим, проверим. Одним днем. Завтра же вернемся. Погода обещает побаловать. Деревья только распустились. А через день отправимся по «Золотому кольцу». Я ведь забыла тебе сказать, что купила путевки на пятидневную экскурсию. Побываем в Троице-Сергиевой Лавре, Переславле-Залесском, в Костроме, Ярославле, в Суздале, в Дивеево, наконец, во Владимире. Ты доволен?»

- Во Владимире? Я ведь там каждое лето отдыхал. У дедушки и бабушки. А втором классе даже учился и в музыкальную школу ходил. Папа тогда как раз академию закончил и уехал в Кировскую область. Мать отправилась к нему. А меня отвезли во Владимир. Вот спасибо-то! Вот удружила! А про Владимир я тебе лучше любого экскурсовода расскажу, - обрадовался я и принялся рассказывать Лене о владимирских приключениях, о том, например, как участвовал в съемках фильма «Женитба Бальзаминова». А том, как все актеры давали мне автографы, которые, увы, теперь потеряны. О том, как бабушка не пустила меня со съемочной группой в Суздаль.

- Ну-у-у! Опять расхвастался! – засмеялась Елена.

- Я не хвастаюсь, а просто рассказываю. Так сладки воспоминания о детстве! А у тебя разве не было таких приключений? – оправдывался я.

- Почему же? Я в «Артек» со своим детским хором ездила. Там даже с нами Магомаев пел! Но я же не хвастаюсь...

- А ты бы рассказала.

- Тогда скажешь, что я хвастаюсь!

- Я-то как раз не скажу. Просто интересно. Ты ведь никогда не рассказываешь о своем детстве.

- Ладно, как-нибудь расскажу...

Вечер прошел лениво и сытно. А утром мы отправились на дачу. Погода и в самом деле баловала. Уже в электричке захотелось раздеться до футболок. Тем паче, вагон был набит дачниками до отказа. А проезжая мимо шоссежных дорог и вдоль них, я мог видеть многокилометровые «пробки» из автомобилей. Снимать «ветровки мы, конечно же, с Леной не стали, потому что сквозняки «прошивали» вагон во всех направлениях от раскрытых с обеих сторон его окон. А за окнами проклеивалась зелень. Свежая, салатовая, клейкая, блестящая. Казалось, что даже она своими «клювиками» воздаст хвалу воскресшему Господу нашему Иисусу Христу. Вспомнилось, как один мой друг и соратник Илия говаривал в такие дни, что лето пришло. А когда лето уже пышно буйствовало, он вздыхал сокрушенно: «Лето прошло!»

А мы как раз проезжали Купавну, где у Илюши была дача. Я позвонил ему по «мобильнику». Поздравил с Праздником. И мы повспоминали. Посмеялись. Он, оказывается, тоже после Антипасхи собрался отвезить маму-пенсионерку на дачу. Но теперь уж на все лето. А я подумал: «Вот ведь какая у Илюши верующая Елена Ивановна! Что же мешает теткам жены так же уверовать? Ходить на службы, исповедоваться, причащаться Святых Тайн? Ведь они старые женщины! Им бы о душе подумать. Но какой-то «тумблерочек» в сердцах не срабатывает. Не замыкает контакты на Любовь и Веру! Какая могла бы быть семья у нас! Каким мог бы быть Георгий!»

И тут как будто кто-то шепнул мне: «Кто мешает? Грехи! И родовое проклятье на их семье. Но тебе об этом узнать повеления Божиего не было. Сам, поди, знаешь, что к Богу могут вернуться даже велики грешники. Конечно раскаявшиеся. Но и на это их тоже сподвигает Сам Господь,

который желает всем спасения. Да и то, ежели за них кто-то усердно молится у Престола Божиего. А в твоём случае...»

Из электрички мы пересели на автобус. И опять увидели окрестности, утопающие в Пасхальной радости. Даже многочисленные пичуги сидели на проводах, направив клювики в сторону солнца. А солнце-то у нас – Иисус Христос! *Всякое дыхание да хвалит Господа!*

Выйдя из автобуса, мы с Еленой опять шли по проселочной дороге через поле, начинающее зацветать, через лес. А он был наполнен голосами невидимых пернатых, которые, должно быть, вторили пению Херувимов, Серафимов, других Ангельских чинов и святых угодников Божиих, славящих Воскресшего Христа. И я сказал об этом Елене.

- Ты на самом деле так думаешь? Фантазер ты мой! Напиши об этом! – улыбнулась жена.

...В дачном поселке «сезонные работы» шли полным ходом. Кто-то еще копал грядки, а кто-то уже сажал картошку, морковь, лук, всякую зелень. Кто-то накрывал парник полиэтиленовой пленкой. Кто-то сжигал ветки и прошлогоднюю листву. Кто-то что-то мастерил. Все они, как я понял, приехали перед Пасхой. И сейчас, когда в Светлую Седмицу работать нельзя, трудятся. Я не осуждал. Я жалел несчастных, обманутых и доведенных до такого скотского состояния большевиками. Как же опустили устои русского быта эти мерзавцы-ленинцы! Да уровня плинтуса! Если не ниже! И нет для этих бывших русских людей ни бесовских «майских праздников», ни Святых Дней Светлой Седмицы.

Почему-то вспомнились записки Феодора Михайловича Достоевского, где он утверждал: *Атеист не может быть русским, атеист тотчас перестает быть русским... Неправославный не может быть русским...*

И еще что-то, типа *русский без православия – дрянь, а не человек...* Прости, Господи, запомнил. И в интернет

нет возможности сейчас заглянуть. Мы же на один день приехали.

Господи! Да что же эти сволочи-атеисты сделали с нашим великим народом?! И после этого «верный ленинец» Зюганов смеет крестить себе лоб?! Получается, что и тетки Елены и даже несчастный Георгий, и эти все добрые дачники не могут называть себя русскими! Как страшно! Вот поэтому-то она не читает «Бесов» Феодора Михайловича!

Я поневоле посмотрел на жену. А она, даже отшатнувшись, спросила: «Что с тобой? Тебе нехорошо?»

- Нет-нет. Уже – лучше... Что-то сердце кольнуло, - взял я себя в руки. И мы как раз подошли к нашей даче. Там работа шла полным ходом. Свистела «циркулярка», визжал электрорубанок, и первый этаж, похоже, был готов к нашему приходу. Перед домом возвышался «эверест» опилок, а в дальнем углу выше забора громоздились доски, бревна, оргалит, огрызки фанеры, обрывки рубероида. Одним словом, все то, что оставалось от дома, возведенного когда-то дядей Борей из подручных средств. Светлая ему память и вечный покой. Хотя, может быть, и он был атеистом.

Строитель Иван доложил, что Алексей куда-то уехал. И как старший, принялся отчитываться о проделанной работе, показывать деяния рук своих. И мы с Леной остались вполне довольны результатами. Смutil меня только сально-похотливый взгляд молодого Романа на мою жену. Он как будто раздевал ее глазами. И я вдруг вспомнил, как этот молдованин еще осенью обронил, что любит женщин в возрасте лет пятидесяти. Мол, они всякий раз, думают, что – в последний, и такое «вытворяют»... Бр-р-р! Омерзительно! Но похоже, Лена не заметила этого взгляда. И я перестал даже думать о молодом похотючнике. А ведь он крест носит. Прости его, Господи!

Наконец-то партизанская бригада пришла. Женщин, пожилых бойцов и подростков, которые входили в ее состав, партизаны разместили в землянках. А сами устроились у костров. И принялись готовиться к операции. На военном совете бразды правления взяла в свои руки Нефедова: «Фрицев надо окружить! Обложим, как медведя в берлоге. С одного из флангов, где склон горы более пологий, прорвем оборону. Заберемся на гору, чтобы забросать вентиляционные шахты гранатами. Побольше! Не жалея! Одновременно прорвав на самое малое время оборону противника у входов в гору, Николай Макарович должен заложить щедрые заряды, дабы лишить фрицев выпустить самолеты и вообще затормозить их передвижение. И тогда всей нашей мощью начнем штурм. Эх! Нам бы парочку танков! Давайте определимся с дислокацией.»

Нефедова развернула большую самодельную карту горы, и все командиры склонились над ней. Перед каждой группой ставилась задача. Но изредка Алла все-таки взглядывала на меня. Жалобно! Просительно! Мне и хотелось бы пожалеть ее, но я подумал, что если она до свадьбы способна устраивать сцены, подобные предыдущей, то что ждать от нее в будущем. Поэтому постарался не встречаться в ней глазами.

Перед началом штурма отец Валерий отслужил напутственный молебен. И что удивительно: даже бойцы бригады выстроились на него. Кое-кто, стесняясь, таясь, крестился. Особенно женщины. «Товарищ Аким» тоже стоял в строю, низко опустив голову. «Комсомолец» же криво усмехался. Как сказала бы Агнюша, ущербный он.

...Конечно же, мы уже знали время смены немецких караулов. Поэтому сводный взвод разведчиков «снял» двойной состав фрицев, как говорится, на раз. Только один «эсэсовец»-офицер успел пустить сигнальную ракету. Но с

другой стороны, она только ускорила штурм, к которому бригада и наш отряд были уже готовы и стояли перед самой горой.

Все складывалось по плану Аллы. И шахты были забросаны гранатами, и взорванные входы в пещеры прилично засыпаны камнями, чтобы помешать авиации, танкам и бронетранспортерам выбраться. Но один «мессер» все-таки успел взлететь. И теперь кружил над нами, поливая свинцом. Тогда Илия-муромец упал на спину, упер свой пулемет в землю и прицельно выпустил несколько очередей. И так удачно, что самолет, задымив, спикировал в дальний лес. Взорвался! Только сам Илюша, дернувшись несколько раз, выпустил из рук пулемет. Его белый маскхалат быстро краснел в нескольких местах на груди. Царствие ему Небесное и вечная память!

Мы несколько раз поднимались в атаку, но всякий раз она, что называется, «захлебывалась». Перед входом в пещеры были навалены убитые фрицы, пытавшиеся, должно быть, контратаковать нас. Но и с нашей стороны я заметил Игоря, учителя с бельмом на глазу, уткнувшегося окровавленным лицом в снег. Никита, казалось, расставив руки, хотел обнять землю! Марик, иные...

А в небе, хотя еще и далеко уже раздавался многоголосый гул самолетов, поднявшихся с соседнего аэродрома на помощь защитникам горы. Должно быть, кто-то внутри пещеры уже сообщил по радию о нашем нападении. А гитлеровцев словно и не уменьшалось. Сколько же их там?!

В это время Алла вдруг поднялась в полный рост. Крикнула: «Мужчины! Я, женщина, призываю вас в бой с фашистскими захватчиками! Мы должны взять эту гору до авиационного налета.»

И вдруг она вздрогнула... Прикрыла глаза... И осела на снег... Но партизаны кинулись в атаку. Хотя и она

«захлебнулась». Я, пригнувшись, кинулся к Алле. Она лежала бледная, даже какая-то посеревшая. Я склонился над ней. Она прошептала: «Алексашенька! Вот видишь, я уже никогда не выйду за тебя замуж... Никогда не рожу тебе деток... А так мечтала! Хотя знаешь... Я не могу не признаться тебе. У меня ведь был приказ после выполнения задания ликвидировать весь ваш отряд. Даже Костю с Ильей. Но я не собиралась выполнять его после встречи с тобой. Я люблю тебя!»

- Я – тоже люблю тебя! – шепнул я. Хотя по поводу ликвидации отряда подумал, что у Аллы начался бред. Твердо сказал: «Сейчас я отнесу тебя в лагерь. Агнюша быстро на ноги поставит!»

- Нет-нет! Меня нельзя двигать, даже шевелить. Я чувствую, что задет позвоночник. А это – край!.. Ног я просто не чувствую. Алексашенька! Лучше поцелуй меня! На прощанье...

- Я приложился к ее лбу. Потом осторожно к губам.

- Нет-нет! Не так! Поцелуй также, как тогда, в лесу. На праздник Крещения, - сквозь боль попыталась она улыбнуться. А когда я поцеловал, Алла вдруг со слезами на глазах попросила: «Теперь благослови! Ведь так говорят, когда крестят?»

Когда же я перекрестил ее, она, все еще улыбаясь, откинула голову набок. Я приложил ладонь к ее худенькой шее. Пульса не было... Теперь ее можно было и шевелить, и переносить. Тем более, что раздалась команда «товарища Акима»: «Воздух! Отходим!»

Небо почернело от налетевших «мессеров» и «юнкерсов». Следы от «трассеров» прошивали воздух. Я с Аллой на руках едва успел добежать до первых деревьев. Но кое-кто из замешкавшихся партизан все-таки попал под бомбежку и под пулеметный обстрел. В том числе и «комсомолец». На том месте, где он, должно быть,

подскользнувшись, упал, осталась только воронка от небольшой авиационной бомбы.

Не более двух сотен нас, оставшихся в живых и раненных, возвращались в лагерь. Женщины-медички помогали идти. Кое-кого даже везли на волокушах. За убитыми идти было совершенно бесполезно. Что ж, это - война.

Мы подвели итоги. «Смежники» потеряли больше половины бригады. Мы – две трети отряда. Утешало только то, что гитлеровцы, ой, как не скоро оправятся от нашей атаки, взрывов, гранат.

Аллу и нескольких партизан, скончавшихся в пути, мы похоронили со всеми воинскими и христианскими почестями и обычаями. Батюшка отпел их. На погребении даже «товарищ Аким» присутствовал. А перед уходом из лагеря я не мог не придти на могилку Аллы. Присел перед ней корточкой. Воткнул в свежую землю сосновую и еще какую-то веточку. Вместо цветов. И вдруг... заплакал. Это было против моей воли! Плакал, наверное, не я, а моя душа. Или... Ангел-Хранитель. Ах, Алла-Алла!

Я почувствовал, что кто-то сзади подошел к могиле. Наскоро, устыдившись, вытер слезы. Поднял глаза и увидел Агнюшу. Она достала из кармана мензурку то ли со спиртом, то ли с трофейным шнапсом и два медицинских стаканчика. Перекрестилась. Прошептала: «Помяни, Господи, и упокой новопреставленную, невинно убиенную рабу Твою Аллу во Царствии Твоем и сотвори ей вечную память!»

И тут же оградила поминовение: «Господи, благослови!»

Мы выпили. А она вдруг сказала: «У вас с Аллой неплохая семья могла бы сложиться. Но видишь, Бог не дал! Давай дальше будем жить, пока можем. И воевать.»

...Через несколько часов мы ушли вместе с партизанской бригадой. Ведь гитлеровцы, зализав раны и разобрав завалы, все одно кинутся искать нас всем своим скопом..

Но уже на второй день нашего пребывания в «Советском Мурманске» к отцу Валерию прибежала Машенька. Испуганно сообщила: «Москва приказывает нам вернуться на место дислокации! В оставленный лагерь. И продолжать вести наблюдение за горой».

Перед прощанием «товарищ Аким» пожал руку отцу Валерию и сказал: «Простите... С детства не общаюсь со священниками. Не знаю даже как правильно это делать. Забыл! Еще раз простите, батюшка. Я через несколько дней вылетаю в Москву. Там буду настоятельно ходатайствовать о вашей реабилитации. Напишите, пожалуйста, поименный список бойцов. Включите в него и погибших смертью храбрых.»

...И мы ушли. По дороге Костя догнал меня, и, потупив взор, тихо сказал: «Все-таки я был не прав в отношении Аллы. Она была хорошим бойцом. А все плохое – ее защитная реакция. Так что, прости меня, пожалуйста. Надеюсь, что *там* и она простит меня.»

- Бог простит, и я – туда же. Хотя собственно, мне и прощать тебя не за что, - вздохнул я.

Мы шли знакомым путем, хоженным-перехоженным. Правда, очень медленно. Неделю. Потому, как шли с обозом. Впереди, далеко, с дозором – Юрок с Максимом и еще с тремя разведчиками. Вдруг впереди раздались несколько взрывов. Отец Валерий поднял руку. Скорбно произнес: «Это гитлеровцы взорвали наш лагерь. Привал. Будем ждать Юрка с остальными ребятами. Спаси и сохрани их Господи!»

Мы остановились. А через минут двадцать появился запыхавшийся Юрок. Пока он переводил дыхание, батюшка

спросил: «А где остальные? Живы ли? Не нарвались ли на фрицев?»

- Ребята остались наблюдать, - длинно сплюнул Юрок. И, наконец отдышавшись, продолжил: «Вот ведь гады! Платья и даже белье Агнии Александровны, Машеньки и убиенной рабы Божией Аллы, - Царствие ей Небесное, - прикладывали к себе, как бы примеряя. Похотючники! Ржали, как лошади. А потом бросали в костер. Заложили свои адские машинки и поспешили уйти. Лагерь наш, как говорится, стерт с лица земли. Вы ведь слышали, как гроыхнуло? А куда вчетвером – на цельную роту?! Обождали, пока они уйдут. И я - тут же бегом к вам. Куда пойдём?»

Отец Валерий пожал плечами: «У нас есть приказ. Места землянок остались. Будем по новой обустроиваться. Полагаю, что фрицы туда больше не сунуться. Разведем костры. Они решат, что это – дым от взрывов. Отслужим благодарственный молебен. И продолжим наблюдение за бесовской горой. Интересно, они ее восстановили?»

- Какое? Дайте, батюшка, курну малек, – хмыкнул Юрок. Закурил и продолжил: «Максимка подполз поближе подслушал. С фельдфебелями были два офицера. Эти ругались почему зря! Говорили, что на восстановление понадобится месяца два, а то и три. Всё сетовали, что от наших гранат, брошенных в вентиляционные шахты, две «летающие тарелки» и несколько самолетов на подземном аэродроме си-и-ильно повреждены! Всяко-разно техническое оборудование порушено! Два генерала, один полковник убиты. А фельдфебелей и младших офицеров не счесть!»

- Не зря братья погибли. За други своя! Прямым – в рай! Царствие им Небесное и вечная память! – перекрестился отец Валерий. Все партизаны последовали ему.

- А наше кладбище? – спросил я, вспомнив Аллу.

- Вот его, слава Богу, не тронули, - опять перекрестился Юрок и жалостливо взглянул на меня.

- Ну? Перекурил? Тогда пойдемте, братие, потрудимся во славу Божию, - махнул всем рукой отец Валерий.

И в самом деле, на месте лагеря, на месте каждой землянки зияли глубокие воронки. Даже Николай Макарович присвистнул: «Чистая работа! Но что ж им экономить? Вся Европа на них работает!»

Делать было нечего, и мы, в самом деле, «с нуля» начали обустраиваться. Даже отец Валерий пилил, рубил, копал. Хотя мы все его отговаривали. А он отшучивался: «Что же вы думали?! Мне подает пример великий печальник Земли Русской, святой преподобный Сергий, игумен Радонежский. Он сам срубил себе и первую свою келию, и первую церковь, которая выросла потом в Троице-Сергиеву Лавру.»

- Как это подает? Он ведь жил несколько столетий назад! Вы сами говорили! – спросил кто-то из партизан.

- А вот так! Святые умирают телом. А душа живет и продолжает трудиться во славу Божию. Мне один игумен из Свято-Троице-Сергиевой обители рассказывал, что ежегодно батюшке Сергию на святых мощах меняют стоптанные и стершиеся на каблуках сапожки. Стало быть, ходит он по Земле Русской, молится. Во всякой нужде помогает. А ведь преподобный Сергий даже однажды роды принимал! А как он отогнал поляков во времена их нашествия?! Надо только верить! И по вере нашей да будет нам, - ответил батюшка и опять принялся обтесывать бревно для наката землянки.

- Батюшка, расскажите про польское нашествие, - хором попросили сразу несколько человек.

- Вечером. У костра. После молитвы, - ответил отец Валерий.

Эту ночь мы провели у костров. Подмерзали, конечно. Повернешься спиной к огню, живот и грудь мерзнут, развернешься, спина зябнет. Но удивительное дело, - никто не простудился!

Когда землянки были сооружены, и натоплены, мы поблаженствовали. Впрочем, как все и другие. Однако, после первых суток этого «блаженства» батюшка приказал установить круглосуточные наблюдения за горой. И опять я, Костя и Василий Васильевич отправились к позабытой сосне. Но на знакомой тропе все трое вдруг увидели... Аллу. Она стояла в белом платье, в косынке и в легких туфельках. Это на снегу-то! Но я вдруг заметил, что она не стоит, а как бы висит в воздухе, не касаясь ногами земли. Я, было, кинулся к ней, но она предостерегающим жестом остановила меня. Сказала: «Алексашенька! Стой на месте! Ко мне нельзя прикасаться!»

- Аллочка! Почему? – воскликнул я.

- Нельзя, - был ответ. Но тут же она проговорила: «А у сосны вас ждет гитлеровская засада. Семь человек во главе с офицером. Правда, они потеряли бдительность и собрались потрапезничать. Поэтому вы легко справитесь с ними. Но будьте предельно осторожны.»

Я перебил ее: «Как ты? Где?»

- Мне хорошо, - даже улыбнулась Алла и исчезла в какой-то дымке, словно испарилась.

У меня же слезы навернулись на глаза. Она в момент этого разговора была красивее даже чем при земной жизни

А мы втроем стояли несколько минут, словно ошеломленные. Василий Васильевич, перекрестившись, выдохнул: «Вот не верь теперь в существование Царствия Небесного!»

- Да, Алексашка... Алла и в самом деле была по уши влюблена в тебя! И о такой любви можно только мечтать! –

кивнул Костя и определил: «Ждите меня здесь, а я схожу погляжу на эту засаду.»

- Мы – с тобой! – вскинулся я.

- Нет, - определил он, - я – разведчик. А вы – один летчик, другой – ученый. Вами рисковать я не имею никакого права.

И, пригибаясь, юркнул между деревьями и кустами. Ждали мы с Василием Васельевичем довольно долго. Но Костя появился так же неожиданно и незаметно, как и ушел. Довольно потер руки: «А у них и завтрак почти готов! Гады! На моем подземном костре разогревают. И на теплой лежанке кости греют. Надо же, догадались о сибирском изобретении. Офицер и один фельдфебель дрыхнут. Трое играют в карты. Еще двое – на нашей сосне устроились. Осматривают округу. Эти пока еще в своих «мехах» спустятся. А у меня, аккурат, цурикены погибшего Марика остались. И метать их он меня научил. Но ничего! Мы с вами успеем немецкую тушенку съесть. Ну? Как говорит Юрок, «в ножички»? Однако жаль, что мы потеряли такой пункт наблюдения. Профессор, вы, пожалуйста, оставайтесь здесь. Мы за вами вернемся.»

- Я – тоже с вами! – попытался возразить Василий Васильевич.

- Нет, – жестко определил Костя, - ваше дело - воевать в науке. Поэтому дожидайтесь нас. К тому же, помнится мне, у вас нет даже начальной военной подготовки. О специальной я и не говорю.

Когда же подходили к засаде, Костя шепотом поучал: «Ты, Алексашка, заходи слева, я пойду справа. Бери на себя спящих офицера, фельдфебеля и одного картежника. Они к тебе поближе будут. Прыгни из темноты и – по горлышкам. У меня – два ножа. Я управлюсь. С Богом!»

Все получилось, как спланировал он. Фрицы даже не успели ничего понять. Одного «картежника» Костя ударил

ногой. Да так, что он, было, вскочив, отлетел от удара метра на два в мою сторону. Следующему мгновенно перерезал горло. А третьему угодил цуриконом прямо в лоб. В самую пору добрым словом вспомнился Марик. Жаль, что не был он православным христианином и нельзя пожелать ему Царствия Небесного. Мне оставалось самое простое: обессиливший «картежник» и спящие гитлеровцы. И только тогда нас заметили фрицы, сидевшие на нашей сосне. Но мы так встали за ее толстый ствол, что стрельба из «шмайсеров» не помогла бы им. Поэтому они с криком «партизанен, партизанен» спускаться. Вот, сволочи! И ведь даже ничуть не испугались!

В одного из них Костя метнул свой нож. Я восхитился: попал как раз в центр груди. По самую рукоятку! Второй тоже не успел выстрелить. Хотя и был готов. Я, подскочив сзади, перерезал ему горло. Гитлеровец захрипел. Я почувствовал, как в горле его забулькало. И кровь брызнула так, что замарала мне весь маскхалат. Стало до тошноты противно. А Костя засмеялся: «Это - с непривычки. Только казенное военное имущество беречь полагается. Ладно. Агния Александровна застирает. Пошли за профессором.»

Василий Васильевич, увидев нас, облегченно вздохнул: «А я уже начал беспокоиться. Стрельбы-то слышно не было. Правда кто-то что-то крикнул. Как их, семерых-то вдвоем одолели?»

- Как учили в разведшколе, - весело ответил Костя.

Василий Васильевич, выйдя к сосне, брезгливо за несколько шагов обогнул гитлеровцев, уже сложенных нами в рядок, и тут же привычно полез на площадку, установленную гитлеровцами на дереве. А устроившись на ней, крикнул: «Вот аккуратисты! Их бы, да в мирных целях!»

Я после него тоже взобрался на сосну. Мы увидели, что гитлеровцы все еще разбирают завалы, устроенные

нами. Конечно, не сами. Руками военнопленных, которых согнали намного раз больше, чем обычно. В ветхих полосатых робах наши явно зябли на морозе, даже перетаскивая тяжеленные камни. Что ж?! Нам оставалось только перекреститься. Василий Васильевич шевелил губами. Бедняги были обречены.

А Костя тем временем оттаскивал убитых нами фрицев подальше в кусты. А когда оттащил, крикнул нам: «Пора уходить, господа-товарищи! Неровен час, этим семерым смена придет. Не хотелось бы стрельбу открывать. Других гадов привлечем.»

Пришлось с ним согласиться. А я, уходя, развспоминался о том, как мы впервые шли сюда с Аллой. И потом еще. И еще. Как гуляли по лесу. Вспомнилось, как Алла смело заходила Иордань на Крещение Господне. Вспомнились даже волки, пытавшиеся достать мясо, развешенное на деревьях. Царствие ей Небесное. На глаза навернулись слезы.

Возвращались мы в лагерь, молча. Каждый думал о чем-то своем. Василий Васильевич был мрачен. Костя улыбался чему-то. А я все вспоминал и вспоминал Аллу.

...Полярная весна несмело проявила себя темно-сиреневым цветом, исходящим из глубины земли где-то далеко на востоке. Природа сразу начала оживать. Все чаще на разные голоса перекликались пичуги. Зверье меняло свои царственно роскошные шубы на грязно-серые, линиялые шкурки. Таких зайцев, например, даже есть было противно. Да и как-то не по времени. Стоял Великий пост.

...Отец Валерий, учитывая наше походное житье-бытье, благословил отряд на вкушение рыбы. К тому же, фрицы усилили охрану своих продуктовых машин. И нашему отряду, сократившемуся более, чем вдвое, захватывать эти гитлеровские колонны было просто не под силу. Ведь меньше, чем на трех машинах, в сопровождении

мотоциклистов и автоматчиков, а то и танка или бронетранспортера, ни в гору, ни из оной фрицы не ездили. Но с другой стороны, сие не огорчало, а даже радовало. Потому как линия фронта неумолимо приближалась к нам! А наши бомбардировщики, штурмовики, истребители вообще стали частыми гостями. И уже без опаски сбрасывали для нас «посылки». Все мы сбегались к штабной землянке, чтобы послушать очередную победную фронтовую сводку, включаемую Машенькой на полную мощь радики. И передачи эти сопровождалась все время криками *ур-р-ра!*

К тому же, с дисколетами у гитлеровцев, судя по нашим наблюдениям и по их общему настроению, далеко не все ладилось. Высшего командного состава в обитателях горы заметно поубавилось. Исчез даже старик в бело-серебрянном облачении и с полосатой тряпкой на голове. Да и с нойдами фрицы теперь особо не церемонились. Понукали ими, словно холуями. Не замечали мы больше ни «меховых» карликов, ни «зеленых человечков». Должно быть, последние, разочаровавшись, ушли под землю.

В лес и на морское побережья фрицы носу не показывали. Так что мы чувствовали себя хозяевами на родной земле. А тут еще и «товарищ Аким» объявился. Весело подмигнув, он достал фляжку. Налил по глотку, как я понял, спирта и объявил: «Согласно списка, который я подал в Москве, в Политбюро нашей партии, вы, товарищи партизаны, все амнистированы! Скажу более того: все награждены различными орденами и медалями! А батюшке Валерию даже уже приход в столице определен! Ведь товарищ Сталин очень высоко оценил роль Русской Православной Церкви в Великой Отечественной войне. Да-да! Ведь ее именно так сейчас называют. Предлагаю обмыть ваши реабилитацию и правительственные награды. Пока командным составом.»

Мы выпили по глотку. И «товарищ Аким» с жаром принялся рассказывать о соединении наших танков, названных *Димитрий Донской*, об авиационной эскадрильи *Александр Невский*, созданных на пожертвования православных христиан по призыву Церкви.

Мы только сидели и дивились. Батюшка вздохнул и перекрестился. Юрок, должно быть, все еще не веря, крутил головой. Агнюша, промакивала слезы, выступившие на глаза. Николай Макарович, низко опустив голову, встал и вышел из штабной землянки.

А «товарищ Аким», поднявшись и встав по стойке «смирно» вдруг строго и торжественно произнес: «Отец Валерий! Я, как член Политбюро коммунистической партии Советского Союза попрошу построить отряд, чтобы зачитать приказ о реабилитации бывших осужденных и о награждении их правительственными орденами и медалями.»

Что и было тут же выполнено. Даже Агнюша и Машенька получили по медали *Партизану Отечественной войны*. А я, на удивление, получил орден *Великой Отечественной войны*.

Потом «товарищ Аким» называл погибших и их награды. Отец Валерий отвечал: «Пал смертью героя на поле боя! За други своя!»

Закончив перечисление, «Товарищ Аким сказал» сказал, что их награды будут отправлены родственникам.

А потом был праздничный ужин. И на нем опять пели песни... Привычные для нас. И надо было видеть, с каким удивлением слушает их слегка захмелевший «товарищ Аким». Только теперь их пели уже под одну гитару. Исполнители на других музыкальных инструментах остались лежать под бесовской горой. Царствие им Небесное и вечная память!

За столом, если это так можно было назвать, я несмело поинтересовался у «товарища Акима»: «В наградном приказе вы почему-то не упомянули лейтенанта Нефедову и ее погибших бойцов. А ведь они отменно дрались! Особенно этот азиат Марик.»

«Товарищ Аким» как бы даже отмахнулся: «Во-первых, товарищ старший лейтенант, настоящих имен всех этих «мариков» мы не знаем. Да и они бы нам никогда не назвали бы их, потому что были безсловесны. А во-вторых, награждение лейтенанта Нефедовой и ее бойцов находится в компетенции государственной безопасности. А попадать в поле зрения товарища Берии и его аппарата у меня нет никакого желания. Ну-у-у, ты меня понимаешь? К тому же, знаешь ли ты, что у нее был приказ ликвидировать ваш партизанский отряд поголовно? Кстати, и профессора. А документацию о летающих тарелках доставить в Москву лично товарищу Берии.»

Да, я, конечно, знал. Понимал. Но в душе все противилось. Ведь Алла, женщина, подняла наш партизанский отряд и бригаду в последнюю атаку и погибла смертью храбрых. И решил после войны, если, конечно, останусь жив, найти ее отца и рассказать о гибели дочери.

На следующий день отряд с благодарностью провожал «товарища Акима» и пятерых, сопровождавших его. А когда они ушли, кто-то из наших партизан заметил: «Все-таки и среди коммуняк есть добропорядочные люди. Настоящие патриоты!»

- Это – в силу необходимости. А что им было без нас делать? Не верю их сюзюканью. И уж поверь мне, так, к примеру, в лагере, этот коммуняка расстрелял бы тебя, не моргнув глазом за малейшее нарушение режима, - длинно сплюнул Юрок.

- Все они – несчастные, ущербные какие-то, - вздохнула Машенька, и первая тихо побрела в сторону лагеря.

- Потому что – без Бога! – кивнула Агнюша и последовала ей. А за сестрицей потянулись и остальные.

...Наступало полярное лето. Было довольно тепло. И однажды, зайдя на могилу Аллы, я вдруг заметил, что сосновая веточка, воткнутая мною в землю, дала поросль свежих иголочек. А на другой ветке распустились мохнатые пушистики вербы. А какое-то время спустя, проклюнулись и клейкие, махонькие, салатового цвета листочки. Я позвал Агнюшу. И с гордостью, словно на какое-то свое достижение, показал на веточки. Сестрица перекрестилась: «Слава Тебе, Господи. Это, дерзаю думать, Алла тебе благую весточку посылает. Царствие ей Небесное... А ты не забывай молиться за нее!»

После полярной зимы партизаны блаженствовали. Кто-то даже пробовал загорать. Одна была беда: комарье не на шутку разревнилось. Однако и против этой напасти у Иосифа нашлось верное средство. Он набирал в какую-нибудь бутылку муравьев, затыкал посудину пробкой и ставил в остывающую золу. А когда емкость наполнялась муравьиным спиртом, растирал им лицо и руки. Удивительно, но комары, кружась вокруг на расстоянии не меньше метра, пикировать на Иосифа не рисковали. Конечно же, мы брали с парня пример. Тоже натирались. Этим и спасались. Особенно в дозоре или в «секрете». Службу-то никто не отменял. Правда, смены были чаще и продолжительнее по времени. Но никто не роптал, памятуя о погибших.

Однажды ночью мы с Максимом сидели в секрете. Вдруг раздался гул – не гул, раскаты грома – не раскаты грома. Максим прошептал: «Что это? Может быть фрицы в горе какую-нибудь новую пакость для нас испытывают? Да

и вроде не со стороны горы громыхает... Или это – самолеты? Ежели так, то целая армада летит. Не по наши ли души?»

- Нет, Максимка! Это фронт приближается! Наша дальнобойная артиллерия лупит по фрицам! – засмеялся я. И, словно в подтверждение моим словам в небе показались русские штурмовики. Не менее десятка «мессеров» ринулись на них. Завязалась «карусель». Прямо над нами. Фрицы явно не желали подпускать наших к проклятушей горе. Но вот задымил один «мессер»... Второй... Под ними раскрылись парашюты гитлеровцев. А сами «мессеры» взорвались где-то за болотом. Но тут же загорелся и наш штурмовик. Пилоты вывалились из кабин. И на наших глазах бой продолжился с парашютов. Двое русских - против двоих «геринговских» асов.

- Беги, Максим! Поднимай наших! Надо помочь ребятам с «ИЛ»-ка. А заодно и фрицев добить! Помогли им Бог! – поднялся я из секрета, на глаз измеряя место приземления одного из гитлеровцев. Максим метнулся в сторону лагеря. А я – в другую.

Долго бежать не пришлось. В густой чащобе, ежесекундно оглядываясь, фриц срывал с себя парашют. Я попытался подойти поближе. Но он, должно быть, заметил меня. Бросился на землю. И тут же откатился в сторону. Выстрелил два раз. И защелкал пустым стволом. Я поднял автомат. Хотел скомандовать по-немецки, тут вдруг понял, что от волнения забыл все команды.

Гитлеровец же поднялся в полный рост. Достал нож. Показал на него, потом на мой автомат. Усмехнулся. Похлопал себя по плечу. Ах! Это он показывал на мои погоны морской авиации. И я понял, что фриц вызывает меня на поединок. Я опустил на землю свой автомат и тоже достал нож. Мы сошлись. Несколько минут кружились друг

вокруг друга. И он сделал выпад. Я увернулся. Но понял, что он крепче меня. Тогда я взмолился: «Господи, помоги!»

И как раз в эту секунду раздалась короткая автоматная очередь. Фриц тут же закатил мгновенно остекленевшие глаза рухнул спиной на землю. Шагах в десяти от нас стоял... Костя. Он покачал головой: «Ты что, Алексашка?! В своем ли уме?! Не видишь, с каким «кабаном» сцепился?! Да он бы тебя общипал бы в пять секунд, как куренка!»

- Но он – без оружия! Патроны кончились! А поединок – дело офицерской чести, - проямлил я.

- Чести? Да еще и офицерской?! Какая может быть офицерская честь у этих гадов?! Разве мы пришли на их землю? Разве мы убивали стариков, женщин, детей? – воскликнул Костя.

Я понял, что он был прав. И поплелся за ним. А он вдруг весело обернулся: «Ребят с «ИЛ»-ка мы нашли. Один, правда, тяжело ранен. Но Агния Александровна выходит.»

- Сбили-то мы двоих, - все еще виноватясь проговорил я.

- Этот не долетел до земли. Его наш капитан, командир экипажа еще в воздухе продырявил. Вот это был поединок! Ладно! Не кручинься... Про твой «полет» и возможное «пике», - ха-ха, - я никому рассказывать не стану. Пойдем в лагерь. Что на ужин нам сегодня состряпали Агния Александровна и Машенька? А фрицы-то драпанули от наших «ИЛ»-ков. Хотя и вымотали их... А без горючки и боезапаса о каком штурме горы можно говорить?! Одним бомбовым ударом? Без пулеметной поддержки? Хотя, похоже, фрицы этого и добивались. Отвлекающий маневр, так сказать.

Костя говорил, говорил и говорил. А по сути, если бы не он, лежать бы сейчас в чашобе... Продырявленному гитлеровским ножом...

Капитан с «ИЛ»а Игорь и борт-стрелок Миша, старший сержант, оказались нормальными ребятами. Первый сразу включился в нашу лагерную. Сам вызвался ходить в дозоры и «секреты». Второй, несмотря на ранение, помогал в меру сил по хозяйству и на кухне. И при этом оба даже на Божественных Литургиях присутствовали. Видно было, что они, пусть поначалу робко, стесняясь, то и дело оглядываясь, как все молятся, крестятся... Все-таки неистребима Вера Православная в Русском народе.

А линия фронта все приближалась. И это было слышно. С каждым днем канонада дальнотойной артиллерии грохотала уверенней и значимей. Зато гитлеровцы не на шутку засуетились. То и дело от горы в сопровождении мотоциклистов и даже танков отъезжали тяжелые грузовики с хорошо упакованным оборудованием причудливой формы в кузовах. Что они еще везли под брезентом, выяснить нам не удалось. Как не удалось узнать, что находится и в крытых машинах, кунгах. В эти такие лиричные ночи над вражескими секретными колоннами кружили до полсотни «мессеров», прошивающими округу бреющими полетам. Да так, что мы и сами избегали показываться им из своих дозоров и «секретов».

Но вот в августе движение изменилось с точностью «наоборот». Теперь многочисленные тяжелые грузовики двигались к горе. Оставалось только гадать о происходящем. И самое главное: к горе прибыли не «эсесовцы». Стало быть, главные тайны «аненербе» уже вывезли. Загадку разрешил Николай Макарович, дежуривший как раз в это время на наблюдательном пункте с биноклем. Оставив там кого-то из младших, он запыхавшийся и красный явился в штабную землянку. Отдышавшись, объявил: «Фрицы собираются заминировать гору. Динамита там немеренно! Я в бинокль рассмотрел. Весь полуостров можно разнести в мелкие камешки... Как

бы гады какое-нибудь «ов» в пещеру не заложили. Это будет катастрофой!»

- «Ов»? – переспросил отец Валерий.

- Отравляющее вещество... Типа иприта... Тевтоны на это – мастаки, - пояснил Николай Макарович.

- Да-да, - задумчиво проговорил батюшка, - я помню... Во время Второй Отечественной войны германцы нередко использовали иприт против французов, итальянцев. А на отдельных участках фронта – и против нас. И плевать им было на международные конвенции и договоры. Однако, сколько времени с четырнадцатого года прошло! Может ли кто-нибудь гарантировать, что они не придумали зелья пострашнее и поопаснее?.. Николай Макарович, сколько времени у фрицев может уйти на минирование горы?

- Судя по количеству взрывчатки свезенной туда и по числу личного состава саперов... Ну-у-у... Не менее месяца.

- Но я в прошлой своей смене видел самого изобретателя дисколетов. Хм... Неслучившегося тестя нашего Максимки. Стало быть, он еще и не уехал. Сейчас главное – на пропустить его мимо наших постов и взять любой ценой, - подал голос я.

- Тогда приказываю. Александр, Константин, берите Сергуню-малого и пчелками летите к «товарищу Акиму». Напрямую объясняйте сложившееся положение. Его опасность. Умоляйте о помощи. Может быть, он сумеет собрать остальные отряды и соединения... И тогда – помоги нам Бог! Будем штурмовать гору и подрывать скалу с пещерами так называемых подземных, прости, Господи, жителей. Николай Макарович, это дело – за тобой. Давайте, братие, соборно помолимся! Помогите нам, Господи! *Царю Небесный...* – жестко проговорил и запел отец Валерий.

Что мы по приказу и сделали. А уже через час втроем вышли из лагеря.

Как я не отговаривал, но Елена уехала дачу. А я стался, чтобы заняться изданием первой книги «Отблески готфских костров», о чем договорился с издательством «Альтаир». Лена выделила на это дело, - правда не очень радостно, - из семейных денег тридцать тысяч... А я вспомнил слова Игоря про то, - тоже не очень радостно, - что если бы у его Маши были такие деньги, как у моей жены, то она бы потратила их все на издание «полного собрания» его стихов. Четно говоря, я позавидовал ему... А еще меня волновало то, что моя жена окажется на даче в окружении троих строителей-молдован. Но она сказала, что будет спать, заперевшись, на втором этаже. И укатила.

Неделя ушла на оформление всех издательских документов. На вычитку первой, черновой верстки, на сверку с текстом, на заключение договора. Причин для ссор с Георгием не было. Я под вдохновением между поездок в издательство не вставал из-за компьютера. Радость новизны ощущений переполняла сердце. И на выходные мы с Игорем решили отметить издание на новой даче. Выехали, как всегда, утром. И только к обеду вышли из автобуса, чтобы прогуляться по полю и по лесу, благо, погода баловала. Всего-то четыре километра! По дороге зашли прямо-таки в Куиндживскую березовую рощу, богатую на белые грибы, и за разговорами распили бутылочку. Сердце у меня пело! А Игорь, - и это было видно, - просто радовался за меня. Говорил: «Ну, вот! Первая книга выходит. Надо бы подумать об издании остальных! Ты же закончил две книги про Иоанна Четвертого Васильевича Грозного и сейчас дописываешь про Государя Императора-мученика Павла Первого Петровича...»

Но на это я ответил: «Знаешь, любой творческий человек ведь суеверен. И я хочу дописать весь роман, чтобы потом издавать. А с другой стороны, это какие же нужны деньги, чтобы издать только «Приделы поля Куликова».

Про другие книги уже не говорю. Даже в электронном виде. Лена денег больше от семьи отрывать не будет.»

- Пускай! Но если ты Богу дал обет дописать роман, то Господь все одно не оставит и решит все Сам... Как полезно будет тебе... И деньги появятся. Или спонсор найдется. Главное верить в то, что творишь Божие дело... За твой успех, брат! - поднял пластмассовый стаканчик Игорь.

- Еще не свершившийся.., - проговорил, было, я.

- Уже свершившийся! Книга-то - в работе! И навряд ли что-то этому помешает! – перебил Игорь, и мы выпили.

А потом шли по проселку, ели уже созревающую ежевику. Даже сыроежек и свинушек набрали в целлофановый пакет. Крепеньких! Еще нераскрывшихся! А у самого въезда в дачный поселок, в сосняке нас ждали три беленьких грибочка. Небольших, сантиметров по пять в высоту. Как раз на три порции лапшички! Игорь даже плотоядно облизнулся.

Это только прибавило нам радости и веселья! Так мы с ним и вошли в дачный поселок: шутили, смеялись, дурачились, словно подростки. Но я вдруг с горечью подумал: «А почему мы с Еленой так по дороге себя не ведем? Какая-то она всегда нерадостная! А ведь как было бы здорово! Но она всегда идет на дачу какая-то напряженная, словно натянутая тетива лука. Всегда торопится, словно мы не отдыхать едем, а исполнять унылую трудовую повинность... Должно быть, тетки так приучили. А ведь Сам Господь Иисус Христос заповедовал: *радуйтесь, и паки реку, радуйтесь!*»

И вдруг я вспомнил, как она рассказывала, что мой тесть, Василий Андреевич, особо-то на даче не утруждался: «Польет из шланга овощи, копнет десяток раз какую-нибудь грядку, да идет гулять с Егоркой. Большой «кругаля» и малый «кругаля» вокруг дачного поселка. Отдыхать ездил,

а не «ломаться» на грядках. А в охотку можно и поработать...»

Несколько встреченных дачников доброжелательно поздоровались со мной: «С приездом!»

Елену я застал в углу дачного участка, капающей в грядках. Зато, войдя в новый, уже достроенный дом увидел за обеденным столом строителя Алексея с подручными. Они сидели за обеденным столом голые по пояс, ломали руками здоровенную, должно быть, деревенскую курицу и, смеясь чему-то, чавкая, обглаживали ее кости. Прямо на столе перед ними лежали шмат сала, пучки молодых укропа, петрушки, кинзы, которыми они смачно закусывали мясо. Стояла ополовиненная банка дорогущего моего кофе, который и я-то пью да-а-алеко не каждый день...

Жестом космонавта, вернувшегося на землю, даже не привстав, Алексей помахал мне жирной рукой: «Привет!»

Иван стыдливо опустил глаза. А Роман почему-то ехидно усмехнулся, вздернул подбородок и цикнул зубом. Я и сам поначалу не понял эдакого обращения. К тому же на это Игорь шепнул: «Я что-то не понимаю, кто на даче хозяин? Или Елена тоже в прислужницах у них ходит?»

Я бросил рюкзак в кресло и громко сказал Игорю: «Ты же профессионал. Пойдем, посмотрим, что и как наработали наши строители. Недоделки, неполадки, недостатки.»

Обернувшись же на Романа, я снова поймал его ехидную, лукавую ухмылку. И вдруг вспомнил, как он сказал, что любит женщин в возрасте... Таких, как моя Елена. А она ведь почти неделю жила с ним на даче под одной крышей! Кровь ударила мне в голову. Захотелось двинуть ему в морду... Нет, нет... А собственно, за что? И я взял себя в руки. Постоял, прикрыв глаза. Решил: «Со свечкой в ногах не стоял? Не стоял... За ноги не держал? Не держал. А подозрительность – родная сестра клевете.»

Но в тон Алексею все-таки сказал: «Пойдем-ка, друг ситный, отчитаешься за свою работенку... Ведь за нее мы тебе почти миллион отдали. Да и живете здесь, как у Христа за пазухой. Вот я специалиста-строителя привез.»

Я увидел, что теперь и ему кровь ударила в голову. Но Алексей покорно встал и поплелся за нами. А Игорь, подыгрывая мне, прошел на свалку строительного мусора. Измерил ее взглядом. И покачав головой, заметил: «А мусор можно было и поаккуратнее сложить. Как и сколько времени его разбирать придется?! Чернорабочих у нас нет...»

Потом Игорь обошел дом вокруг. И тоже качал головой: «Наличнички-то неровно прибиты... А труба? Почему такую короткую поставили? Искрогаситель где? Дом-то в один миг вспыхнуть может!»

Я диву давался: откуда Игорь во всем этом разбирается?! А он подставил к стене лестницу. Не поленился залезть на нее. И крикнул с крыши: «Саша! Да вас после первого дождя зальет! Здесь между трубой и крышей можно ладонь просунуть. Дыра! Халтура!»

- Мы сейчас же все исправим! – бурчал Алексей.

- Ага, - усмехался Игорь, - а раньше нельзя было сделать? Вы же дом, как говорится, под ключ сдали!

- Любой может ошибаться, - вздохнула Елена и почему-то тут взглянула мельком на Романа, что, впрочем, не ускользнуло от меня. И я еще крепче уверился в своих скорбных догадках.

А Игорь пошел дальше. Заглянул за хозблок. Тут тоже - качай головой - не качай...

- Обрез крыши вплотную к стене подходит. А ведь у вас там электронагреватель стоит для душа. Он в любую минуту «коротнуть» может. А заземление где? Нету заземления. Лупанет вас обоих током, а потом заселяйся на дачу все, кто хочет... Хотя потом и ремонтник можно

доделать. А дачку продать. Опять халтура. Да и сарай дожди заливать будут. И туалет. И сама стена общего хозблока мигом сгниет, - вздохнул он.

- Что же делать? – всхлипнула Елена.

- Гнать этих горе-строителей в три шеи. Вы же им, как я понимаю, деньги уже заплатили. А зря! С такими недоработками!.. И нанимать новую бригаду. Русских. Местных. С кого потом можно будет спросить...

- А мы и сами уедем, - не дал договорить Игорю и вдруг жестко отчеканил Алексей. И вскинувшись, ушел в дом. За ним потянулись Иван и Роман. Последний даже не взглянул на Лену. А проходя мимо меня и Игоря длинно сквозь зубы сплюнул.

- Лена, я советовал бы тебе пойти и присмотреть за ними. Как бы чего вашего с собой не прихватили. Цыгане, понимаешь, молдоване... Тьфу... Конокрады! – вздохнул Игорь, усаживаясь на лавочку в тенечке. Я уселся рядом. Мы закурили. Помолчали.

- Откуда ты все тонкости строительного дела знаешь? – спросил я его, когда Лена ушла.

- Родился и рос я в пригороде Луганска, в частном доме. Вот и пришлось эту науку постигать на собственном опыте. Особенно после смерти отца. Братишка-то больной насквозь. Инвалид. С головкой не дружит. Стало быть, в доме – один мужик, я. А тут, хочешь, не хочешь, и крышу латать научишься, и за скотиной смотреть, и забор ставить, и другими делами по хозяйству заниматься... А знаешь, пока Лена за этими халтурщиками присматривает, давай-ка выпьем. Твой-то рюкзак – в доме. А моя сумка-«самобранка» – при мне. И бутылочка, и стаканчики есть, и даже яблочко прямо над твоей головой. Свеженькое. Как будто с картины Серова.

Что мы и сделали. Скоро молдоване укатили. Лена даже всплакнула: «Как теперь Светлане в глаза смотреть буду?»

- А ты расскажи ей, как схалтурил, как я понял, молдавский ее любовничек! Сколько недоделок! Про ту же крышу расскажи, про трубу, про заземление, - посоветовал Игорь.

- Ну, вот еще! Буду я подругу расстраивать! Мы с ней несколько лет в Моспроекте проработали, - скривила губы Елена. Посидела. Помолчала. Встрепенулась: «Пойдемте обедать, что ли? Я за Алексеем и его рабочими со стола вытерла... Еле-еле жир после курицы и сала отмыла. Даже тряпку пришлось выбрасывать.»

- *Цыгане шумною толпою по Бессарабии кочуют,* - засмеялся Игорь.

- *Они сегодня над рекою в шатрах изодранных ночуют,* - тоже со смехом отозвался я.

- А причем здесь цыгане? Алексей, Роман, Иван – молдоване, - пожала плечами Елена.

- Одна «футбольная команда», - хмыкнул я.

- Там тепло, - еще звонче засмеялся Игорь.

- Ой, мужики! Вы приехали с запашком! Но сдается мне, что еще где-то добавили, - покачала головой жена.

- А где, Леночка? Сидим на лавочке. Никого не трогаем... Примус починяем, - - почему-то не к месту вспомнил я булгаковского кота-бегемота, из чего понял, что захмелел. И сам предложил: «На самом деле пойдем-ка обедать. Ты, помнится, грозилась на скорую руку пельменей сварить.»

- Пельмениевый суп с картошкой и грибами. Он уже – на плите. Алексей-то с Романом и Иваном грибы не едят... А на второе – глазуня на сале с колбасой, - торжественно объявила Елена, но тут же почему-то отвела в сторону взгляд. Этого за ней раньше не замечалось.

- С Романом? – переспросил я.

- Не придирайся, пожалуйста, к словам! Если хочешь, с Иваном и Романом! – вдруг повысила голос Лена. Но тут же мягко добавила: «Пойдемте обедать. Выпьем по рюмочке. Я привезла коньяк, но Алексей вообще не пьет. И остальным не позволял. Так я и сама не притронулась, чтобы никого не соблазнять. Пойдемте, а то суп как бы не выкипел.»

После обеда я предложил: «А не прогуляться ли нам? Я пруд Игорю покажу. Искупаемся.»

- Нет-нет. Вы идите, а у меня дел на участке много. Еще и посуду мыть, и ужин готовить... Только не долго гуляйте, - помотала головой жена и опять почему-то отвела взгляд.

Игорь сорвал с дерева несколько спелых яблок «белый налив», и мы вышли с участка. Настроение у меня испортилось от упоминания Леной Романа, но я не показывал Игорю вида. Поэтому предложил: «А пойдем-ка через магазин. Там водочку рязанскую завезли. Помнишь, как в Тимохино? «Государев заказ»! Вспомни: он никогда не заканчивался. И в машине Константина всегда случайно оставалась бутылочка.»

- А то! Такое не забывается! – засмеялся Игорь.

Окольным путем, - чтобы Лена с участка не увидела, - мы прошли в магазин. Игорь пококетничал с продавщицей, а мне предложил: «Что мелочиться?! Давай две возьмем? Одну на вечер... Только с деньгами у меня неважно. Хотел на обратную дорогу в Москву у тебя попросить.»

- Твое изгнание молдаван-халтурщиков дорогого стоит. А за деньги не беспокойся, - кивнул согласно я.

По дороге на пруд Игорь рассуждал: «Что это твоя жена спины не разгибает на даче? Я понимаю, поработать в охотку. К тому же, не стоит эта дача труда вложенного в нее. Сюда отдыхать ездить надо, а не вкалывать. Тем более,

сейчас овощи и фрукты копейки в магазинах стоят. А тебе не на грядках ломаться надо, а свой роман писать, с удочкой на зорьке сидеть, грибы-ягоды собирать. А Елене – в гамаке качаться.»

- Ты это ей докажи! – вздохнул я.

...Мы неспешно дошли до пруда и устроились на берегу. На заходящем солнышке. Выпили по сто граммов, закусили яблоками. И мне так захотелось нырнуть в литое темное золото пруда... Что я, раздевшись, и сделал. Отмахал несколько саженок по глубине.

Игорь, стоя на берегу, засмеялся: «Ну, гвардеец! Ну, гвардеец! Несмотря на возраст, как был поручиком, так им и остался!»

- Гвардия погибает, но не сдаётся! – отфыркиваясь и выходя на берег, в тон ему ответил я.

- А ведь это сказал какой-то наполеоновский полковник. В битве, по-моему, при Ватерло... А по сути, наш враг. Во всяком случае, враг России, возможно воевавший против наших предков. Ты, кстати, не будешь писать об этой войне? - заметил Игорь.

- Нет. О ней итак много написано. А гвардия в любой развитой стране остается гвардией.

Мы выпили еще по сто граммов. Теперь Игорь полез в воду. И плескался довольно долго. На пруд потянулись рыбаки. Поэтому я позвал: «Выходи, а то всю рыбу людям распугаешь.»

Выйдя на берег, Игорь предложил: «Давай-ка, откроем вторую бутылочку! А то на свежем, чистом воздухе, искупавшись, я даже хмеля не почувствовал. В первой-то осталось-то всего по пятьдесят граммов. Ни то, ни сё! По сто пятьдесят граммов выпьем...»

- А на вечер?

- А магазин еще открыт?

- Ладно. Зайдем по дороге домой. Еще купим.

Мы просидели до сумерек. Оба хор-р-рошо захмелели. И несмотря на то, что у нас оставалось еще полбутылки, опять прошли через магазин. Игорь разговорился с кем-то из завсегдатаев импровизированного кафе. А мне кивнул: «Вот, люди! Действительно, приехали на дачу от-ды-хать, а не вкалывать, как ломовые лошади!»

Мне пришлось торопить Игоря. Лена-то, наверняка, уже начала волноваться. К тому же, придем «такие»... И в самом деле, она встретила нас довольно агрессивно: «А вы хороши! Добавили на пруду? Вижу, что добавили! На ногах едва стоите. Строителей выгнали. Они хоть не пьют. Сами же на зюзюкались до положения риз... А я ужин уже три раза разогревала. Идите, ешьте, пока не остыл. Я, как знала. Сама уже поужинала. А ты, Саша, ложись тоже наверху и дверь не закрывай. А то Игорь закурит и спалит новый дом. А ты, Игорь, приехал моего мужа спаивать?! Уезжай, пожалуйста, завтра же утром. И не приезжай сюда больше никогда!»

И она хлопнула дверь в маленькую комнату. Мы сели за стол. Но поужинали безо всякого аппетита. Вышли покурить на лавочке перед крыльцом и тихо допили оставшиеся полбутылки. Закусили тоже «белым наливом». Говорить ни о чем не хотелось. Сломала песню!

...Ночью заснуть мне не удалось. Игорь храпел. Да так, что, казалось, весь дом ходуном ходит. А утром встал, достал из холодильника кусок колбасы, откусил... Но словно вспомнил что-то и положил огрызок на место. Спросил меня: «Может быть, ты со мной поедешь?»

- Куда?! – хмыкнул я.

- В Москву... Маша себе такого не позволяет... Избаловал ты свою Лену! Взяла она тебя под каблучок. Крепенько взяла! Прости уж за суровую правду, - вздохнул Игорь.

- Ладно. Пойдем, я тебя провожу на такси.

- А где оно?

- Отправляется от магазина. По дороге вызовем. Обычно минут через двадцать-тридцать приезжает...

- А с деньгами-то...

- Я дам и на электричку, и на такси. Только сейчас поедешь не до Павловского Посада, а до Дрезны... Это на две станции подальше Москвы. Шофер такси знает. Довезет.

И мы вышли с дачи. По дороге я по мобильнику вызвал такси. По дороге зашли в магазин. И пока ждали машину, сели за столик импровизированного кафе, чтобы опохмелиться. Отлегло...

- Дай мне полбутылки на дорожку, - попросил Игорь.

- Я лучше тебе чекушку перцовки куплю. Только в электричке будь осторожней. Милиция часто ходит, - ответил я.

И на самом деле такси приехало через тридцать минут. Мы простились, и я отправился на дачу. А там застал по настоящему взбешенную Елену с огрызком колбасы в руках.

- Это что? Что я тебя спрашиваю? Чтобы ноги этого хама у нас в доме больше не было. Лучше было бы эту колбасу соседской собаке отдать. Да-да... Так и надо сделать, - шипела она.

- Игорь хотел съесть, но вспомнил, каких дрындов мы вчера получили от тебя, и кусок, что называется, не полез в горло. А потом, что же ты не называешь хамами своих строителей, после свинства которых вытирала такой жир со стола, что даже тряпку выкинула?

- Они работали! Как я теперь Свете в глаза смотреть буду?

- Ах, ра-а-аботали? И наработали! Как Света после халтуры своего женатого любовничка нам смотреть в глаза будет? На их недоделки новых строителей нанимать надо.

- Вот и найми... А надрались вы вчера по какому поводу?

- А я разве тебе не говорил? Книгу мою, самую первую, в печать приняли, и через неделю издадут. А Игорь к ней имеет самое непосредственное отношение, мы обсуждали ее, когда я только задумывал написать «Отблески готфских костров» в две тысячи шестом году. И потом в процессе написания немало дельных советов дал. А я ими воспользовался. Вот мы и, как говорится, и решили обмыть. Но ведь это тебе не интересно. Ты и страницы не прочитала

- Это книга, на которую я тебе тридцать тысяч дала?

- Ты дала? А я полагал, что семейный бюджет у нас общий.

- А на какие ты деньги жил, когда в твоей «пра-авославной гимназии» тебе за целый год всего тридцать тысяч заплатили? За выпуск двух газет! А директриса Татьяна Ивановна твоя на Мальдивы каталась, как ты сам и жаловался... И куда там еще? На Кипр?

- Это тебе тетки твои напели, что, мол, я на халяву у тебя живу? Нейдется старым мужененавистницам!

- Не трогай мою родню!

- А ты Игоря не трогай! Он мне больше чем родня!.. Во всяком случае, не клеветал на меня, что я, якобы, уголовник, убийца. Выгнать бы их из нашего дома, с дачи, как ты только что Игоря выгнала...

- Между прочим, из моего дома. С моей дачи. И тетушек я выгонять не собираюсь. И тебе не позволю сделать это. Они обе здесь двадцать пять лет не разгибались. Побольше твоего. А дядя Боря на своем горбу доски из Москвы возил. В память о нем тетя Аня заслужила владение этой дачей. А еще скажу, что хочу привезти тетю Катю и тетю Аню сюда и показать им новую дачу. Я и комнату им уже определила.

Честно говоря, я даже не знал, что ей на все сказанное ответить. Не ожидал я от нее такого. Поэтому и ушел на крыльцо, чтобы перекурить. А на душе кошки скреблись. Поэтому я тихонько прошел к сараю, где еще с вечера припрятал полбутылки водки и сделал два больших глотка. При этом хмыкнул: «У нормальных жен мужья не пьют и не гуляют...».

Спать ушла Елена на второй этаж. А я почему-то вспомнил молодого молдованина Романа. Всплыли в памяти и его сальные взгляды на жену. И ее холодность ко мне в последнее время. А я и сам вдруг почувствовал, что пропала у меня влечение к ней.

Укладываясь сам, даже вслух произнес: «Сердце сердцу весть подает. Пусть даже плохую весть...».

И ударил кулаком по подушке. Вторая ночь проходила в какой-то болезненной дремоте. Я вышел на кухню. Достал из буфета бутылку коньяку, купленную Леной. Однако тут же отметил, что после вчерашнего обеда его еще стало меньше. Стало быть, она прикладывалась... Что ж, тогда и я решил сделать пару глотков. А после них я сразу заснул...

- Ты когда намерен вернуться в Москву? – утром холодно спросила меня Лена.

- Позвоню в издательство, узнаю, когда будет готова вторая верстка книги. Тогда и поеду, - таким же тоном ответил я.

- Тогда я сегодня на пару дней уеду...

- Зачем?

- Надо... Надо как следует помыться в ванной, постирать белье, навестить тетю Катю, позвонить тете Ане. Узнать, когда они могут приехать. Всех запланированных дел и не упомяну.

- Перезвони, пожалуйста, сюда, когда тетки намерены приехать. Я уеду на это время, чтобы не омрачать вашу женскую идиллию.

- Хорошо...

После завтрака Елена собрала свой рюкзак.

- Я провожу тебя, - предложил я.

- Зачем? Ну-у-у... Если только по лесу, - пожалала она плечами, - ведь на такси тратиться я не стану. А по полю идти не опасно. Погода хорошая. Прогуляюсь. А ты на обратном пути грибов можешь собирать. Пожарить или засолить. Помнится, у тебя соленые сыроежки неплохо получились. И вот, еще что! Начинать выносить на помойку строительный мусор. Что-то сожги. Зола всегда нужна в качестве удобрения. В сарае стоят бачки. Наполняй их. А когда понесешь мусор на помойку, не забывай запирать входную дверь. А то, говорят, сюда в поселок цыгане повадились. Что еще? В морозилке – пельмени, в холодильнике – колбаса, на дверце яйца. На несколько дней тебе хватит. За хлебом сходи в магазин...Посуду не накапливай

- Посуду после завтрака я помою.

- Помой...

Мы в молчании шагали по лесу. Лена о чем-то сосредоточенно думала. Я нес ее рюкзак и небольшую корзинку. А когда вышли на поле, она холодно чмокнула меня щеку. Бросила: «Пока».

И бодро зашагала по проселку. А я горечью смотрел ей вслед, пока она не дошла до деревни. Как же она изменилась! И не в лучшую сторону. Спаси и помилуй ее, Господи!

«Во всем вини себя самого!» - вспомнились мне слова Кости. Я вздохнул и двинулся в обратный путь.

Пока собирал грибы, немного отвлекся от своих мрачных мыслей. И скоро моя корзинка наполнилась

сыроежками, свинушками и «польскими белыми». А вернувшись на дачу, достал из сарая водку и выпил сразу полстакана. Закусил яблоком. И взялся за грибы. Сыроежки засолил. Белые отварил и заложил в морозилку. Свинушки отложил для жарки с тушенкой. А справившись с ними, решил начать собирать строительный мусор. Какой-то сваливал в тачку для вывоза, деревяшки складывал в бочку для сожжения. Так проработал до обеда. А вывозя тачку, заскочил в магазин. Купил хлеба и бутылку водки. А вернувшись, для скорости отварил пельменей. Выпил. Закусил. Покурил. И пошел сжигать мусор. И этим занимался до самого вечера.

Позвонил Лене. Узнал, что она добралась благополучно и только что вышла из ванной. Наконец-то, поужинав, я сел за рукопись. И просидел над ней до двух часов ночи. Ах, как же легко и спокойно работалось. На удивление я написал в нот буке целых восемь страниц! Слава Тебе, Господи!

Встав из-за стола, окропив весь дом Святой водой, - от молдован, - выпил снова полстакана водки, закусил «белым наливом» и завалился спать. Заснул мгновенно безо всяких видений и сновидений.

А поднялся я, когда солнце о всю играло на пышной, мясистой листве умытых, усыпанных росой яблоках. Вид летнего сада и огорода поднял у меня настроение. И я, выпив кофе и съев пару бутербродов, взял за дело. Для начала принялся разгрести огромную кучу опилок и стружек, наваленных горе строителями прямо перед домом. Но обнаружил в ней немало осколков тонкого, острого, как зубы акулы, стекла от электрических лампочек. Подумал: «Вот, мерзавцы! Прямо в опилки выкидывали! Цыгане-молдоване! А если бы мы с Леной порезались! Или этот Роман рассчитывал, что порежусь именно я? А что потом? Заражение крови? Руки-то грязные! В земле! Правильно

Игорь подозревал их в пакостности и подлости. А что бы они после этого сделали с Еленой?! Господи, помилуй!»

А откуда-то с дальних участков на полную мощь динамиков доносилось Тальковское: «Война! Идет гражданская война!»

И как же Лена не понимает этого? Или понимает?..

Опилки пришлось просеивать через мелкую сетку, натянутую на рейки. Это очень замедлило работу. Только часам к четверем дня я сжег все опилки, постоянно выбирая стекло и закапывая его за сараем.

Все последующие дни я занимался уборкой строительного мусора. Но на среду и пятницу сподобился сходить на пруд, наловить жирных карасей и ратанов. Сварил уху и пожарил.

В пятницу вечером Елена позвонила и объявила, что в субботу привозит тетю Аню, чтобы похвастаться новым домом.

- Тетя Катя приболела. Поэтому мы приедем вдвоем. Наверное, только где-то к обеду. Ты ведь хотел уехать? Так что поезжай с утра пораньше, - на прощанье весело сообщила она.

«Уехала на два-три дня!» - горько хмыкнул я, и стал сам готовиться к отъезду с дачи.

А ночью мне приснился сон... В расщелине каких-то зловещих скал, у костра сидели несколько человек, облаченных в звериные шкуры. Но людьми назвать их было трудно. Клыки их, словно в фильме о вампирах, выступали далеко вперед и над губами, по которым стекала кровь. Кровь какого-то зверя. Они жадно вгрызались в мясо. С рычанием рвали его. И усмехались. А я узнал усмешку... Романа. Но тут же углядел рядом с ним и Алексея, и Ивана. Рядом сидели еще несколько тоже звероподобных существ. Но среди них в кровавых отблесках костра я с ужасом заметил знакомую рожу «старика-корня». А среди других

участников «обеда» почему-то оказались... тетки Елены. Правда, они были в нормальном человеческом облиции. Только, как остальные вгрызались в мясо. Ухмылялись и плотоядно урчали.

- А ведь мяско-то – твое, Алексашенька! – прозвучал над самым моим ухом чей-то голос.

Вдруг участники оргии сорвались со своих мест и под «тяжелый рок» невесть откуда взявшихся оркестрантов, похожих на музыкантов из сатанинской группы «Кисс», пустились в дикий, разнузданный, похабный, отвратительный пляс. Несмотря на ужас, охвативший меня, я диву давался задорным движениям двух далеко немолодых женщин и «старика-корня». Им мог бы позавидовать любой молодой человек, полный сил и энергии.

А Елена стояла поодаль от всех и, как явственно услышалось вдруг мне, как-то даже отрешенно напевала: «Поднявший меч на наш союз, достоин будет худшей кары, и я за жизнь его тогда...»

«Чей союз? Кого с кем?» - захотелось крикнуть мне. Но я вспомнил недавние слова Игоря: «Это – самый достойный, голгофский гонорар для Русского прозаика за твой роман! Видишь, как нечисть противится тебе?! Значит, правильно пишешь! По-Божески!»

Я вскинулся в холодном поту. А окном только-только забрезжил рассвет. Конечно, от всего увиденного заснуть больше я не мог. Поэтому встал, прошел в столовую-кухню. Налил себе полстакана водки. Выпил. Перекурил. И решил собираться в дорогу на первый автобус и на одну из ранних электричек. Сложил вещи, нот-бук. И скоро, проглотив бутерброд и чашку кофе, перекурив, под неугомонный щебет всевозможных птах, пытаюсь позабыть свой сон, зашагал по проселочной дороге. А птицы, усевшись на проводах клювиками в сторону востока, славили Христа.

В автобусе и в электричке я сладко подремывал. Но выйдя на Курском вокзале, вдруг увидел Анну Егоровну. Она с Леной, широко жестикулируя, не стесняясь других пассажиров, стояла на соседней платформе и громко выговаривала что-то моей жене. А та, покорно потупив глаза, выслушивала.

«Должно быть, мне косточки перемывают!» - подумал я и вспомнил ночной сон. Но подошла электричка и Анна Егоровна бойко, как я увидел уже через стекло вагона, первой вскочила в нее и уселась на теневую сторону. А я поехал домой, где с удовольствием принял прохладный душ, позавтракал, позвонил Игорю и Кости и улегся досыпать. А подремав пару часов, позабыв и про сон, и про встречу на вокзале, сел за рукопись.

Ближе к вечеру позвонила Елена и, всхлипывая, попросила: «Помолись хорошенько!»

- Что-нибудь случилось? – озадачился я.

- Тетя Аня осталась очень недовольна. Все ходила, причитала... А когда я ее спросила, мол, что это она причитает, как будто по покойнику? Мол, дом какой хороший... Есть душ с нагревателем... Так она ответила, что лучше бы покойник был! Правда, сама испугалась своих же слов. Но тут же собралась и уехала. Прошу тебя, сходи в церковь сегодня же вечером. Поставь свечки за всех нас. И помолись хорошенько!

- Я вас видел утром на платформе в Москве. Она тебя, как девчонку отчитывала. Небось, мне косточки перемывали? Что ты теткам все это позволяешь? Когда они мне тебя поливали грязью, я им запретил и пригрозил, что немедленно уеду. Постав и ты их, наконец, на место! – довольно резко и возмущенно проговорил я.

- Ну вот, и ты мне выволочку устраиваешь! Ладно, ладно... Забей... Поторопись в церковь.

...- Вот ведь злобная зараза! Сон-то, что называется, в руку был! А еще говорят, что снам не надо верить, – хмыкнул я, когда Елена отключила свой мобильник. И стал собираться в церковь.

Конечно, настроение у меня резко упало. Но в храме сердце немного умиротворилось. Как говорится, полегчало. Тем паче, на обратном пути я зашел в магазин и купил бутылку коньяку. Дома поужинал. Выпил. А перед тем, как лечь, окропил комнату Святой водой.

О работе над рукописью и речи идти не могло. Но после коньяка я заснул быстро. Безо всяких видений и сновидений. А утром проснулся довольно бодрым. Но вдруг вспомнилось пожелание Анны Егоровны покойника в нашу семью. И настроение снова испортилось. Ведь она подразумевала, конечно же, не Георгия, не Елену, а только меня. Прости ее, Господи.

Издание книги «закрутило» меня. И вот, наконец-то, я увидел ее. Честно говоря, обложка мне не понравилась. Но первый блин всегда бывает комом. Поэтому с обложкой я смирился. И через две недели опять был на даче, даже от радости позабыв о пожеланиях тетки Анны Егоровны. А Елена начала уже поговаривать о ремонте в московской квартире.

- Хотя бы на кухне, в ванной, в прихожей и в туалете, - говорила она, когда мы присели в тенечке на лавочку, которую сколотил я.

- Но если делать ремонт, то уж во все квартире, - возразил я.

- Надо сначала строителей найти. И подешевле.

- Скупой платит трижды...

- А ты поговори с Костей. Что он посоветует? У него наверняка есть знакомые. Он же – коммерческий директор вашей гимназии. Значит связан с хозяйственными вопросами. А я поищу по своим каналам. Но время пока

терпит. На будущее лето отправимся на дачу. Поднакопим денег. Вот и устроим ремонт. Егорка-то все равно не поедет. Присмотрит за строителями.

Мне оставалось только согласно пожать плечами. Хотя идея ремонта в отдельно взятых помещениях пришла не по душе.

...Лето подошло к концу. А зимой мы принялись искать строителей. Приезжали несколько разных бригад. Но одни соглашались только на ремонт во всей квартире, другие, подсчитав стоимость работ, «заламливали» баснословные цены, третьи, пообещав позвонить, после первого же визита к нам просто исчезали. Тогда я позвонил Косте. И он обрадовал: «Да есть у меня знакомый. Ты его должен помнить. Это Ахмед. Мы с ним вместе служили на границе. Потом в составе мангруппы по горячим точкам мотались... Случайно встретились. И он лет десять назад целый год жил у меня во времянке. А сейчас устроился в Мамоново. Купил себе хороший дом. Прописался. Перевез сюда жену, сыновей. И как раз вместе с ними руководит большой бригадой своих земляков, которые именно ремонтируют квартиры. Я на днях заеду к нему, поговорю. Думаю, что по знакомству много не запросит. Он должно быть и тебя помнит. И позвонит.»

Когда я рассказал о звонке Елене, она обрадовалась. И через неделю я ждал Ахмеда около метро «Бульвар Рокоссовского». Он приехал со старшим сыном – здоровенным мужиком. И минут через пятнадцать на нашей кухне вчетвером обсуждали «фронт» работ, их стоимость и сроки.

В самом деле, Ахмед запросил вдвое меньше, чем все другие строители. Но поставил условие: бригада из трех человек должна на время ремонта поселиться в нашей квартире.

- Хорошо, - пожала плечами Елена, - а мы можем пожить у моей тетушки. Это – через дорогу.

- Тогда составим смету, список необходимых материалов. А мой сынок повозит на по магазинам. Я знаю в каких из них вы можете купить все подешевле. А в Мамоново на фабрике по оптовым ценам приобретете двери. У меня там хорошие знакомые работают. Транспорт для дверей тоже я обеспечу. Вам останется только оплатить. А с качеством наших работ вы можете познакомиться, когда поедем на строительный рынок в Видное. Хотя бы через неделю. Вам ведь тоже нужно время, чтобы подготовить и перенести мебель, завернуть ее пленкой, накрыть, что-то убрать.

- Саша сейчас же пойдет в хозяйственный магазин и купит пленку, чтобы все укрыть, - завершила Елена разговор. И мы вместе с Ахмедом и его сыном вышли из дома

Но уже на дворе Ахмед вдруг попросил меня: «Дай, пожалуйста, тысячу на бензин. Сам понимаешь. Транспортные расходы. А Мамоново не ближний свет. И еще сколько поездок предстоит.»

Что мне оставалось делать?

Неделя ушла на упаковку и накрытие мебели, поездку за дверями на самой окраине Мамоново, за кафельной плиткой трех видов и другими необходимыми для ремонта материалами. Но надо отдать должное сыну Ахмеда. Он сам все носил, грузил, разгружал.... А в воскресенье мы переехали к Екатерине Егоровне. И все бы ничего, но она без конца бубнила что-то невнятное и, как я чувствовал, совсем недоброе. Но старался не обращать на это внимание. Хорошо, хоть вслух покойника не пожелала.

Время от времени я навещался домой. Проверял ход работ. Дважды на пару дней ездил на дачу. Но что-то тяготило меня. То ли какое-то предчувствие, то ли сама

атмосфера, повисшая в доме Екатерины Егоровны, то ли ее нескончаемая бубнежка.

Ремонт подходил к завершению, когда я почувствовал какую-то тяжесть в сердце. Да и строители начали халтурить. То темно-коричневым лаком покрыли пол в прихожей, а заодно им же испачкали низ новенькой входной двери... Пинали они ее, что ли?! То вдруг заявили, что договора замазывать щели между косяками и дверями у них с нами не было: все равно, мол, мы новые обои клеить будем. Ахмед же все время торопил их. Должно быть, у него наметился новый строительный объект.

И я, и Елена были очень недовольны ремонтом. И я позвонил Косте, чтобы пожаловаться. Он стал извиняться: «Совсем испортился Ахмед. Избаловался. Прости за то, что я порекомендовал его бригаду тебе. А был же таким мужиком! Настоящим погранцом! Но Бог поругаем не бывает. Награда нашла героев! Племянник Ахмеда в милицию попал. И теперь подлежит депортации. А сынка избили. Да так... Будут знать, как православных людей обижать. Мне отмщение, Аз воздам... Он, кстати, уже приезжал ко мне: просил вступить за племянника. Так вот, я ему теперь выскажу!»

Я все-таки решил съездить в поликлинику со своими болями в сердце... И мне срочно вызвали «скорую». А врач определил: «Немедленная госпитализация. Инфаркт. И вызовите супругу.»

«Ну вот! Одна нажелала покойника, другая набубнила! Что ж за люди такие?!» - невольно подумал я.

Лена проводила меня в машине «скорой помощи» до самой больницы. Долго шепталась о чем-то с врачом. А прощаясь, заявила мне: «Я же не раз говорила тебе, что надо бросать курить! Ты же не слушал меня! А теперь что? Инвалидность получать? Как на даче-то будешь работать? Кстати, ты здесь – под хорошим присмотром. А на даче

урожай поспекает-переспекает... Эх, вывезти бы его! Тетушек, Егорку побаловать яблочками, морковкой, смородиной. Я ее, знаешь, сколько коробок из-под молока наморозила?!... Так что, я, пожалуй, дня на три съезжу туда.»

- Привези мне, пожалуйста, нот-бук, - попросил я.

- Ну, уж нет. Тебе нельзя волноваться. Пойдешь на поправку, привезу. Как только с дачи приеду, - определила она.

- Мне нельзя не работать! Я должен успеть дописать!

- Что еще ты выдумал?! «У-у-успеть дописать!» Успеешь! - засмеялась Елена. И упорхнула. А я остался лежать.

Благодаря уколам и таблеткам, сердце скоро отпустило. К тому же, на лечащего врача и на медсестер мне повезло. Даже в военном госпитале не было такой заботы и ухода. Но сейчас мне на самом деле не хватало работы над рукописью.

Лена приехала только через неделю. И с порога палаты виновато, но в то же время и восторженно заговорила: «Столько работы! Столько надо было собрать, сортировать, перевезти! Хорошо, что я с соседом договорилась. Он меня на машине прямо к подъезду нашего дома доставил. Я позвонила Егорке. Он, конечно, не без ворчания, спустился и помог поднять мой багаж к нам в квартиру. Пока сходила к тете Кате, отнесла ей первых огурчиков, яблочек, морковки, зеленушки для консервирования тетей Аней... Пока помылась. Все равно к тебе только вечером пускают. Нот-бук я тебе не привезла, так как доктор сказала, что тебя послезавтра выписывают. Я за тобой приеду. Мне сказали, что выписывают только после обеда. Поедем на дачу. Первое время нагружать работой я тебя не стану. Походишь на рыбалку. За грибами,

конечно, одного я тебя не отпущу. Только были бы у тебя позитивные эмоции. Но главное, бросишь курить!»

- А мне врач сказала, что резко бросать курить нельзя. С моим стажем курильщика сердечко может не выдержать. Надо постепенно сокращать количество сигарет в день, - заметил я.

- Не знаю, не знаю... Зато я знаю многих, кто сразу бросал курить. Так что не верится мне в эти постепенные бросания. Я еще сама поговорю с доктором, - поджала губы жена.

...Следующий день в больнице и половина другого дня до моей выписки, казалось, растянулись в бесконечность. Я не знал, куда себя деть... Но и они завершились моим возвращением домой. Три дня я приходил в себя, а на четвертый мы отправились на дачу. Я радовался перемене обстановки, тому, что смогу поработать над рукописью, неспешной лесной прогулке, щебетанию пичуг и своему выздоровлению. Стало быть, не сбылись пока пожелания и бубнения теток. Не мог же инфаркт появиться сам собою... Так сказать из ниоткуда. А то, что я довольно быстро справился с ним... Пока! Наверное, оттого, что в больнице я каждые утро и вечер вычитывал молитвенные правила.

Потихонечку я помогал Елене, чем мог. А она «выгуливала» меня за грибами. И, надо признать, на них год выдался, что называется, урожайный. Белых мы собирали полные корзины. Я уже не говорю про поддубовики, моховики, подберезовики, а тем паче про сыроежки или свинушки. Морозилка в холодильнике была забита отваренными грибами до отказа. А на вечерние зорьки я ходил на пруд. И опять, как говорится, отводил душу. Самых больших карасей и ратанов на постные дни нарочно подкладывал Лене. И был счастлив от того, что радовалась этому...

Но однажды, уже в конце июля, будучи в очередном походе за грибами, я вдруг почувствовал, что правая щека у меня немеет. Конечно же, внимания на это не обратил. Но когда вечером пошел на пруд, мне стало так плохо, что я толком не мог закинуть удочку. Правая рука не слушалась. Как я не размахивался, поплавок падал у самого берега. В глазах мутнело. А голову разрывала дикая боль. Тошнило. И не самом деле я совсем не чувствовал себя... И не понимал, что со мной происходит. На лбу выступила испарина... Я позвонил жене по мобильнику и попросил ее придти... за мной. Благо, пруд находился в пятистах метрах от дома. Лена, конечно, тут же прибежала. И, как фронтовая сестра милосердия, что называется, подставила свое плечико. Но тут же с укором добавила: «И сколько же можно тебе повторять, что пора бросать курить?!»

А придя на дачу, она принялась хлопотать вокруг меня: «Ложись. Сейчас я тебе мяты заварю. Она успокоит. И все пройдет... Переутомился... Полдня – за грибами. Потом – на рыбалку... Это не дело! Знаешь что? Завтра отлежись, а послезавтра поезжай-ка в Москву. Сходи там к врачу, а то от местных сельских медиков мало толку. Залечат-искалечат... До автобуса я тебя провожу... Нет. Лучше отправлю на такси до Дрезны. А там, Бог даст, сам доберешься... Мне ведь еще огород поливать.»

Если честно, до Москвы я добрался, не чувствуя себя дурно. Поэтому по дороге домой оплатил интернет, купил себе сигарет и стограммовую бутылочку коньяку. Но выпить ее не успел...

Добравшись до дома, я понял, что надо вызывать «скорую». Голову ломило. Она кружилась. Подташнивало... А, позвонив по телефону, я не смог назвать ни своих данных, ни адреса... Забыл! Вылетело из памяти... По просьбе телефонистки это сделал Георгий. «Скорая» приехала минут через десять. Пожилой доктор, выслушав мой рассказ, долго

осматривал меня. Сделал электрокардиограмму. Наконец, переглянулся с фельдшером и велел мне собираться. А на мой вопрос вздохнул: «Немедленная госпитализация. Похоже, у вас инсульт. И ходили вы с ним не три дня, поболее. Так что захватите комплект белья, туалетные принадлежности. И поедем. Только прошу вас: не делайте резких движений. Мы с коллегой поможем вам спуститься к машине. Не забудьте паспорт и полис... Как я понимаю, из родственников с вами никто не поедет...»

- Набормотали! – тихо отозвался я.

- Что вы сказали? – спросил врач.

- Нет-нет, ничего...

А сам подумал, что со времени инфаркта прошло чуть больше месяца. И тут инсульт! После месяца гостевания в квартире Екатерины Егоровны. Случайности здесь исключены... Интересно, что еще набормотала она мне? Или что еще нажелала Анна Егоровна?..

...В приемном покое больницы врач, то ли узбек, то ли таджик, велел мне раздеться догола и лечь на «каталку». При этом заметил: «Сейчас вас отвезут в реанимацию. Поэтому крест и обручальное кольцо тоже снимите... Их у вас по описи примут, а после реанимации вернут...»

- Я крест не сниму... Только – вместе с головой! – вспыхнул я и для верности намотал гайтан на ладонь.

Врач долго убеждал меня. К нему подключились и медсестры. Но я заявил: «Отдайте мне мою одежду. Не нужна мне такая госпитализация... Уж лучше умереть с крестом на груди!»

Медики отошли в сторону и что-то бурно, но тихо обсуждали. Наконец, то ли узбек, то ли таджик согласился и, вздохнув, велел санитарам отвезти меня в реанимацию неврологического отделения...

Ох, уж эти реанимации! Не встать, не размяться! Лежать нагишом, окутанному проводами, под писк монитора. И так – целые сутки... Хотя понятно, что делается это только в благо больным. Но самым болезненным была невозможность покурить. И тоже – целые сутки!

Однако, и это прошло. Утром на следующий день меня отвезли в палату неврологии. Миловидная на лицо, но какая-то наскладная, квадратная молодая врач тут же пришла и долго расспрашивала о самочувствии, и даже о семейном положении. Что-то записывала в какой-то свой журнал. Наконец, объявила, что наутро мне сделают томограмму и ушла. Пришла медсестра и поставила сразу две капельницы в обе руки. А после них я наконец-то смог позвонить Елене на дачу и рассказать о случившемся.

- Я же говорила, что пора бросать курить! Ладно... Я максимально соберу урожай и на твой день рождения приеду, - на удивление спокойно и даже как-то холодно ответила жена и... отключила «мобильник». А я почему-то вдруг вспомнил молодого строителя Романа. И подумал, что, в самом деле, сердце сердцу весть подает. И мне вдруг нестерпимо захотелось курить. Что я и сделал, выйдя на улицу и отойдя в дальний угол больницы, к ремонтируемому корпусу... Как бы назло Елене...

А все дни до ее приезда, лежа на койке, отворачивался к стене, когда соседей по палате ежедневно навещали жены и дети. Они потчевали моих «товарищей по инсульту» домашними котлетками, жареной курицей, всевозможными овощами и фруктами. Потом выходили в коридор и даже на многочисленные больничные дорожки и тропинки. Подолгу сиживали в беседках. И я это видел, выходя курить в свое потаенное место. И, сказать по правде, завидовал. «Кормешка»-то в наших больницах оставляет желать много лучшего... Ведь у соседей по палате тоже наверняка есть дачи или даже дома в деревнях... Поэтому я думал с

горечью: «Значит, не на одного меня действуют чары теток... А Лена еще пробует утверждать, что не поддается чужому влиянию!»

Четвертого августа, Елена на самом деле появилась в больнице с пластиковой коробочкой, наполненной пятью эклерами. Чмокая меня в щеку, торжественно объявила: «Поздравляю с днем рождения. А эклерчики – к чаю... В палате с больными полакомитесь. А я – ненадолго. В Москве дел накопилось! Тетя Аня приболела. Надо навестить... Так она еще и огурцы умудряется консервировать. Хотя сам их не ест... Вот и повезу ей листья смородины, дуба, хрена, кроп и всякую зеленушку.»

- У тети Ани есть дочка! А у той – ни мужа нет, ни сына! Приехала бы хотя бы на один выходной... Георгий вполне мог навестить любимую бабушку! - попытался возразить я.

- Иринка - сама вся больная. К тому же, еще и работает... А Егорка?! Ты что?! Нашего ребеночка не знаешь? Для него компьютер – и родителя, и бабушки. И поедет он навещать кого-нибудь, когда ему самому что-нибудь приспичит, – как-то искусственно засмеялась жена. И начала собираться. Чмокнула меня в щеку и упорхнула. Что мне на это было сказать?

Конечно же, столь скудной «подарочной передачей» соседей я угощать не стал. Да ее и не хватило бы на всех «инсультников». Но один из них спросил: «Кто это тебя навещал?»

- Жена, - ответил я.

- Же-э-эна? – удивленно вскинули все они, как один, брови и переглянулись. И тут же уткнулись глазами в свои книги, журналы, газеты, сборники кроссвордов. А я отправился курить.

...На утреннем обходе мой лечащий врач объявила мне: «Вам срочно надо делать операцию. Как показала

томография, у вас – холестериновая бляшка. Из-за нее, только представьте, в одно полушарие мозга поступает всего пятнадцать процентов крови. Однако я договорилась в нашей сосудистой хирургии и завтра вы перейдете в их отделение. Там согласны прооперировать вас. И не переживайте! Там отличные врачи! Один заведующий отделением чего стоит?! А к нему на операцию ой, как трудно попасть! Люди по полгода ждут. Да и я не буду упускать вас из виду. Вы ведь, по сути, наш пациент. На предмет неврологии. Вам после операции еще инвалидность оформлять.»

- Операция? Час то часу не легче! Ну-у-у, набубнили, нажелали покойника! За одно лето, пока мы жили у Екатерины Егоровны, обрушилось столько болячек! – пробормотал я.

- Что вы сказали? - спросила врач.

- Нет, ничего... Операция – так операция... Спасибо вам, доктор, за вашу заботу и внимание, - слегка поклонился я...

И в этот же день «переехал» в отделение сосудистой хирургии. Позвонил Елене. Она приехала и о чем-то долго разговаривала с заведующим отделением – статным, красивым армянином. Потом в кабинет пригласили меня. Его хозяин долго убеждал во вреде курения и в том, что его надо бросать. Говорил даже об экономической, материальной стороне того дела. Елена время от времени вставляла в разговор свои «двадцать копеек». Я согласно кивал. Наконец, меня «отпустили» в палату, куда, спустя некоторое время явилась и она. Посмотрела, как я устроился. Чмокнула в щеку: «Поправляйся...»

И ушла...

Но операции не случилось. Перед ней у меня взяли анализы, и хирург объявил: «У вас гемоглобин

«зашкаливает». Я не рискну резать... Через участкового врача найдите, где понизить. И приходите.»

«Вот и еще одна болячка! - хмыкнул я про себя, - Спаси вас Бог Екатерина и Анна Егоровны за ваши бубнения и пожелания!»

Слава Богу, участковый врач, посмотрев результаты анализов, сразу выписала направление в тридцатую больницу... Но почему... в онкологическое отделение. В онко-ло-ги-чес-кое!

Когда Елена узнала эту новость, то решила непременно ехать со мной. Ух! И добирались же мы до Новогиреевской окраины! Сквозь дождь и пронизывающий ветер. Положили меня сразу. И опять мне повезло на врача. Я прямо спросил у нее: «Скажите честно: у меня онкология?»

- Да, у вас заболевание крови. Но доброкачественное. Вы ведь служили в ракетных войсках? Это сказывается... Так что не терзайте сердце. Оно у вас тоже не совсем здоровое. Сделаем две центрифуги, поколемся, попьем таблеточки, и гемоглобин понизится, - был ответ.

...За десять дней Елена приезжала только два раза. Минут на пятнадцать-двадцать. И то даже с какой-то обидой: «Я на одну дорогу к тебе и обратно трачу не меньше трех часов! Так что засиживаться у тебя не буду. Дома – столько дел! Столько дел! К тому же, мы с Таней Отборкиной сегодня вечером традиционно встречаемся в кафе. А завтра я поеду на дачу, чтобы подготовить ее к зиме. Ты ведь – все равно не помощник.»

Из этой больницы я выписался с направлением в онкологический диспансер под наблюдение врача гематолога. И с напутствием поехать сразу после операции туда. Но слова «ты ведь все равно не помощник» больно врезались в сердце. Хотелось напомнить жене, что я три лета подряд безвылазно «пахал» на даче... Но я промолчал.

И я снова оказался в отделении сосудистой хирургии. Операцию назначили уже на третий день, на восемь часов утра. Но в операционную меня отправили только в час дня. Волнуясь, за это время я выкурил штук пять сигарет... Но удивительно, после операции мне совсем не захотелось курить! Час... Два... Три... Сутки... Конечно, некоторое желание сделать хотя бы одну затяжку возникало. Но было оно каким-то безразличным, легко оборимым. И я понял, что легко могу бросить курить.

А еще через два дня меня выписали.

...Онкологический диспансер... Страшное место... Совсем молодые, средних лет, пожилые лысые, как коленка, женщины, мужчины с зелеными лицами. Что же они, несчастные думают? Чего от жизни ждут? О чем болят у них сердца? Но что удивительно! Я почти не увидел раздраженных, озлобленных лиц! Хотя кое-кто выглядел, что называется отрешенным. За редким исключением, люди услужливо и доброжелательно улыбались друг другу, уступали места. Несчастье, беда сближают. Я увидел, как Русский человек думает о том, какой ответ будет держать на Страшном Суде. И это у него в крови! Генетически! Я попробовал сравнить этих людей с тетками Елены, но ничего не получилось...

Молодой, лет под тридцать врач, похожий на боксера-тяжеловеса, как я потом узнал, Максим Олегович, внимательно выслушал меня, осмотрел и вывел: «Это не самый страшный диагноз. Будем лечиться. Пойдемте в аптечный киоск. Я выдам вам лекарство. В районной поликлинике вам будут делать уколы. Через день... Кстати, чтобы получать лекарство бесплатно, принесите справку об инвалидности. У вас она есть?»

- Нет, конечно. Это все для меня внове, - пожал я плечами.

- Постарайтесь получить побыстрее. А то ведь у нас тоже строгая отчетность, - покачал он головой.

- А что это за лекарство?

- Химиотерапия. Но для вас я другого выхода, как применение его, я не вижу, вздохнул он.

- А последствия?

- Вам самое главное – поддерживать себя, что называется, в форме. Последствия же незначительны. Возможно, что придется направить вас на кровопускание. В какой-нибудь однодневный стационар. Мы, гематологи, друг друга хорошо знаем, - говорил он, проходя вместе со по коридору и здороваясь с коллегами и больными.

- Сколько человек может прожить, делая эти уколы?

- Одна моя пациентка жила в здравом уме и трезвой памяти до семидесяти пяти лет. И правнуков еще пестовала

- Спасибо вам, доктор.

- На здоровье. Жду вас через месяц с общими анализами крови. Нам надо проследить динамику гемоглобина. Только загодя обязательно запишитесь на прием. Лекарство держите в холодильнике. Всего доброго.

И он протянул мне три нарядных, веселеньких коробочки с пятью ампулами в каждой. А в голове у меня невольно опять вспыхнуло: «Онкология! Пусть доброкачественная... Пока... Набубнили, напожелали!» Но я вдруг тут же подумал: «А ведь надо бы полюбить теток, помолиться за них, как возлюбили Сам Господь наш Иисус Христос распинающих Его и хотя бы тот же первомученик Архидиакон Стефан - побивающих камнями. И со скорбью понял, что нет у меня пока таких духовных сил... Именно на этом фронте для меня шла настоящая гражданская война...

...Поначалу на уколы я ходил в районную поликлинику. Через день! С раннего утра! А потом вдруг подумал: «Ведь в военном училище преподавалась начальная медицинская подготовка. И я сам прекрасно

всегда умел делать уколы... Зачем же мотаться через день? Зачем выстаивать в очередях?» И стал на самом деле делать уколы сам себе в ногу. И ведь делал безболезненно. Правда, Елена не могла смотреть на эти процедуры и всегда убегала из комнаты. А мне при этом с усмешкой вспоминалась поговорка какого-то старого армейского сослуживца: «Мастерство не пропьешь!»

Мы шли торопко по знакомым вешкам-приметам. Налегке. Только Сергуня-малый, кроме ручного пулемета, нес в своем рюкзаке недельный сухой паек: по две банки тушенки на брата, вяленая рыба, трофейные галеты. Агнюша на выделила даже маленькую железную фляжку спирта. Но при этом погрозила пальцем: «На случай ранений!»

Однако, по всему было видно, что Сергуня совсем не утомлялся при этом. На привалах, когда мы с Костей валились на землю передохнуть, даже хозяйствовал: рубил хворост, разводил костерок, делил нашу нехитрую снедь.

Но в партизанском лагере «Советского Мурманска» мы никого не обнаружили. Его обитатели ушли. Только куда?!

И опять пришел на помощь Сергуня-малый. Он долго кружил вокруг лагеря, разглядывал следы на земле, надломленные веточки, еще какие-то приметы. Наконец, указал ладошкой направление: «Ушли туда! И всего лишь дня два-три назад. Идут груженные. С больными и ранеными на телегах. Если поторопимся, то догоним.»

И в самом деле, арьегардное боевое охранение мы догнали в начале второго же дня. Поначалу партизаны насторожились. Взяли оружие на изготовку. Но потом один из них узнал Сергуню-малого, знакомого ему по первому, неудачному штурму бесовской горы. И скоро мы догнали всю бригаду. «Товарищ Аким» приказал сделать привал, и я

попытался, как можно ярче обрисовать обстановку, говорил о важности пленения конструктора дисколетов и собственно захвата документации, о том, что этот вопрос поставлен на контроль «товарища Берии»... Мой собеседник, лежа у костра, долго молчал, покусывая травинку. Изредка прятал глаза. Наконец, произнес: «Вообще-то, у нас другое задание «центра». Мы идем на воссоединение с регулярными частями Красной Армии. Ведь они – на подходе. И мы должны ударить обороняющимся фрицам в тыл... Но время воссоединения точно не указано. А гитлеровцы огрызаются, как цепные псы. И ведь насмерть стоят, мерзавцы... Полагаю, что неделя-другая здесь роли не сыграют. Операция по освобождению Кольского полуострова – широкомасштабная, долгосрочная. Даже затяжная. Вы, наверное уже слышали, как лупят дальнобойные орудия нашего Северного флота?! Как утюжат гитлеровцев «Катюши»? Но тактических боев пока нет. Так что, полагаю, мы сможем вам помочь в штурме проклятушей горы. Хотя бы в память о товарище Нефедовой... Героическая женщина! Ей бы деток рожать. И побольше! Настоящих русских, советских патриотов воспитала бы... Как говорит ваш командир-священник? Царствие ей Небесное? Вечная память... С другой стороны, жалко терять людей. Ведь все надеются дожить до Победы. Как и ваши, простите, товарищи зэки.»

...И скоро партизанская бригада развернулась в сторону нашего лагеря. А я с Костей и Сергуней-малым поспешили в лагерь, чтобы предупредить батушку, дабы достойно встретить гостей. Но вернувшись, оказались на отпевании и погребении... Максима.

Агнюша со слезами на глазах рассказала: «Взял Максимка своего неслучившегося тестя, когда тот ехал на большой аэродром. Взял! Пленил! Они вдвоем с Иосифом, оказавшись в тот день в «секрете», увидели. И представь!

Три мотоцикла уничтожили, бронетранспортер гранатами забросали! А конструктора все-таки пленили. Правда, почему-то никакой документации при нем не обнаружили...»

- Была документация. Я потом наизнанку вывернул внутренности «хорьха». Портфель с бумагами лежал в тайнике. Точнее, след от портфеля. Это и невооруженным глазом видно было... А этот гад после того, как бежал, достал портфель. И, должно быть, сейчас в горе отсиживается... Ну, ничего! Я его за Максимку из-под земли достану! Прости, Агния Александровна, за то, что перебил. Не вмещается у меня в сердце эта смерть! Прости... Ты дальше рассказывай, - вклинился в разговор Юрок, стоявший рядом.

- Бе-э-эжал? – удивленно пожал я плечами

- Да, Алексаша! Когда конструктора привели сюда, - продолжала сестрица, - и посадили в тюремную землянку, Максимка уговорил часового пустить его к арестованному. Захотел поговорить с тем по душам... Да какая может быть у «эсэсовца» душа?! Черная, как и форма его!.. Часовой и пустил Максимку. Конструктор и задушил его. Потом пленом по голове врезал часовому. И был таков. Батюшка так разгневался, что хотел часового расстрелять за нарушение караульной службы. Или как она там у вас называется? Но учел то, что каждый человек перед штурмом на счету. Каждый кровь пролить может...

- А я и сказал, что этот недоумок должен теперь за двоих воевать, - опять подал голос Юрок.

- Значит, Максим все еще любил эту немку... Эх, бедолага! – сокрушенно покачал я головой и перекрестился. Но тут же вскинулся: «Максим лежал в гробу и, как будто чему-то улыбался. Чему?»

- Должно быть, убийца притупил его бдительность сказками про то, что несостоявшаяся невеста помнит и

любит Максимку... Царствие ему Небесное, вздохнула Агнюша.

- Да-а-а... Вот такая у нас беда приключилась! Где ее не ждали... Вы-то как сходили к этим коммунякам? – спросил Юрок, длинно сплюнул сквозь зубы и принялся сворачивать «козью ножку».

- Мы налегке пришли. Они догоняют. Всей бригадой. Господь помог убедить, - хмыкнул почему-то невесело я.

- Господи! Могли бы обоз где-нибудь в укромном местечке оставить! Зачем же раненных, женщин, детей под возможный вражеский огонь подставлять? – завздохала сестрица.

- Всем по заслугам воздается, - хмыкнул Юрок.

На этом мы и разошлись. Я, Костя, Сергуня-малый после такого марш-броска отправились в свои землянки отсыпаться. Юрок и сестра – по своим делам. И жизнь, - даже во сне, - потекла дальше.

Только на третий день после нас подошла партизанская бригада. И опять началась суета. Не в пример нашему размеренному быту. Женщины сразу принялись хозяйничать, дети помладше разбегались, а подростки – корчить из себя взрослых. Эти, как я заметил, отбежав подальше в лес, даже покуривали в рукав. Некоторые взрослые партизаны, из вновь прибывших в бригаду, недобро поглядывали на нас: как же, ведь мы зэки. Чуть ли не с насмешкой смотрели и на отца Валерия: мол, попкомандир. Но «товарищ Аким» объявил общее построение. Подробно, не торопясь, растолковал суть дела и поставил задачу. При этом постоянно поглядывал на батюшку, как бы испрашивая его согласия. Отец Валерий только кивал. В основном-то, «товарищ Аким» говорил не для нас, а для своих подчиненных. Но мы тоже терпеливо слушали. И в три часа по полуночи потянулись к горе.

Охрана ее была усилена. На входе в пещеры и в глубь ее копошились явно саперы. «Товарищ Аким» взглянул вопросительно на батюшку. Тот согласно кивнул. И в шеренгах партизан, уже окруживших гору, пронеслось по цепочке: «Штурм!»

Однако, фрицы по сведениям бежавшего инженера-конструктора, должно быть, готовились к такому повороту событий. И заняли «глухую» оборону, укрепленную железнодорожными шпалами, мешками с песком, еще какими-то подручными средствами.

Но и мы не луком были шиты. Учили свой первый печальный, что называется, «опыт». И скоро первая линия обороны гитлеровцев была смята. Но вдруг из авиационной пещеры вырулили несколько самолетов. И поднявшись в воздух, по всему круговому фронту нашего наступления, принялись обстреливать нас. Я увидел, как повалился на бок «товарищ Аким», как словно скошенные снопы, падали другие партизаны. Но увидел и то, как Юрок со своими разведчиками подобрался к самой пещере. Забросал огневую точку гранатами и развернул ее пулемет в сторону врага.

И еще я увидел, как гитлеровский летчик в сопровождении кого-то в штатском, пригибаясь, крадутся к оставшемуся почему-то стоять на взлетной полосе двухместному самолету. Ба! Да это же инженер-конструктор! Убийца Максимки... Успел перенарядиться!... И свой тайный портфель прихватил! С чертежами, расчетами... Я в бессилии оглянулся... Что же делать? А ведь мы с этим гадом находимся на одном расстоянии от самолета...

- Алексаша, - вдруг услышал я голос отца Валерия, - бери Василь Васильча. Отбейте документы! И взлетайте... Это – приказ! Храни вас Бог и Его Пречистая Матерь! Приказ!..

Голос батюшки как-то странно перешел в хрип. Я на миг оглянулся и увидел, как мой духовник упал на колени...

Перекрестился... А по груди светлого его подрясника расплывается алое пятно...

- Зачем же он встал?! Боялся, что не услышу?! – чуть не плача, вслух проговорил я.

Но делать было нечего... Прикрывая собой профессора, поливая огнем сразу из двух автоматов, я оказался лицом к лицу с гитлеровским летчиком. Он явно не ждал такой встречи. И растерялся. Поэтому его я тут же пристрелили. Растерялся и конструктор. Но патроны в обоих автоматах у меня закончились. Поэтому убийцу Максима в прыжке, как учил покойный Марик, я ударил ногой в грудь. Да так, что у того что-то даже хрустнуло. Выхватил у него портфель. Кинул Василию Васильевичу. Скомандовал: «В машину!»

И сам взлетел в кабину. Двигатель завелся с пол-оборота. А когда я пустил самолет на круг, увидел, что боекомплект у пулемета – полный. И выпустил по ничего не понявшим гитлеровцам несколько очередей. Но тут заметил, что Юрок с его разведчиками сцепился в рукопашном бою не меньше, чем с двумя десятками гитлеровцев. Прошептал: «Помоги Господь! Спаси и сохрани наших ребятков-разведчиков!»

А пока еще не успел набрать высоту, вдруг увидел, как моя сестра, моя Агнюша, сначала перевязывала кого-то из партизан. Но не заметила, как ее окружили... Тогда она вдруг встала в полный рост перед фрицами... И... Вот тут я застонал... Завыл: «Агнюшенька!»

Но сзади услышал голос Василия Васильевича: «Скорблю, Александр, вместе с вами. Но Агнии Александровне мы ничем уже помочь не можем. Увы! Молюсь об упокоении душеньки ее. А у нас есть приказ!»

Я летел, а слезы застилали мне глаза. И вспомнилось вдруг, как сестрица мечтательно сказала однажды в старом нашем лагере что-то вроде того, мол, как будто она домой вернулась... Слова оказались пророческими. За други своя!

Помяни, Господи, рабу Твою Агнию во Царствии Твоем...
Ах, да! И иерея Валерия помяни. И остальных рабов твоих...
Всех, души своя за други своя положивших. Кого, Ты Сам
знаешь, Господи

Я вспомнил про Костю. Он командовал небольшим отрядом с противоположной стороны горы. И какова судьба старого друга и соратника, я, конечно же, не знал...

Гитлеровские самолеты принимали наш за своего. Поэтому до линии фронта мы пролетели без помех. Но над ней затрясло, заболтало от ураганного огня множества зениток и пулеметов. Я почувствовал, что в нескольких местах у меня пробит фюзеляж. А скоро и пять наших истребителей решили мне «карусель» устроить. Я покачал им крыльями. Один из них приблизился ко мне. Тогда я сорвал с плеч «комбез» и показал на свои погоны. Он в недоумении что-то сказал другим, а мне показал некое «приглашение» на посадку. И так все пятеро довели меня до ближайшего аэродрома. А посадив самолет и выпрыгнув из кабины, кинулся обниматься: ведь это был именно мой полк, полк морской авиации, переформированный в обычную истребительную. Многих, особенно молодых, конечно я не знал. Но меня помнили, узнавали. Одним из первых прибежал мой механик Василий Андреевич. Как ребенка поднял меня на руки. Даже покружил! Подъехал командир Константин Владимирович. Уже полковник. Обнял. Похлопал по спине. Хотел что-то сказать. А я только тут вспомнил о профессоре. Что же он не вылезает? Заснул что ли? Однополчане кинулись помогать ему. Открыли «фонарь» и отпрянули. Василий Васильевич был мертв. Вот, какие пробоины фюзеляжа я почувствовал... Даже большой портфель, который профессор прижимал к груди, оказался в крови. И само сиденье...

«Надо же, - подумал я, - а ведь это – свои, над линией фронта. Какая нелепая смерть!»

Но в эту минуту к нам подъехала «эмка». Из нее вышли майор и капитан в синих фуражках. Все мои однополчане тут же опустили глаза. И отошли от меня на шаг. Особисты. Я тут же протянул им портфель. Пояснил: «Здесь особо важная, секретная документация гитлеровских научно-технических разработок. За нее отдали жизни несколько сотен партизан...»

Майор кивнул. Передал портфель капитану. Тот брезгливо взял его кончиками пальцев. Осмотрел. Вынул из кармана носовой платок. Вытер кровь. Спросил: «Твоя?»

- Нет, профессора. Над линией фронта подстрелили. Он – в кабине, - ответил я, проследив за полетом платка, брошенного капитаном на взлетную полосу. За такие «шутки» наш командир полка на неделю на кухню чистить картошку и мыть миски отправил бы.

Майор же мне сухо объявил: «Разберемся. Сдайте оружие и следуйте за нами в машину.»

Повернулся к моему командиру полка. Покачал головой. Процедил сквозь зубы: «Благодушествуете, товарищ полковник. Беззубость свою, политическую незрелость показываете. И это – при подчиненных!.. Мертвого профессора отправьте в морг госпиталя при штабе армии.»

«Как же так быстро узнали в штабе армии о моем прилете?» - подумал я. И сам себе ответил: «А впрочем, мир не без «добрых» людей! Да и штаб армии, наверное, недалеко отсюда...»

И в самом деле, ехали мы очень недолго. Меня передали дежурному. Тот попросил снять портупею, награды и отвел в подвал, где и сдал начальнику караула. Я, конечно утешал себя мыслью, что особисты скоро разберутся. Но дело обернулось иначе. Ни на следующий день, не через три дня меня никто не вызвал. Словно забыли. Часовой с поваром приносили кусок аржаного хлеба

с жиденьким, прозрачным трофейным, но горьким эрзац-кофе на завтрак, подобие супа с запахом не очень свежей рыбы на обед и перловую кашу, которую я всегда, еще со времен военного училища терпеть не мог, на ужин. Поневоле, с горькой усмешкой вспоминалось, чем меня и других партизан-«зэков» потчевали в отряде отца Валерия Агнюша, - Царствие ей Небесное, - и Машенька... А какая же участь постигла ее? Что с Костей? С Сергуней-малым?

«А что же я не молюсь? Ни за них, погибших, стоящих сейчас у престола Божия? Ни за себя? Помнится, бабушка говорила, что ближние наши, попавшие в Рай, усердно молятся за нас. И если найти эту, связующую с ними ниточку, то по по рации мои молитвы могут дойти до Господа. И Он не оставит в беде. А ниточка... Не в покаянии ли? Но ведь я перед штурмом горы исповедовался, каюсь, причащался Святых Таин... Не успел согрешить!» - думалось мне. Вспомнилась и Алла. И то, что она тоже обещала молиться. А бабушка? Уж ее-то молитвы со дна моря достанут! А когда я в последний раз молился за нее? Она ведь спасла мне жизнь! Определила будущее!

И я принялся молиться. За убиенных. За тех, про кого не знал живы ли они или нет, говорил: «Если живы они, спаси их, Господи, если нет, то упокой их души во Царствии Твоем...»

И становилось легче. А через неделю моего заточения, далеко за полночь, под храп часового, камера моя вдруг осветилась незнакомыми, необъяснимыми блестками цвета живого неба. Передо мной стоял... отец Валерий! Живой! Радостный! В сверкающих священнических одеждах, с большим золотым наперсным крестом. А за его спиной я увидел Агнюшу, Машеньку, Аллу, Максима, Константина, Сергуню-малого, Николая Макаровича, Никиту, Илию-муромца, Иосифа и многих других наших партизан из отряда. И все они почему-то стояли в белоснежных, каких-то

старинных облачениях. Такие я видел на иконах, которые бабушка прятала от чужих глаз. Только плечи моих соратников были покрыты пурпурными плащами. А на груди у каждого алели широкие шелковые ленты с надписью на них: *за други своя*. Да в руках они держали искусно выточенные кресты. Я понял, что все они погибли. *За други своя* души свои положили. Царствие им Небесное.

Я не мог произнести ни слова. А на глаза выступили слезы. Батюшка перекрестился. А за ним следом наложили на себя крестное знамение и другие. Отец Валерий произнес: «Тебе придется потерпеть. Но это будет твой крест ради будущего. Ради встречи, которая еще предстоит. Претерпевший ради Христа, спасется. Так что, неси достойно свой крест. А мы все не оставим тебя без помощи и поддержки.»

И он обвел ладонью стоящих позади себя. Тогда я спросил: «Ради встречи с Господом?»

- И-и-и, у тебя, - улыбнулся батюшка, - перед ней, определяющей, будет еще одна встреча. Ты ведь должен кому-то передать нашу Святую Веру, поведав этому человеку будущего о нашей. Ради сего подвига Господь наш Иисус Христос определил тебе твой крест.»

- А кто этот человек? – хрипло спросил я, но голоса своего не услышал.

- Претерпи и потерпи! – опять улыбнулся батюшка и вместе с остальными как бы растворился в воздухе. Но каждый из них прежде проходил мимо меня, словно прощался. Только Агнюша беззвучно проговорила: «Не кручинь сердца. Нам хорошо здесь.» И Алла пошевелила ладошкой в мою сторону, словно хотела протянуть ее мне.

А я не мог не насмотреться на людей, образы которых были ближе самых близких. И до слез не хотелось с ними расставаться... Но свечение медленно таяло, исчезало... И наконец, совсем померкло. А я провалился в спокойный сон.

И вдруг вспомнил, что так, под колыбельную засыпал у маменьки во младенчестве на груди. Сла-а-адко! И даже в первые минуты сна удивлялся тому, как я мог помнить! Но ведь помнил!

...Разбудил меня лязгнувший засов. Вместе с часовым-автоматчиком камеру вошел майор, который меня арестовывал. Зазвучали команды: «Встать... Руки за спину... Выходи... Лицом к стене... Вперед...»

Я попытался что-то сказать, но майор одернул меня: «Молчать! Говорить будешь, когда спросят.»

В комнате с зарешеченным окном за письменным столом сидел генерал. Майор указал мне на стул напротив его, а сам уселся за пишущую машинку, установленную на другом столе, сбоку от нас с генералом. Тот долго смотрел и пристально разглядывал меня, а потом вдруг спросил майора: «А почему погоны с него не сорвали?»

- Виноват... Но пока он – только подозреваемый... Но если прикажете.., - вскочил тот и сделал шаг ко мне.

- Ладно. Еще успеем, - кивнул генерал. И принялся промокашкой очищать перо... Наконец, допрос начался. Но прежде генерал представился: «Я следователь по особо тяжким преступлениям, генерал Нефедов...»

«Нефедов?! Неужели отец Аллы?» - вспыхнуло у меня в мозгу...

А вопросы посыпались ну, прямо как в кино: «Фамилия, имя, отчество... К какой части были приписаны до предательства?.. Как попали в плен?.. Ведь в полку вашем вас не видели два года!.. Какую вражескую разведшколу заканчивали?.. Где она находилась?.. Кто был ее начальником?.. Кто передал дезинформационную документацию?..»

От нелепости вопросов я что-то лепетал, конечно же, отрицая. В мозгу у меня стучало: «Алла Нефедова... Алла Нефедова... Аллочка! Слышишь ли ты меня? Помоги же!!!»

А генерал даже не давал мне подумать. Передохнуть от обвинений... Я, было, повторил правду о моем пребывании в отряде отца Валерия... Но генерал кивнул майору. Тот встал... Подошел ко мне... И ударил в челюсть. От удара я слетел со стула, на котором сидел. А генерал вскочил и даже завизжал: «Признавайся, сволочь! Шкура продажная! Еще про какого-то попа-партизана погибает и про его отряд! А вы, «политические» – все одним лыком шиты, все предатели... Все к фашистам переметнулись! Все готовы врагам страны советов задницы вылизывать. Потому что сами вы враги! Мало мы вас, начиная с семнадцатого года, как клопов давили!»

- Поднимай, поднимайся, выродок! Чего разлегся, как на перине! – резко дернул меня за ворот кителя майор. И тут же снова ударил. Но не так сильно, как в первый раз...

А когда я все-таки поднялся, генерал, указав мне на стул, закурив и указав мне на стул, усмехнулся: «Я и не таких, как ты обламывал. Еще с товарищем Феликсом Эдмундовичем Дзержинским. Ну, так что? Будешь говорить? Будешь признаваться?»

- Буду... Но сначала ответьте, кем вам приходится лейтенант государственной безопасности Алла Нефедова? – тыльной стороной ладони вытер я кровь с разбитой губы.

Генерал побагровел, сжал кулаки, весь набычился: «Здесь вопросы буду задавать я!»

Но вдруг вздрогнул... Вскинулся: «Что?»

- Мы с ней в одном партизанском отряде воевали...

- Что?

- У горы Линнамахари. Ее направили к нам на усиление...

- Погоди... Майор, походи, покури. А ты, старлей рассказывай.

Я и рассказал. И про отряд, и про Аллу, и про ее гибель, и про дисколеты, и даже про «товарища Акима».

Генерал Нефедов встал из-за стола, подошел к окну, достал пачку папирос. Но в его дрожащих руках они рассыпались. Наконец, он закурил. Не оборачиваясь, он спросил хриплым голосом: «Еще кто-нибудь может подтвердить твой рассказ?»

- Из наших, как вы называете, «политических зэков», навряд ли кто-нибудь в живых остался. Мы же шли в атаку первыми. А вот в партизанской бригаде «товарища Акима» «Советский Мурманск», кроме бойцов, были женщины, дети, подростки. Они и меня не раз и не два видели. А кроме того, если вы дадите мне карту-двухверстку, я покажу место расположения нашего лагеря и вы легко найдете его. Аллочкину могилку тоже сразу видите. Я воткнул в холмик веточки сосны и вербочки. И только представьте они прижились...

- Аллочки? Что это за фамильярности? Уж не хочешь ли ты сказать..., - даже откинул голову назад Нефедов.

- Хочу. Мы с Аллочкой собирались пожениться. Конечно, после войны

- Ну, старлей..! Если ты врешь... - нервно бил кулаком одной руки о ладонь другой генерал.

- С детства не приучен... Кстати, вы можете поинтересоваться подлинностью документов, которые нам с убиенным профессором удалось отбить у фрицев. Но для этого надо быть вхожим к товарищу Берии. Ведь достать чертежи и технические описания к ним было поручено нашему партизанскому отряду возглавляемому священником отцом Валерием и лично Аллочке. Царствие им и всем погибшим при попытке захватить гору Небесное! Она сама об этом мне рассказывала. Уже раненная, перед смертью.

- Так ты что, старший лейтенант, в Бога веруешь? – усмехнулся генерал Нефедов.

- А на войне, и тем более в партизанском отряде поневоле в Бога уверуешь. Дочка-то ваша тоже уверовала, - твердо ответил я.

- Иди ты... Что-то верится с трудом...

Нефедов хмыкнул и выглянул за дверь. Подозвав майора, приказал: «Карту мне, двухверстку... Где гора эта... Как ее?»

- Линномахари, - подсказал я.

- Вот-вот... А еще, майор, принеси-ка чаю с какими-нибудь пирожками, булочками, бутербродами. Для меня и для старшего лейтенанта... Поминать Аллочку, пока я точно не убедился в ее гибели, не будем... Так, говоришь, доча погибла героически? Подняла мужиков в бой? Это – в ее духе! Эх, дочка, дочка! – крутанул головой генерал...

Когда майор вернулся с картой, мы склонились над ней, и я показал местонахождение лагеря: «Оставшиеся в живых партизаны из бригады «товарища Акима» на основе отряда «Советский Мурманск», женщины, дети, старики, спасенные партизанами, наверняка обосновались там. Благо, фрицы не в состоянии посылать карателей. Кстати, многие меня знают в лицо и подтвердят, докажут мою невиновность.»

- Ну, ну, старший лейтенант! Я уже почти поверил тебе... А найдется ли вблизи лагеря место для посадки самолета?

- Так точно, - и я поставил на карте несколько крестиков.

- Ну, давай почаевничаем! – грустно улыбнулся Нефедов. Что мы и сделали. Я съел сразу пять только что испеченных пирожков: с мясом, с капустой и с брусникой. И чуть было не задохнулся от аромата настоящей «докторской» колбасы! Вот ее-то, наслаждаясь, я долго-долго разжевывал в мелкие кусочки. Вспомнилось, как в училище мы, курсанты, после получения денежного

довольствия, бегали в магазин напротив картинной галереи, покупали двести граммов «докторской», делили ее на мелкие кусочки и наслаждались, катая их во рту... В завершение чаепития генерал опять позвал майора и приказал: «Предоставь мне самолет. Лучше всего – ПО-2. Часу тебе для этого хватит?.. А старлея отправь пока в ближайший лагерь. Но пусть его определяют в жилой корпус и на паек для охраны. Однако, для вида часового у дверей все-таки поставь. Я вернусь, и мы тогда окончательно разберемся.»

Садясь в майорскую «эмку» я долго провожал взглядом улетающий с генералом Нефедовым По-2. А после этого час добирался до ближайшего концентрационного лагеря, где отдельно содержались пленные гитлеровцы, их прислужники, по их словам не замешанные в убийстве наших соотечественников и советский пленные, которых теперь проверял СМЕРШ. Сам же лагерь примыкал к небольшому городишке. Однако в нем, как я понял размещались различные склады самого разнообразного назначения, начиная от обмундирования, и заканчивая только что прибывшими для фронта танками, разнокалиберными орудиям и даже «Катюшами»...

Каждый день на рассвете меня будили автоматные очереди, звучавшие где-то очень недалеко. Я спросил о них одного из охранников.

- Выявленных «смершевцами» предателей, полицаев, гитлеровских диверсантов расстреливают, - был ответ. Я содрогнулся. Подумал: «Если бы генерал Нефедов не поверил бы мне, то на месте этих недобитков вполне мог бы оказаться и я.»

...Но однажды под вечер увидел в окно, как в «зону» заводят самого... генерала Нефедова. Он шел, заложив за спину руки, низко опустив голову. На плечах виднелись следы от вырванных с корнем погон. И вел его знакомый

мне уже майор, когда-то подававший нам чай с пирожками и бутерброды с душистой «докторской» колбасой.

«Вот, сволочь! Оклеветал «заслуженного чекиста»... Зато сам выслужился! Наверное, теперь подполковника получит!.. А что бы он сделал с Аллочкой?!» - скорбно подумал я.

И в эту самую минуту дверь в мою комнату открылась. На пороге стоял капитан-«смершевец» и два рядовых автоматчика с оружием наизготовку. Первый скривил рот в улыбке: «Закончилась твоя лафа! Пойдем в общий барак. Встретишься там со своим несостоявшимся тестюшкой-врагом народа... Но уверяю тебя: это не надолго!»

«Майор и об этом доложил! Негодяй! Тыловая крыса!» - горестно дернул я головой.

В кабинете, похожем на тот, где меня допрашивал генерал Нефедов, я увидел чернявого человечка, как две капли воды похожего на старика в черно-серебряных длиннополых одеждах, вась-васькавшегося с гитлеровскими генералами во время их попыток запустить дисколет. Те же жирные волосы, тот же огромный в крупных, черных угрях нос, свисающий почти до подбородка, выступающего далеко вперед, та же то ли родинка, то ли бородавка на нем, те же пухлые фиолетовые влажные губы... Те же по-бабьи покатые плечи. Но в звании подполковника. «Чудны дела Твои, Господи!» - только и успел подумать я.

Подполковник же слащаво улыбнулся: «Ну что, друг мой, будем знакомиться. Я – следователь СМЕРШа Марк Захарович Гирштейн. Назовитесь и вы. Полностью: фамилия, имя, отчество, национальность, социальное происхождение, дата и место рождения...»

И все остальное продолжилось по уже знакомой мне схеме. Только без мордобоя. Пока. А потом разговор пошел как бы ни о чем. Гирштейн даже предложил закурить.

Угостил «Беломором». Восхищался партизанским движением на Кольском полуострове. Погоревал о гибели «товарища Акима», которого якобы хорошо знал лично... Если бы дело происходило не в фильтрационном концлагере, то можно было бы подумать, что с ним – старые друзья... И вдруг, трагически оттопырив нижнюю губу, скорбно произнес: «А вы давно знакомы с бывшим генералом Нефедовым? Вот ведь метаморфозы какие! Начинал он вместе с товарищем Дзержинским, а к финишу пришел врагом нашего многострадального народа!»

И вдруг как будто кто-то продиктовал: «Впервые увидел генерала в день первого и последнего моего допроса. Потом он куда-то то ли уехал, то ли улетел... Говорю так, потому что слышал, как он требовала у вашего сослуживца майора обеспечить его самолетом...»

- Как же так? Поначалу генерал приказал майору бить вас, а потом он вдруг сменил свой гнев на милость. Даже чаем вас угощал, пирогами, бутербродами с дорогой колбасой... Не объясните ли еще одни метаморфозы?

- Объясню. Генерал узнал о том, что я воевал в одном партизанском отряде с его погибшей дочерью. Просил показать ему на карте место ее захоронения. Я подчинился...

- Про ваше партизанское прошлое я охотно верю. Даже сам лично буду ходатайствовать о награждении вас правительственной наградой. Вот и отлично будет... А теперь вы сядете и напишете, как слышали, что генерал Нефедов на самом деле летал не на могилу дочери, а на встречу с агентами английской и американской разведок, ведущих переговоры с представителями Вермахта из высшего, генеральского эшелона по поводу какого-то секретного, сверхмощного оружия, якобы разрабатываемого в горе, - опустив глаза в свои бумаги, не совсем внятно проговорил Гириштейн. Но тут же вскинулся и весело объявил: «А как напишешь, гу-уляй на все четыре стороны!»

Если хочешь, я сам лично отвезу тебя в твой полк, на аэродром!»

Мне стало противно. Поэтому я, глядя прямо в глаза подполковнику, спросил: «А если не напишу?»

Слащавость мгновенно стерлась с лица Гирштейна. Волосы вздыбились. Стали похожи на рога, вылезшие наружу. Подбородок еще больше выдвинулся наружу. То ли родинка, то ли бородавка побагровела. Каменным, словно утробным голосом, он выдавил из себя: «А если не напишешь, то для начала тебя тут же избьют до полусмерти. Бросят в сырой подвал с крысами. А они любят запах крови! Бегут на него. И грызут, грызут места на теле, где кровь выступает. Людям сейчас жрать нечего! Вот крысы трупками вроде тебя, - если не напишешь, - и питаются... Глядишь, и вконец загрызут! Голодные! Злые! Но бить тебя будут ежедневно в течение недели. Прямо в подвале. Пока не согласишься написать. А потом тебя расстреляют вместе с полицияями, дезертирами, предателями, шпионами и диверсантами. Зароют в общей могиле, засыпят негашеной известью... Как тебе такой вариант решения нашей задачи со многими неизвестными? И главным неизвестным станешь ты...»

- Воздух... Воздух! – разнеслось по округе. И тут же раздались близкие взрывы авиабомб. Застрекотали наземные пулеметы, спаренные по четыре и по шесть. Заухали зенитки

Гирштейн побледнел, дернулся и, схватив какие-то документы, опрометью кинулся из кабинета. Однако на ходу бросил автоматчику, стоявшему по другую сторону двери в кабинет: «Этого – в подвал! Там закроешь! Головой за него отвечаешь!»

И убежал куда-то... Автоматчик же стволом ткнул меня под ребра... А вокруг громыhalo. Многие служебные лагерные помещения горели. Вышки часовых были

повалены. Двухрядная колючая проволока во многих местах оказалась порванной. А «юнкерсы» шли на новые и новые круги. Одни бомбардировщики сменялись другими... Честно говоря, на моей памяти не было таких налетов. Ну, если только в больших городах.

- Должно быть, какой-то важный шпион сидит в нашем лагере, - вздохнул мой конвоир, увидев как полицаи, предатели, дезертиры, шпионы и диверсанты, перепрыгивая через обрывки проволоки, поваленные столбы ограждения и вышек разбегаются в разные стороны

- Город-то тоже бомбят, - возразил я.

- Бомбят склады и арсеналы. А нас-то с каких кренделей? - возразил автоматчик.

Вдруг шагах в пяти-семи от него просвистела и ухнула небольшая авиабомба. Паренек вздрогнул. Весь как-то неестественно вытянулся. Побледнел. И всем телом ополз вниз. Самолеты уже улетели. Развалины служебных и складских зданий лагеря догорали. Похоже было, что среди них похоронен и Гирштейн... Хотя это вовсе не обязательно. Помоги, Господи! Спаси и сохрани! Я наклонился над моим конвоиром. Он лежал с широко раскрытыми глазами, в которых неживым стеклом светлело небо.

- Спасибо, брат... Ты прикрыл меня собой. Если ты крещеный, Царствие тебе Небесное. Как же? *За други своя...* Ежели нет, покойся с миром, - большим и указательным пальцами закрыл я ему глаза. И вдруг услышал позади: «Саша, сынок...»

Шагах в десяти от меня стоял генерал Нефедов. Я вскинулся. Подбежал к нему. Принялся торопить: «Надо спешить отсюда. Вдруг этот Гирштейн жив! Или майор-иуда... Я ведь сразу понял, что это дело рук эдакого негодяя! Но вы вернетесь к вашему начальству, все толково расскажете. А уж оно рассудит... Только почему вы меня сынком назвали?»

Мы ускорили шаг. И скоро наткнулись на... стукача-майора. Он лежал посередине мостовой на спине. Тоже с открытыми глазами. А посередине груди было кровавое месиво...

- Награда нашла героя... - хмыкнул я. И признался себе, что в душе у меня не возникло ни тени жалости. Если бы на земле вдруг перевелись такие подонки, то... «Был бы Рай, а он возможен только на Небесах. Вот и стремись к ним!» - продиктовал мне голос откуда-то со стороны и в то же время внутри меня. Прости меня, Господи, за то, что вмешиваюсь в Твое Домостроение. Ведь еще Каин убил Авеля!

Нефедов, махнув рукой на труп майора, сосредоточенно рассказывал: «Я был на могилке Аллочки. Все ты показал на карте правильно. И вербочка стоит и сосенка. Живые! Не сдержался, поплакал. И понял, что потеряв дочку, обрел сына, за которого она хотела выйти замуж. Как же мне еще тебя называть? И как мне дальше, для кого жить? Из ближних? Их попросту нет! А жить-то надо не для чего-то, не ради чего-то, а для кого-то, ради кого-то...

Ах, как хотелось мне поправить его: «Для кого? Для Бога, ради Бога! Тогда и ближние найдутся, отзовутся. Настоящие ближнии! Пусть даже не по кровному родству! По духовному! Агнюша-то отозвалась! Отец Валерий, Сергуня-малый, другие, - Царствие им Небесное! »

Но я промолчал. Рановато было с ним на такие темы разговаривать. А генерал между тем продолжал: «Жаль, что я это слишком поздно понял. Смолоду бы! Вот ты один у меня и остался... Ой, что-то сердце закололо... А ведь никогда такого раньше со мной не бывало. Пойдем-ка в военную комендатуру. Я позвоню оттуда в Москву...»

Оказалось, что военная комендатура тоже попала под бомбежку. Слава Богу, погоны сорвать с меня не успели.

Награды тоже не отобрали. Поэтому я воспользовался рацией первых попавшихся на пути связистов. И скоро с аэродрома моего полка за нами пришла машина.

...Сразу, конечно, меня до полетов меня не допустили. А когда все узнали, что подполковник Гирнштейн сгорел в подвале вместе с документами на меня, а весь его архив попал под бомбежку, командир моего полка, довольно ухмыляясь, объявил: «Ты ведь больше года вообще не летал! Хотя и, ха-ха, гашетку от штурвала отличаешь... Вот, сдавай поскорее все зачеты... Покрути «бочки» над аэродромом... И тогда с Богом – в бой!»

Теорию и практику я сдал за два дня. И, простившись на самом деле почему-то по-сыновьи, с генералом Нефедовым, который лежал в нашей санчасти с болями в сердце, - госпиталь-то тоже разбомбили, - вылетел в составе эскадрильи недавно приехавшего к нам комэска. Героя Советского Союза! Того самого, который перехватывал меня около линии фронта. Я поднялся в воздух на новеньком, только что доставленном нам истребителе с чувством, похожим на то, которое охватывало меня при первых полетах в военном училище. Ах, как же сладко было! Как же сладко сейчас!

На этот раз нас поддерживали бомбардировщики. И вместе с ними мы смогли разметать в пыль мощный гитлеровский десант, высадившийся, кстати, неподалеку от горы Линномахари. Мне-то стало понятно, что фрицы пытаются спасти оставшиеся документацию и оборудование.

- Не-е-ет, дудки! Это вам за батюшку, это – за Агнюшу, это - за Аллу, это -... - стиснув зубы и нажимая на гашетку, вслух я повторял имена погибших соратников по партизанскому отряду.

А когда наша эскадрилья вернулась на аэродром, я узнал, что час назад генерала Нефедова унес в Москву

небольшой «транспортник», нарочно высланный каким-то высоким начальством

- Успели бы доставить! Старик стал совсем плох. Надорвал сердчишко-то, - вздохнув и закурив, сообщил мне наш полковой доктор.

- А в какой госпиталь? – спросил я.

В ответ доктор пожал плечами: «У этих органов есть свои лечебные учреждения. Засекреченные.»

Но я решил для себя: если останусь жив после войны, то обязательно найду генерала. Стало стыдно: я же даже не спросил ни имени его, ни отчества! А он мне: «Саша! Сынок!».

Однажды утром я попросил Елену зашить карман у китайских спортивных брюк и пришить пуговицу к рубашке. У меня-то права рука плохо работала из-за недавнего инсульта... Особенно подводила «мелкая моторика». А мизинец вообще не чувствовался. Но в ответ прозвучало: «А ты ее разрабатывай! Руку-то. Я же тебе купила резиновое кольцо. Вот, непрестанно сжимай и разжимай его. У тебя еще есть стеклянные шарики. От твоих тренировок по рукопашному бою остались. Крути их в ладони.»

- Но зашить карман и пришить пуговицу надо не тогда, когда я восстановлю руку, а сейчас! – попытался оправдаться я.

- А сейчас мне нужно сводить тетю Катю в «собез» и в сберкассау за пенсией. Так что вернусь только к обеду.

Но ни после обеда, ни на следующий день, ни через неделю времени на починку моих вещей у Елены не нашлось. Зато однажды вечером она весело объявила: «Сегодня я встретила Сережу. Мы с ним пели сначала в детском хоре. Даже в Артек вместе ездили. Потом выступали в хоре молодежи и студентов под руководством Тевлина...

Гора с горой не сходятся, а люди находят друг друга. Он сейчас – телевизионный мастер. Вообще – рукастый мужик. Все умеет. Я и подумала: ты после своего инсульта отвертку в руках удержать не можешь. А я хочу пригласить его помочь хотя бы шурупы для всяких полочек и крючочков прикрутить.»

- А твой «рукастый мужик» может стихи, романы писать, статьи писать? – почему-то предчувствуя недоброе, спросил я. А сам подумал: «Как же ты, «случайно» встретившись один раз, узнала, что он «рукастый» и «все умеет». Не стыкуется как-то!»

- А какой толк от твоих стихов, романа и статей? Тебе что? За них платят? За первую твою книгу заплатила я. И заплатила три-и-идцать ты-ы-ысяч! – всплеснула она руками.

- Маша сняла все деньги с книжки, чтобы искать Игоря! И вот, ведь начали издавать! Еще и потому, что Маша делала это с молитвой за мужа. Безо всякого сожаления. Даже с радостью.

- Я же всегда говорила, что тебе надо было искать такую жену, как Маша у Игоря или Наташа у Кости. А я женщина светская, далекая от молитвенности, - хмыкнула, поправляя челку.

- Я женился на тебе учитывая то, что люблю тебя, и то, что у нас есть Георгий...

- А что толку? Ты смог его перевоспитать?

И я услышал в ее тоне нотки Екатерины Егоровны и Анны Егоровны. В этом ошибиться я не мог. Но ответил: «Во всяком случае, он сволочью тебя не называет и руки на тебя не поднимает. И если бы ты меня слушала, если бы ограничила общение нашего сына с тетками, перевоспитание удалось бы. А ты, жалея их, способствуешь гибели сына! Ему, словно маленькому, носят шоколадки, яблочки, апельсинки, печенюшки. Прямо в его комнаты! А

на общий стол ни разу ничего не положили. А парень-то уже бреется!»

- Да брось ты! Тетушки ему, видите ли, помешали. Просто ты не стал для него авторитетом. Не стал для него отцом...

- Просто не стал, как это не горько, тунеядцу, хроническому игроману давать денег или очищать от мягких косточек селедочку. Но ты-то потакаешь ему и теткинскому баловству. И покорно сникаешь, когда он в ответ на какую-нибудь твою просьбу по хозяйству, играя на компьютере, орет, мол, закрой дверь, мол, я занят. Можно подумать, что «ребеночек» решает мировые проблемы или, на худой конец, делает какую-нибудь курсовую работу в колледже, из которого он ушел, или, тем паче, в институте. Как же ты не понимаешь, что он страдает компьютерной зависимостью?! - я даже повысил голос.

- Не ори на меня!

- Я просто повышаю голос от бессилия что-то тебе доказать. Ты же не слышишь и не слушаешь меня...

Я понял в который раз, что до нее не докричишься. Легло мы спать порознь. А под вечер следующего дня в дверь позвонили. Я открыл. На пороге стоял... поджарый еврей. Лена из-за моей спины радостно воскликнула: «О! Сережа! Спасибо за то, что приехал... Я сейчас стол накрою! Проходи! Раздевайся! Саша! Знакомься... Дай же гостю тапочки!»

- Стол подождет. Сначала скажи и покажи что сделать надо... Шурупы, отвертку, карандаш, молоток Саша, наверное, даст, - переобуваясь и снимая куртку говорил Сережа.

«А может быть, и Самуил...» - почему-то подумал я. Но дал весь требуемый инструмент. Сам при этом наблюдал, что он и как делает. А Елена, проходя мимо, тихо пробурчала мне: «Ты бы так за твоими среднеазиатскими

строителями присматривал. А то до сих пор недоделки устраняем. А уж как они входную дверь испоганили, я даже не говорю!»

Надо отдать должное, Сергей все сделал в течение полутора часов. И сделал неплохо. Лена пригласила нас в небольшому раскладному столу. Мы прекрасно поместились втроем. Елена принесла из большой комнаты коньяк и полбутылки сухого вина. Про вторую объяснила: «Саша – после инсульта. Больше рюмочки ему нельзя.»

А мне, честно говоря, и не хотелось выпивать. Вспоминались Правила Вселенских Соборов, запрещающие трапезничать с иудеями. Но я оправдывался перед собой: «А может быть, Сергей – православный! Ведь искренне крестившийся во Христа еврей перестает быть оным. Или вообще – никакой он не еврей! Просто похож...»

И подкрепившись салатом, котлетками, колбасой, сыром, я терпеливо слушал специфические воспоминания жены и гостя об их «хоровых» детстве, юности и молодости, сменяющиеся забавными и курьезными случаями... После третьего «наперстка» коньяка Сергей накрыл рюмку ладонью: «Довольно, Леночка. Я норму свою знаю.»

Лена почему-то выразительно посмотрела на меня. А Сергей стал собираться. Пояснил: «Я с мамой живу. А она всегда очень волнуется, если я поздно возвращаюсь. И добраться мне надо на другой конец Москвы. Так что Лена, подумай, чем я могу еще полезен быть тебе.»

Поначалу я не придал этим словам значения. И оценил их только потом, когда ночью ворочался не в состоянии заснуть. «Чем я могу еще полезен быть тебе»? А я, значит, в расчет не брался... Лена бы могла достойно ответить в мою защиту. Но она задумчиво и даже мечтательно. Ну, Сережа-Самуил! Однако, ты – еще тот жучара! Надо бы отгадить тебя! Такой помощник по хозяйству мне не нужен... Эх! Работала бы у меня правая

рука, как было раньше! Я ведь все делал по дому... Спасибо теткам! Набубнили! Нажелали покойника!

...После этого случая Лена, что называется, наладилась раз в две-три недели ездить на встречи с подружками на посиделки в каком-то кафе на «Тургеневской». Я, конечно, мог бы узнать, поехать, посмотреть, проверить... Но ведь это было бы так унижительно! Оскорбительно! И для нее, и для меня. Они, по ее рассказам, там ужинали, пили вино или коньяк. И Елена убеждала меня, что мужья подружек отпускают безприкословно. Опять же, по ее рассказам. А после этих посиделок я всякий раз встречал ее на остановке трамвая напротив нашего дома. Я верил! Хотя бы потому, что подозрительность – родная сестра клевете. Но все-таки на сердце лежала какая-то туга.

А тут как-то у нас сломался старенький телевизор. Хотя на кухне стоял и другой, более миниатюрный, плоский, Сережа не замедлил явиться. На столе в большой комнате разобрал его. Часа два провозился с ним. От моей посильной помощи наотрез отказался. Даже с каким-то раздражением! И я вынужден был уйти в свою комнату, чтобы сесть за рукопись. Я решил ожидать приглашения к столу. А когда вошел на кухню, увидел, что Лена с гостем весело, смеясь, под очередные воспоминания попивают коньяк. Но сидят так, что для меня места не находилось. Я постоял в ожидании того, что они подвинутся... Но Елена, вместо того, показав большим пальцем за спину и на меня, вдруг сказала: «А этому наливать совсем не нужно!»

«Этому!»

Меня как будто окатили с головы до ног ледяной водой! И я ушел из кухни в свою комнату. Но слышал, как Лена с Сережей продолжали веселье. Намного позднее Игорь, услышав «этому», опустил голову и промолвил: «Если бы Маша так сказала, то я тут же ушел навсегда. Без

вещей. В никуда. Это – даже хуже прелюбодейния! Это – полномерное предательство! Это – *слово*! Но не Божие. Извращенное слово! Вражие! А что такое слово для писателя или поэта тебе говорить не надо. Но твоя Лена, похоже, не понимает этого. Ты ведь как-то говорил, что она не читает и не любит стихов. А это, прости, показатель далеко не в ее пользу. А понимает ли она твое творчество? Не выдержала твоя Лена экзамен на благодать быть женой писателя! Несчастливая!»...

Это Игорь говорил намного позже, по телефону, когда я уехал из Москвы. А тогда вспомнился Иван Бунин: «Но для женщины прошлого нет: разлюбила, и стал ей чужой...»

...Через день Лена уехала на дачу. Я же не поехал только потому, что мне надо было идти на кровопускания в стационар сороковой больницы. Лицо мое покраснело. Значит, гемоглобин, что называется, зашкалил. Причина была, как говорится, на поверхности. Но я тогда не придал этому никакого значения. Хоть слово «этому» невыносимо больно скребло сердце.

На кровопускание я не пошел. Зато пошел в магазин и купил себе бутылку коньяка. И до вечера выпил ее. На следующий день повторил. И на следующий – тоже. Знал, что нельзя! Но я хотел умереть... Ведь Лена, Леночка в третий раз предала меня! Одним словом: *этому*... Не мужу! Не любимому! Чему-то неодошевленному. Даже не «кому-то»! И о том, что я работаю со *словом*, с художественным словом, она даже не задумывается, хотя знает русский язык, как говорится, «на ять»! Язык служебных документов. Всяких протоколов, инструкций, докладных... Мертвый язык!

...Лена приехала неожиданно. Я еще был под парами коньяка. И с порога раскричалась: «Так-то ты по врачам, на процедуры ходишь?! А на дачу не ездешь! На болячки ссылаешься. Не было у тебя никакого инфаркта. Если

коньяк бутылками жрешь, то здоров ты, как бык! Симулируешь. Егорка звонит мне и говорит, что зашел к тебе, а ты дрыхнешь пьяный в хлам, и на столе у тебя стоит недопитая бутылка коньяка...»

- Вот молодец сынок! Настоящий стукачок растет! Мечтал быть поддонком, - им и стал! В теток весь! С их бубнением, с их проклятьями и пожеланиями покойника в нашу семью! А ведь покойником по их пожеланиям могу быть только я. Ни тебе, племяннице, ни дублеру Павлика Морозова они такого не пожелают! А что?! Вы с твоим Сережей пьете коньяк, а мне нельзя? На меня даже места за столом не оказалось! «Этому не надо»!... Нашла неодоушевленный предмет! Это ж как нужно мужа унижить при постороннем человеке! Или он уже – не посторонний?.. Ты мотаешься по кафе... Неизвестно с кем... Не с Сережей ли?! И не с Таней, и не с какой-нибудь разведенкой. Или с Екатерины Егоровны берешь пример, которая принимала у себя, по твоим же словам, женатого мужика, – отозвался я, тоже переходя на крик и все еще не протрезвев.

- Не трогай моих тетушек!

- Уже и тебе и на тебя набубнили! Наколдовали! Нажелали покойника. А помнится, ты говорила, что не поддаешься ничьему влиянию. Поддалась! Поддалась! Да будут они прокляты! – не унимался я.

- Ну, в общем так: я звоню Косте. Прошу о помощи. Пусть забирает тебя, куда хочет. И вот в каком плане: пока ты находишься здесь, я с дачи не приеду. Замерзну там, но не приеду, - каменным голосом заключила она.

Лена прошла в комнату Георгия и там о чем-то долго говорила с ним. Слава Богу, я успел опохмелиться. А когда она уехала «ребеночек» вошел ко мне и объявил: «Уходи. Ты нам не нужен.»

Нам!

Значит, они оба приняли такое решение. Значит, у жены что-то в жизни изменилось. В личном плане.

Я сходил за еще одной бутылкой коньяка. Заодно купил сигарет. А ведь не курил два года! Но придя домой, закурил у открытого окна. И странное дело: даже голова не закружилась. Выпил и... сел за рукопись. Хмель мгновенно прошел. Но через час позвонил Костя. С места в карьер начал: «Брат! Что ж ты творишь! Личных врагов православные христиане не проклинают! За них молятся! Как делал это Господь наш Иисус Христос! А ты теток жены проклял! А еще и бухаешь неделю! И этим очень сильно обидел Лену!»

- Я обидел?! А пить коньяк с посторонним мужиком, хохотать, веселиться и при этом усесться так, что места за столом для законного венчанного мужа не осталось?! А когда я вошел на кухню, она сказала, мол, этому не надо наливать! Ты только представь! Я уже не Саша, не муж... Я – «этот»! Разве она не обидела меня первой? Вот только после этого я и начал бухать. А так, ведь ты помнишь, что я выпивал по бокалу шампанского на Рождество Христово, на Пасху и на наши дни рождения и дни Ангела. К тому же она ведет себя с этим Сережей, как с очень близким человеком. Не удивлюсь тому, что Елена втихаря встречается с ним где-нибудь у ее знакомых баб-разведенков, - возразил я.

- Ты же сам знаешь, что подозрительность – родная сестра клевете. Ты за ноги держал? Со свечкой стоял? Нет. Санечка! Всегда ищи причину всех своих бед и несчастий в себе самом!

На это мне нечего было возразить. Да и мог ли Костя, не познавший моей беды, до конца понять меня?! Вот Игорь, прошедший через подобные злоключения понял сразу. Между тем, Костя продолжал: «Лена попросила увезти тебя куда-нибудь. И чем скорее, тем лучше...»

- Куда-нибудь?! На помойку? На ближайшую свалку? На кладбище, где можно, что называется, прикопать в какой-нибудь заросшей, заброшенной могилке? А как она полагает, где я буду получать нужные лекарства, уколы, без которых могу просто погибнуть? Она же вышвыривает в неизвестность инвалида с нерабочей правой рукой! После инфаркта, после инсульта, после операции, с доброкачественным новообразованием в крови, с аденомой! Или она моей смерти и добивается, чтобы освободить место для Сережи? Но у него-то есть крыша над головой в квартире с мамой. А у меня?! Вот так: не могу горбатиться на даче, бегать по магазинам, готовить, так сразу стал не нужен! Не я ее обидел, а она меня! Предала меня! И не в первый раз! Я просто тебе не рассказывал.

- Я думаю, что она просто решила проучить тебя. Мне хочется верить, что скоро все встанет на свои места. Претерпи и потерпи!.. Ладно. Пока собирай самые необходимые вещички. Завтра в семь утра я заеду за тобой, и мы поедem в Великодворье к отцу Сергию. Ты ведь для него сделал прекрасный очерк в «Русском Вестнике». Даже с рекламой! Я созвонился с ним. У него для тебя найдется жилье в старой школе. Походишь на долгие монастырские службы. Исповедуешься. Покаешься в том, что проклинал теток. Помолишься о том, чтобы простить ее. Обзаведешься хозяйством. Продолжишь писать свой роман... До завтра. Только прошу тебя: больше не бухай!

И в мобильнике раздались короткие гудки. А на его просьбу я про себя отозвался: «Ага! Не бухай! В такой безысходности!»

Почему-то вспомнились слова Царя-великомученика и исповителя Николая Второго Александровича: «Кругом измена и трусость, и обман.»

И налил себе сразу полстакана коньяку. Залпом выпил. Закусил шоколадной конфеткой. Захотелось

заплакать... Конечно, Елена много сделала для того, чтобы я написал несколько книг. Но ее последние слова про «толк» от моих прозы, стихов, статей и последнее предательство перечеркнули с изгнанием все то доброе, что она сделала для меня. Так что, решил я, пожалуй, откажу ей и Георгию в наследовании прав на мои произведения. Почему-то вспомнилось пророчество о том, что в последние времена даже бесы ужаснутся злодеяниям многих людей! Спаси, Господи! Сохрани и помилуй!

